

**Национальный Университет Узбекистана имени
Мирзо Улугбека Исторический факультет
Новосибирский Государственный Университет
Гуманитарный институт**

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА,
КУЛЬТУРА**

Ташкент
«TURON-IQBOL»
2020

УДК 94
КБК 63.3(5У)я73
О 91

Очерки по истории государственности: политика, экономика, культура.
– Ташкент: «TURON-IQBOL», 2020. – 308 с.

В настоящей монографии на основе привлечения обширного источникового материала и новейшей литературы прослеживается становление и развитие различных форм, видов и аспектов государственности в разные исторические периоды.

Публикация монографии является результатом совместной работы узбекистанских и российских историков, археологов, культурологов, востоковедов в рамках деятельности Консорциума исследователей истории стран Северной и Центральной Азии.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Отвественные редакторы:

д.и.н., проф. **Зуев А.С.** – директор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Российская Федерация),

д.п.н., проф. **Муминов А.Г.** – декан исторического факультета Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Республика Узбекистан)

Редакционная коллегия:

д.и.н., проф. академик Сагдуллаев А.С., д.и.н., проф. Муртазаева Р.Х., д.и.н. проф. Сулейманов Р.Х., д.и.н., проф. Кобзева О.П., пр. Алиназарова Д.В., (Узбекистан), д.и.н., проф. Войтишек Е.Э., д.и.н., доц. Дмитриев А.В. (Российская Федерация)

Рецензенты:

д.и.н. проф. **Сыздыкова Ж.С.** - зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

д.и.н., проф. **Плеханова А.М.** – зам. Директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского Отделения РАН

к.и.н., доц. **Уроков Д.Ж.** – зав. кафедрой «Всеобщей истории» НУУз им. Мирзо Улугбека.

Монография рекомендована к печати на заседании Ученого совета исторического факультета НУУз им. Мирзо Улугбека (Протокол №7 от 25.02.2020).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Теории, процессы и концепции государственности на Евразийском пространстве	7
Кадырбаев А.Ш. Сыздыкова Ж.С. Народы Центральной Евразии: общность исторических судеб в контексте истории государственности	7
Тошбоев Ф.Э. О влиянии культуры скотоводов на развитие государственности в древнем Согде	18
Пиков Г.Г. Киданьская идея государственности и феномен киданей в истории Центральной и Восточной Азии	27
Юнусова Х.Э. Некоторые аспекты ирригационной теории создания государств в Средней Азии	37
Габриэльян С.И. Концепции государственной политики Великобритании на Среднем Востоке в XIX в.	46
Розаков А.А. Этнические факторы во внутривосточной жизни США и их влияние на становление современной государственности	55
Палишева Н.В. Влияние процесса деколонизации на становление современного государства в Индии	65
Глава II. Власть и политика в становлении системы государственности	70
Зуев А. С. Политика Российского государства в отношении народов Сибири в конце XVI – начале XX в.	70
Рахманкулова З.Б. Сведения тюркоязычных источников об отношениях Среднеазиатских ханств и Османского государства	77
Холикулов А.Б. Становление системы государственной власти в Бухарском ханстве: традиции и новаторство	84
Слугина В.А. Понятие измены и образов врагов в присягах народов Сибири XVII в.	93
Гордеева М.А. Государственный контроль над органами местного самоуправления в Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: введение института крестьянских начальников	99

Речкалова А.А. Геральдические символы японских императоров: с зарождения до начала XX в.....	105
Глава III. Военно-исторический аспект в истории государственности.....	108
Бобров Л. А. К вопросу о высшем командном составе армии Амира Тимура в начале 90-х гг. XIV века	108
Дмитриев А. В. Влияние военного фактора на развитие российской государственности в XVII–XVIII веках: основная проблематика и современные концепции	120
Раишев Т.Т. Образование Туркестанского военного округа в свете военных реформ в Российской империи в 60-е годы XIX века	131
Мачин Г.В. Некоторые страницы военной истории установления Советской власти в Туркестане: Магаза Масанчи	140
Саипова К.Д. Проведение государственной политики по проведению эвакуации в Узбекистан промышленных предприятий из прифронтовой полосы	152
Глава IV. Социально-экономические факторы и их влияние на развитие государственности.....	161
Вайсова Н.А. Согдийцы купцы и торговцы в истории государственности Узбекистана	161
Кобзева О.П. Торговые пути в истории становления и развития государственности: Хорезм на Великом Шелковом пути	170
Маматова М.Б. Межгосударственные отношения России и Средней Азии и торговля чаем в XVI-XIX в.в.....	181
Дорошенко Т.И. Из истории российско-бухарских отношений в XVIII- середине XIX вв	191
Валиев А.Х. Политика государства в вопросах занятости населения Узбекистана.....	200
Ахмедшина Ф.А. Вопросы гендерного равенства в государственной политике Республики Узбекистан	209
Эгамбердиева Г.А. Государственная политика в сфере туризма в Узбекистане в годы независимости.....	220
Глава V. Культура, образование и инновации как основа процветания государства и общества.....	233

Шокиров Т. С. Религиозный фактор в формировании государственности Чагатайского улуса	233
Мухамедов Ш.Б. Государство и религиозные учреждения в Российском Туркестане	242
Адиллов А.А., Атаджанова С.М. Ислам и советское государство: взаимоотношения религии с властью в первые годы её существования.....	250
Ишанходжаева З.Р. Эволюция государства и модель духовной культуры в Узбекистане в 1920- 1930-х годах.....	259
Муртазаева Р.Х. Государственная политика Республики Узбекистан по обеспечению межнационального согласия и толерантности в обществе	269
Муминов А.Г. Коренные реформы в системе образования Узбекистана как фактор укрепления государственности.....	278
Сиддиков Р.Б. Государственная политика Республики Узбекистан в сфере науки в рамках реализации Стратегии действий.....	299
Шакиров И.Р. Инновации и их роль в построении новой государственности в Сингапуре.....	302

ПРЕДИСЛОВИЕ

**«Первый закон истории-
ни под каким видом не допускать лжи;
затем – ни в коем случае не бояться правды»
Цицерон**

Государственность в своем зарождении и развитии - сложный исторический процесс. Ее формирование и генезис тесно связаны с традициями, религией, духовностью, культурой, экономикой отдельных стран и народов.

В монографии, представляемой на суд читателя, рассматривается как формировались традиции, эволюционировали структуры, институты и механизмы государственной власти и политической деятельности по мере становления и развития государств в разных регионах мира. При этом государственность понимается как важнейший элемент общественной структуры, включающий в себя не только те или иные государственные учреждения, но и значительно более широкие моменты, такие как экономика идеология, взаимоотношения государства и общества, связи с другими государствами, культурно-гуманитарная сфера.

Авторы акцентировали особое внимание на особенностях и инновационных моделях в истории государственного строительства и практики различных стран.

Тематически книга разделена на пять частей структурно охватывающих политико- правовые, военно-исторические, социально-экономические, а также культурно-образовательные вопросы, связанные с развитием государственности от появления первых государственных объединений до настоящего времени.

Авторы, ни в коем случае, не претендуют ни на истину в последней инстанции, понимая, что многие вопросы истории государственности еще долгое время будут оставаться дискуссионными, ни на исчерпывающее исследование.

Все замечания и пожелания будут восприняты с благодарностью.

От редакторов

ГЛАВА I. ТЕОРИИ, ПРОЦЕССЫ И КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С.

Народы Центральной Евразии: общность исторических судеб в контексте истории государственности

Народы, обитавших в древности и средневековье на территории Центральной Азии имеют многовековой опыт совместного проживания. Две горные системы Тянь-Шань и Памир соединяют огромные просторы ЦА [1]. Горы Тянь-Шаня протянулись с запада на восток и проходят по территории Киргизии, Узбекистана, Казахстана и Китая (СУАР). Другая горная система Памир, главным образом, пересекает территорию Таджикистана (Горный Бадахшан), а восточная и южная части находятся в Китае и Афганистане. Имеют место в данном регионе и пустынно-степные ландшафты, пустыни Каракумы и Кызылкумы, которые соседствуют с плодородными оазисами, орошаемыми водами Амударьи и Сырдарьи и их притоков. Хотя природно-климатические условия разнообразны и характеризуются значительными контрастами в этих непростых условиях происходило формирование культур, разных по своему облику и способам ведения хозяйства, но, в то же время имеющих по многим показателям схожую фундаментальную основу, берущую начало с момента, когда народы ЦА и Афганистана входили в состав многих государств, которые оставили свой след в историческом прошлом. Это такие государства как Бактрия, Древнеперсидская держава Ахеменидов, империя Александра Македонского, Греко-Бактрийского царство, Кушанская империя, Персидская держава Сасанидов, государство эфталитов, Тюркский каганат, Арабский халифат, государства Саманидов, Караханидов, Газневидов и Хорезмшахов, империй Чингиз-хана и эмира Тимура, Улуса Чагатаидов, Моголистан, государства Тимуридов.

Анализ всего исторического материала приводит к заключению, что этнокультурная и историческая общность народов цен-

тра Евразийского континента была доминирующей тенденцией в истории Афганистана и ЦА, начиная с древнейших времен. Предки современных народов Афганистана и Центральной Азии вели совместную борьбу с иноземными завоевателями – древнеперсидскими царями Ахеменидами, войсками Александра Македонского, арабами, монголами, маньчжурами и китайцами. В результате долгого совместного проживания и продолжительной совместной борьбы с иноземными захватчиками происходило формирование глобальных духовных, культурных, ценностных ориентиров, которые составляют основу центральноазиатской общности, представляло сложный диалектический процесс, который нашел отражение в литературе как призма, преломляющей этносоциальную и этнокультурную память народов.

В настоящее время в государствах Центрально-Азиатского региона и в Афганистане проживают родственные или идентичные народы. Афганистан - многонациональная страна, которую населяют свыше 20 народов, говорящих на иранских, тюркских, индоарийских и нуристанских языках[2]. Причем родственное не только в широком этническом понимании, но и просто в человеческом, поскольку многие южные таджики имеют в Северном Афганистане своих кровных родичей. Такие же родственники в Афганистане были и у жителей Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана – памирских народов: рушанцев, шугнанцев, ишкашимцев и некоторых других, издавна живущих как на правом, так и на левом берегах Пянджа[3]. Более того, близкородственно и тюркоязычное и иное население юга Таджикистана и севера Афганистана. И там, и там живут узбеки, туркмены, арабы и др. К тому же, например, на обоих берегах Амударьи живут представители узбекских племен каттаганов, кунградов, карлуков, кенегесов и др. До 40% населения современного Афганистана представители народов, также являющихся коренными, «государствообразующими» или «титულными» этносами постсоветских стран Центральной Азии. Также 40% населения Восточного Туркестана, родственные узбекам по языку и культуре мусульмане-уйгуры, 7% - казахи, 200 тыс. киргизов, 20 тыс. узбеков и 10 тыс. татар [4]. Согласно Конституции Афганистана существует положение об «афганской нации», под

которой понимались все подданные афганского государства, независимо от их расы и национальной принадлежности [5]. К тому же следует заметить, что в настоящее время часто значение региона для международной безопасности конструируется на основе такого пространственного воображения и таких географических рассуждений, которые позиционируют Центральную Азию «на рубежах» Афганистана и даже относят ее к одному с Афганистаном региону. [MacFarlane 2004:447 -449].

Народы Афганистана и Центральной Азии объединяет общая религия - ислам, преимущественно суннитского толка ханифитского масхаба, которую они начали принимать в одну историческую эпоху в итоге арабского завоевания VII-VIII вв., хотя исламизация Афганистана завершилась в более позднее время, чем Центральной Азии. Но есть и народы, исповедующие другие направления мусульманского вероучения, например, народы Памира, большинство из которых исмаилиты.

Эпоха ариев и зороастризм. Первая страница, проливающая свет на общую историю Афганистана и Центральной Азии, примерно с начала II тысячелетия до н.э., связана с так называемыми арийскими и индоарийскими - древнеиранскими племенами, которые относились к индоевропейской языковой и культурной общности и обособились в это время в степях Центральной Азии, где стали известны как представители археологической андроновской культуры. Вторая четверть II тысячелетия до н.э. была эпохой наибольшей экспансии этих племен, а их общим самоназванием было слово «арья» - «благородный». Об их истории известно немного. Оказавшихся на территории Ирана и Афганистана называли ариями или иранцами, переселившихся в Индию индоариями, а языки называют иранскими и индоарийскими соответственно. Известно, что много племен ариев и индоариев ушли с севера Центральной Азии на юг и юго-восток, в Афганистан, Северную Индию, Малую Азию, Иран и Месопотамию, где на клинописных глиняных табличках Хеттского (на территории современной Турции) и Митаннийского древних царств остались следы языка индоариев. Последствиями переселений ариев и индоариев стала арианизация Ирана, Афганистана и северной Индии, что выразилось в распространении здесь

древнеиранских и индоарийских языков и религиозно-этических представлений. Если в Иране и Афганистане ассимиляция ариями местного населения была относительно полной, то древнеиндийское общество с его высокоразвитой цивилизацией после прихода ариев превращалось в похожее на арийское, но вовсе не идентичное ему. Древнеиндийская цивилизация времени арийского завоевания является симбиозным творением, которое соткано арийской, центральноазиатской по своим истокам нитью, на местной индийской основе. И поныне народы северной Индии и Пакистана говорят на индоевропейских языках, восходящих к языку древних индоариев.

Еще в более древние времена предки ариев и индоариев составляли один народ, которых называют протоиндоиранцами. Они, ветвь индоевропейской семьи, жили тем, что разводили скот в степях Центральной Азии и Восточной Европы. Со степных просторов Центральной Азии происходило их переселение на юг и восток – в оазисы междуречья Сыр-Дарья и Аму-Дарья, в Афганистан и Восточный Туркестан и уже с рубежа II-I тысячелетий до н.э. в Центральной Азии и Афганистане сформировался массив родственных или идентичных народов. Их общество делилось на две главные группы: жрецы-священнослужители и пастухи-воины. Условия степной жизни мало способствовали изменению их жизненного уклада. Разделение протоиндоиранцев на два отличающихся по языку народа – ариев и индоариев произошло где-то в начале III тысячелетия до н.э. они оставались кочевниками и, по-видимому, имели контакты с оседлым населением Передней Азии. Из Месопотамии они заимствовали деревянные повозки, а затем узнали о боевых колесницах. Для того, чтобы ездить на этих колесницах, они приручали диких лошадей. Примерно в это же время вошла в употребление бронза. Горы, окаймляющие древние Афганистан и Центральную Азию, обладали богатыми залежами олова и меди, что давало возможность производить оружие, и жители степей стали грозными воинами. [Доватур , Каллистов , Шишова 1982:24]

Арии закончили свое существование под этим именем в начале I тысячелетия до н.э. Не все они ушли из степей Центральной Азии в Иран, Афганистан и Индию. Те, что остались, явились

предками новых кочевых народов в Великой Степи – саков, савроматов, скифов. Арии приложили огромные усилия, чтобы разобратся в бескрайнем и непостижимом для древнего человека мире: они представили эти силы в обличии богов, дали богам имена, определили характер каждого из божеств, составили тексты молитв и заклинаний, взываний к богам. Так возникла, чуть ли не самая древнейшая религия мира с верой в единого творца – Бога, чьи приверженцы и поныне исповедуют ее в разных странах и среди разных народов. Называлось это вероучение по имени ее пророка Заратуштры или Зороастра (как называли его древние греки) – зороастризмом.

Исходя из содержания и языка сложенных Заратуштрой гимнов, предполагается, что жил он в степях древней Центральной Азии к востоку от Волги. Хотя, есть мнение, что его родина – юг Центральной Азии с прилегающими областями восточного Ирана и северного Афганистана. Значение зороастризма, чьи истоки в древней Центральной Азии, а возможно и в Афганистане, выходит за пределы их истории. Зороастризм – самая древняя из мировых религий Откровения – то есть религий, полученных пророком от самого Всевышнего, Бога, таких как иудаизм, христианство, ислам.

Зороастризм был государственной религией великих Персидских империй древности и средневековья, от Ахеменидов до Сасанидов, с VI в. до н.э. по VII в. н.э. и господствовавших на большей части Ближнего и Среднего Востока, также включавших в свой состав и земли юго-запада Центральной Азии и запада Афганистана. Некоторые из его важнейших положений заимствованы иудаизмом, христианством, буддизмом, исламом. Зороастризм, таким образом, это лицо одной из величайших цивилизаций древности и средневековья, и данное обстоятельство позволяет по-новому взглянуть и оценить мир древних Афганистана и Центральной Азии, в котором зародилась эта вера. [Бойс 1987: 40-41]. После завоевания Ирана и Средней Азии в УП- УШ вв. н.э. арабами зороастризм был почти повсеместно вытеснен исламом [6].

Юэчжи. Кушанская империя. В 160 и 158 гг. до н.э. началось переселение из Восточного Туркестана юэчжей, народа, пред-

положительно сако-скифского круга, т.е. древних ираноязычных кочевых племен, в Семиречье (современный юго-восток Казахстана) и далее в Среднюю Азию и Афганистан. Юэчжи завладели землями в верховьях Аму-Дарьи и среднем течении Сыр-Дарьи. Они впоследствии стали создателями Канцзюй – царства Канг (Кангха), известного с 150 г. до н.э., в состав которого с 21 г. до н.э. по 221 г. н.э. вошли земли между Аральским и Каспийскими морями, и центральноазиатско-индийской империи Кушанов, мировой державы I - IV в. н.э. наряду с Римской и Ханьской империями. В древнекитайской династийной истории «Хоу Хань-шу» так сказано об истоках империи Кушанов: «Когда дом юэчжи был уничтожен сюнну, то он переселился (в Греко-Бактрию, на юг Средней Азии и север Афганистана), разделился на пять княжеских домов... По прошествии ста с небольшим лет гуйшуанский (кушанский) князь Киоцзюкю (Кудзула, Кадфиз) покорил прочих четырех князей и объявил себя государем, его царство называлось гуйшуанским (кушанским)...» [Фань1958 :142]

Вместе с тем, в науке нет единого представления о том, как произошло завоевание Греко-Бактрии юэчжами. Есть мнение, что еще в 164 г. до н.э. великие юэчжи под давлением сюнну (азиатских гуннов) были вынуждены оставить свои земли в Восточном Туркестане. Пройдя на запад через Фергану, они напали на Греко-Бактрию и покорили это царство, основав столицу на северной стороне Аму-Дарьи. Одновременно, на западе они разгромили сэ (саков), живших «за Яксартом» (т.е. к востоку от Сыр-Дарьи), одна часть которых была вынуждена откочевать в пределы земель, где ныне Афганистан, т.е. в Капису (долина Кабула), а другая осела на земле древней Дрангианы (бассейн реки Хильменд), получившей название Сакастан (Сеистан). Точная дата падения Греко-Бактрийского царства не установлена, существует предположение, что это произошло в 140-138 г. до н.э.

Согласно другой версии, Бактрию, некогда занятую древними греками, освободили не пришельцы из Восточного Туркестана, говорившие на индоевропейских языках, предположительно, на древнеиранских, а местные, также древнеиранские кочевые пле-

мена, обитавшие по берегам Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи и входившие в объединение племен, носивших название великие юэчжи или массагетов, являвшихся обитателями Хорезма и позже составивших основное ядро государства Кангха. Вообще же в состав государства юэчжей в Средней Азии, предтечи империи Кушанов, вошли области на территории современных Узбекистана и Таджикистана – царство Кангха (Согд, Чач, Хорезм), Паркана (Фергана). Существовали юэчжи и в Семиречье, наряду с саками. Главным местожительством юэчжи в I в. до н.э. – I в. н.э. стал Тохаристан [7], изначально, до переселения юэчжей под натиском сюнну ассоциировавшийся с Восточным Туркестаном, а к этому времени – с территорией нынешних южного Таджикистана и северного Афганистана. Древние авторы сообщают, что это государство имело оседлую жизнь, строило дома, его жители в этноязыковом отношении походили на обитателей Ферганы, были искусны в торговле. Население в стране доходило до миллиона человек, а в главном городе был «базар с различными товарами». Таковы были последствия победы миграций юэчжи, коренным образом изменившие этнополитическую карту не только Центральной Азии и сопредельных с ней земель Афганистана, но и Индии. Но главным итогом прихода юэчжей стало создание на территории современных Афганистана, Центральной Азии и Северной Индии Кушанской империи, воспринявшей буддизм, достигшей в первые века н.э. расцвета экономики, торговли, культуры. Именно к этому времени относится сооружение двух крупнейших в мире статуй Будды на территории Афганистана в Бамиане, в 2001 г. варварски разрушенных талибами. [Коргун 1972: 6-7].

Дореволуционное название Центральной Азии – «Туркестан» включало не только территории современной Центральной Азии от Каспийского моря до северо-запада собственно Китая – провинции Ганьсу, а именно Среднюю Азию, Казахстан и Восточный Туркестан, но и современный северо-запад Афганистана. Термин «Туркестан» впервые появляется в научной литературе в конце XVIII в. у англичан, которые к этому времени выходят на подступы к Центральной Азии с юга, со стороны своих владений в Индии. Англичане заимствовали у

ираноязычных народов, к числу которых принадлежит подавляющее большинство населения Афганистана, прежде всего его самые многочисленные этносы – пуштуны (43% от населения Афганистана) и таджики (27%), термин «Туркестан», который является словом из новоперсидского языка (фарси), диалект которого – дари – один из государственных языков Афганистана и основной язык межнационального общения в этой стране, означающим «страна тюрков», и применявшимся в средние века к различным областям в зависимости от частых тогда миграций тюркских народов. Название «Туркестан» закрепилось с XIX в. за обширными пространствами Центральной Азии. Спустя полвека этот термин утвердился на Западе в научной среде, а затем был воспринят и академическими кругами в России. В разное время существовали различные точки зрения на то, какие земли входили в состав Туркестана. Например, с точки зрения российских политиков и ученых в середине XIX в. под Туркестаном понималась часть Средней Азии, где ныне Узбекистан, Туркмения, Киргизстан и юг Казахстана, а также Кашгария – юго-запад Восточного Туркестана. А уже к концу этого столетия под Туркестаном ими подразумевалась территория от Каспия до собственно Китая - северо-западной провинции Ганьсу и северо-запад Афганистана. С точки зрения географического расположения, Туркестан подразделялся на Западный и Восточный. В состав Западного Туркестана входили земли современных Казахстана, Узбекистана, Киргизстана, Туркменистана, Таджикистана, а в состав Восточного - территория нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики. Исходя из политико-административного деления этих территорий или принципа их государственной принадлежности, Туркестан был разделен к концу XIX в. на три части: «Русский Туркестан», т.е. Западный, «Китайский Туркестан», т.е. Восточный, и «Афганский Туркестан», т.е. северо-запад современного Афганистана. Следует отметить, что термин «Афганский Туркестан», как политологический и научный, применяется и в западной, и в российской литературе. Знакомство с изменениями и эволюцией названий региона, называвшегося еще в первой половине XX в. Туркестаном, частью которого

является ряд земель Афганистана, помогает лучше понять события его истории⁵

Фактором, объединяющим народы Афганистана и Центральной Азии, может служить и этноязыковое родство, когда на протяжении столетий диалекты новоперсидского языка – фарси, называемого в Афганистане - дари, а в Центральной Азии – таджикским, являлись в Афганистане основным культурным языком, а в Центральной Азии одним из основных культурных языков. Родиной фарси был Восточный Иран – Хорасан и сопредельные земли Афганистана и юга Центральной Азии. Появление языка фарси, предположительно в VIII-IX в., стало следствием культурных процессов, происходивших в Афганистане, Центральной Азии и Восточном Иране в итоге арабского завоевания и исламизации. [Фрай 1972:54].

Экономическому и культурному подъему, как Афганистана, так и Центральной Азии, в древности и средневековье, вплоть до XV в. – эпохи Великих Географических открытий, когда мировые торговые пути сместились из континентальной Евразии в моря и океаны, способствовали несколько маршрутов Великого Шелкового пути с запада на восток - из Европы в Индию и Китай и с севера на юг – из Центральной Азии и Китая в Индию. Афганистан и Центральная Азия, а именно оазисы Средней Азии, юга Казахстана и Восточного Туркестана, служили в это время крупными международными перекрестками, где происходило взаимодействие и смешение различных культур, языков, народов, религий и даже цивилизаций, расцветали градостроительство и городская культура. Данное обстоятельство свидетельствует, что в древности и средневековье Афганистан и Центральная Азия, во всяком случае, ее оазисы от Средней Азии до Восточного Туркестана, находились в общем экономическом пространстве, оставившем заметный след на истории их взаимоотношений.

В X в. из Центральной Азии пришли в Афганистан с берегов Иссык-Куля тюркские племена во главе с Сабук-тегином, сын и наследник которого султан Махмуд Газневи создал в XI в. империю Газневидов, в ее состав также вошли Афганистан, северо-восток Ирана, юг Средней Азии с Хорезмом и северо-за-

пад Индии. Величие державы газневидских султанов нашло отражение в творчестве знаменитых ученых и поэтов – Фирдоуси, Бируни, Унсур, творивших на фарси и арабском языках, чьи произведения являются общим культурным наследием народов Центральной Азии и Афганистана.

Очередными пришельцами в Афганистан и сопредельные с ним земли Центральной Азии в XIII в. были войска монгольского завоевателя Чингис-хана с востока Центральной Азии, севявшие повсюду смерть и разрушения. Вместе с тем, одним из последствий монгольского нашествия стало образование в XIV-XV в. новой народности в Афганистане – хазарейцев (самоназвание – хазара), численность которой ныне составляет до 10% населения страны, говорящих на дари и исповедующих ислам шиитского направления[8]. Время монгольского владычества при всех его ужасах характеризуется привлечением таджиков – выходцев из Центральной Азии и Афганистана монгольскими правителями к делам управления и образования во всех частях необъятной Монгольской державы от Китая до Руси и Малой Азии. Достаточно сказать, что мусульмане таджики вместе со средневековыми уйгурами – выходцами из Восточного Туркестана, тогда буддистами и христианами, были среди учителей и наставников монгольских царевичей из правящей династии потомков Чингисхана. А язык таджиков – фарси был одним из государственных во всех без исключения монгольских империях, образовавшихся на руинах распавшейся мировой Монгольской державы. В том числе в монгольском государстве в Восточной Азии - Юаньской империи, включившей в свой состав Китай, Монголию, Корею, Тибет, Восточный Туркестан, а также в Золотой Орде или Улусе Джучи на землях Восточной Европы, Хорезма и степной части Центральной Азии от Алтая до Дуная, не говоря уже о монгольских государствах - ильханов Хулагуидов в Азербайджане, Персии и на Ближнем Востоке и Улусе Чагатаидов в оазисной Средней Азии. Заметна роль таджиков в исламизации Восточного Туркестана и северо-запада Китая под властью монголов, когда потомок Чингиз-хана Ананда в конце XIII в. принял под их влиянием ислам и обратил в него своих подданных в этом регионе – монголов, китайцев, тангутов (народ,

родственный тибетцам), положив начало формированию новой этнорелигиозной общности мусульман, известных в Китае как хуэй, а в Центральной Азии, как дунгане, говорящих ныне на диалекте китайского языка.

Подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что судьбы народов, проживающих на территории самого центра Евразии, во многом имели общие истоки. Не раз в течении всей своей истории они входили в состав одного государства и их судьбы были тесно переплетены.

И, в связи с этим, опыт исторического развития Афганистана, как позитивный, так и негативный, весьма важен для народов Центральной Азии, который заключается в том, чтобы избежать конфронтации и столкновения внешних сил со всеми вытекающими последствиями.

Использованные источники и литература

1. В данной статье рассматривается часть Центральной Азии, в частности, Афганистан, Средняя Азия, Казахстан и Восточный Туркестан.

2. Этнический состав населения Исламского Государства Афганистан <http://www.nationalsecurity.ru/maps/afghanistanethno.htm> (дата обращения 28.02 2018). название реки в верховьях – Гунт

3. <https://dta.turkology.tk/blog/2013/04/07/o-численности-тюркских-народов/> Всемирная Ассамблея тюркских народов. (дата обращения 28.02.2018).

4. Конституция Республики Афганистан. Ст. 13 // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987,

5. http://www.eucentralasia.eu/uploads/tx_icticontent/EUCAM-WP-13-Afghanistan-RU_01.pdf(дата обращения 28.02.2018).

6. Авеста. Избранные гимны. Перевод И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990. С.9.

7. Тохаристан — название историко-культурной области на территории современных Таджикистана, Узбекистана и Афганистана. Термин появился в IV веке и заменил собой термин «Бактрия».

О влиянии культуры скотоводов на развитие государственности в древнем Согде

Изучение курганных погребений в Средней Азии начиналось в качестве составной части археологических исследований по инициативе русских ученых во второй половине XIX века. В результате широко масштабных археологических исследований в период бывшего СССР была проделана великих открытий по истории нашей Родины. Самое главное, что результаты вовлечение известными русскими археологами местных специалистов в экспедиции и результате их безвозмездной помощи в Узбекистане сформировала своеобразная профессиональная археологическая школа.

Вследствие благоприятных природных условий, наши предки обитавшие со времен эпохи палеолита в Зерафшанском оазисе внесли огромный вклад в развитие человеческой цивилизации. В долине среднего течения реки Зерафшан возникают плодородные аллювиально-пролювиальные береговые отложения для земледелия. Нижняя часть образовывала сложный комплекс, который прилегал к юго-западу Кызылкума. Это обстоятельство явилось причиной весомых достижений наших предков в различных областях хозяйства в древности в Согдийском оазисе.

С эпохи бронзы наблюдается массовое переселение Андроновских кочевых скотоводческих общин через Евроазиатские степи в земледельческие оазисы Средней Азии, и некоторые группы населения постепенно начали заселяться в этой местности. Такая ситуация характерна и для древнего Согдийского региона. Этот процесс сыграл важную роль в освоении в регионе новых земель, населенных пунктов, оживлении экономической жизни и укреплении социально-политических и этнокультурных связей.

В большинстве изученных могильников оазиса бронзового века наблюдается типичные степные свойства кочевников Андроновских общин. Например, в могильниках по близости от города Пенджикента покойные были захоронены на левом боку

с согнутыми ногами с повернутой головой на запад [1.С. 145-167]. Наряду с захоронениями в могильниках была найдена глиняная посуда, различные предметы украшения, охра, порошки и куски каменного угля. Керамическая посуда была изготовлена от руки, горшочкообразной, треугольной, елочнообразной форме и украшены акведичнообразными орнаментами. Эти глиняные посуды идентичны с глиняной керамикой последних этапов Андроновской культуры Казахстана и Тазабагыба. По антропологическим особенностям определено, что два покойника относятся к Андроновским общинам [2;С 104-111]. В свою очередь, здесь также были обнаружены глиняные изделия, которые относятся к культуре земледельческих общин.

В могильниках Муминабада по близости Ургута относящимся к XII-XI векам в захоронении покойников и в изготовлении глиняных изделий отражены и формы последнего аликкульского этапа андроновской культуры. А в женских украшениях в основном наблюдается близость и сходство материалов Тазабагыбского этапа Андроновской культуры [3.С.56-62]. В одном из глиняных сосудов обнаруженным в кладбище Чакка по близости от города Самарканда наблюдается украшение узорами Кожамбердинского типа глиняных изделий, изготовление и украшение других сосудов прослеживается схожесть памятниками посуды обнаруженных Орск-Октябрьской группы Тазабагыбской и Андроновской культуры [4.С. 230- 229]. В низовьях Зарафшана, а также в руслах Махандарьи на местах временного пребывания кочевников обнаруженные глиняные сосуды не отличающимся по материалу от Андроновской общины. Это еще раз подтверждает научную гипотезу проникновению кочевых скотоводов из северных степных зон в позднем периоде бронзового века. А это по словам академика А. А. Аскарлова доказывает,- “что тюркоязычные степные скотоводы в первые были смешаны с согдийскоязычными земледельческими общинами Зерафшанской долины” [4.С.277].

Прибывшее степное население постепенно становится оседлым, и в результате различных культурных связей с местным населением происходит сближение и ассимиляции. Это явилось причиной дальнейшего оживления их социально-экономиче-

ской, политической и этнической жизни в регионе. Культурные связи представителей различных типов хозяйств особенно ярко проявляются в материалах Галашерикского кладбища, изученного в 1994-2000 годах. Академик А. А. Аскарлов, проанализировав изученные материалы могильника утверждал “Это, вероятно, кладбище представителей разных этнических групп”, и еще “Найденные здесь материалы принадлежат трём различным этническим группам и это свидетельствует о том, что между ними экономические и культурные связи продолжались в течение многих веков”[4.С.312].

Одно из самых больших волн переселений скотоводов в евроазиатскую степь была во времена античности, особенно в последней четверти первого тысячелетия до нашей эры. Некоторые группы сарматы, юэчжи, усун, гунны и другие племена, пришедшие в этот период, остались на скотоводческих угодьях Согдийского оазиса и создавали здесь свои поселения. Именно в это время кочевники пришли в Согд не только через Сырдарью вниз по течению – Кызылкум, но и через Среднюю Сырдарью. Эти продолжающиеся процессы усилили культурные связи между кочевыми и оседлыми общинами. Археологические материалы этого периода показывают, что Средняя Сырдарья служила местом контакта для различных культур [5.С.21].

В результате всего вышеперечисленного произошло массовое проникновение и оседание кочевников, можно сказать, новых этнических элементов. Приход последних Л. Н. Гумилёв связывает с природными (экологическими) условиями того времени, изменением направления циклонов и муссонов, что нарушило экономический баланс «великих степей». В течение 200 лет полностью высохло озеро Балхаш, уровень Иссык-куля резко упал, а Аральское море превратилось в Оксийское болото [6.С.85]. Кочевники были вынуждены переселяться на новые земли, проблема поиска пастбищ оставалась самой важной. По мнению Г. А. Фёдорова-Давыдова, причиной переселения народов и перехода к оседлой жизни кочевников Евроазиатских степей является имущественная дифференциация населения [7.С.19]. Т.е., эти процессы были связаны и с изменениями взаимоотношений внутри общества, которые проявлялись в усилении социального

расслоения, нехватке пастбищ и т.д. В тоже время скотоводы с достаточными пастбищами не видели необходимости перехода к оседлому образу жизни.

Следовательно, проникновение этнических групп кочевников и переход некоторых из них к оседлому образу жизни привели к изменению характера формы хозяйствования. В истории народов Согда по археологическим материалам больше всего выделяются культуры оседло- земледельческих и андроновских общин эпохи бронзы [8.С. 78-79]. Античность Средней Азии характеризуется сближением культур земледельческого и кочевого населения, усилением процессов этнического взаимовлияния, хотя начало этого процесса было заложено в конце I тыс. до н. э. в нижнем и среднем бассейнах Сырдарьи, которая связана с так называемой «степной культурой». В тоже время кочевые племена начали активно селиться в Фергане, Чаче и Согде. Это прослеживается в материальные и духовные культуры всех регионов. Дальнейшая судьба кочевых сакских племён связана с историей вторгшихся в Среднюю Азию евроазиатских кочевых племён, которые в этническом отношении были близки к этому населению.

По мнению Г. А. Брыкиной, исследовавшей приграничные территории Юго- Западной Ферганы с Уструшаной, кочевники зачастую подпадали под влияние высокоразвитых земледельческих культур. Вышесказанное подтверждают керамические изделия, выявленные при исследованиях курганных погребений в данной местности [9.С.145]. Основная часть керамических изделий была изготовлена на гончарном круге, где преобладал красноангобированный и процарапанный орнамент. Однако эти изделия имели и некоторый качественный недостаток, что проявилось в грубости обработки, тусклости ангоба и в хрупкости обжига. Всё это дало возможность Г. А. Брыкиной заключить, что эти изделия являлись продукцией местных недавно осевших мастеров, подражавших импортными изделиям из Ферганской долины.

Новшеством в керамическом производстве являлось изготовление изделий в подражании деревянным и металлическим сосудам. Подобные изделия довольно часто выявлялись на городищах Согда. Однако сложно говорить о влиянии оседлых культур на гончарное производство кочевников Согда в той же

мере, что и в Фергане. Причиной этому является частичная исследованность курганов и групп подобных памятников, зафиксированных в Согде. А на территории Бухарской, Навойской и Самаркандской областях зафиксированы группы или отдельно стоящие курганы. Керамические материалы, обнаруженные в могильниках Согда античного периода, в отличие от подобных изделий оседлых племён, изготовлены вручную, грубая форма, низкого качества сырьё — огнеупорная глина с примесью дерева и мелкого песка. В целом большинство сосудов — не высокие, с ровным и широким донцем.

Результаты исследования памятников Согда свидетельствуют, о том, что в керамическом производстве все больше проявляются элементы степной культуры [8.С. 79].

В курганных могильниках редко встречаются качественные изделия, изготовленные на гончарном круге, характерном для городского производства. Найденные в могильниках Лявандак и Акжартепа керамические кувшины изготовлены на круге быстрого вращения, глина плотная, без посторонних примесей, обжиг равномерный. Поверхность и дно сосудов были покрыты ангобом светло-коричневого цвета. Ангобными потеками покрыта также внутренняя часть сосуда. На плечиках имеется выпуклый поясок. Поверхность венчика слегка скошена наружу. Диаметр венчика больше диаметра дна, что характерно именно для сосудов городского населения, тогда как у сосудов кочевнических, как было отмечено выше, иная пропорция [10. С. 260]. Подобные сосуды, датируемые кушанским временем, были найдены в погребении на Гульба и Саганак в Джизакской области Узбекистана. Сосуды с валиком на плечиках характерны для Бабашовского могильника [11. С.154-155]. По мнению Н. Г. Горбуновой, культура Согда очень похожа на культуру Ферганы, так как последняя тоже возникла через синтез земледельческого и скотоводческого населения. Как результат вплоть до раннего средневековья в Фергане не было денежного обращения, а также настенных росписей, скульптур (за исключением грубых терракот) и разных орнаментов. Этот регион более близок к культуре народов бассейна Сырдарьи, чем земледельцев юга Средней Азии [12. С.101].

Как нам представляется, период переселения степных народов в земледельческие оазисы частично завершался переходом их к оседлости. Последнее объясняется особенностью материальных находок, соответствующих кочевникам и оседлому населению и расположением могильных курганов поблизости земледельческого оазиса. В Лавандакских могильных курганах, расположенных в Кизилтепинском районе Навойской области, рядом с покойным обнаружены военные доспехи — меч, кинжал, нож, лук и стрелы, а также домашняя утварь, которыми они пользовались при жизни. Эти археологические материалы идентичны подобным артефактам степных кочевников.

О. В. Обельченко изучив большинство могил скотоводов в Зеравшанском оазисе, обосновывает, что влияния степной культуры на Согд особенно усиливается в античности и в начале нашей эры. На основе структуры могильников, обрядов захоронений и анализа материалов хронологической точки зрения их разделяют на три группы [13. С. 76].

В первую группу относятся могильники VII-III веков до нашей эры и обычно могилы имели деревянное покрытие с грунтовочной отделкой. Головы покойников были повернуты на запад, уложены на камышовую установку. Некоторые могилы были обсыпаны красной охрой, палочками похожими на мел, разбитыми глиняными черепками, камнями для жертвоприношения, мечом и кинжалом (Лавандак) [13. С. 77].

Вторая группа относится к II-I векам до нашей эры и эти могилы раскапывались с севера на юг немного с наклоном на запад. Покойников хоронили, по направлению на юго-запад с узким проходом к стене на север. Среди них большинство составляет расщеленные могилы, длиной к западной стене оставляли проход и лестницу. Они были отделены от террасы камышами и известняковыми блочными кусками.

Третья группа относится к I-VII вв. н.э. и в это время погребальная камера была отделена от дромоса сырцовыми кирпичами. Орудия встречаются редко. Умерший был похоронен по фронтальному направлению. Расщеленные могилы, хотя и были похожи изначально, но теперь они располагались ниже надгробья. До этого времени расстояния между расщеленной и террасой мо-

гильника находились на одинаковой плоскости. В могилах также встречаются передние ноги ягненка, вазы различных форм, орудия, а иногда и яйца. Во всех группах похоронный обряд соблюдался с использованием огня. Покойников хоронили одного или парами, также можно встретить и повторные захоронения другого умершего на давние могилы. Умерших хоронили в основном лежа на бок, с согнутыми коленями. [13. С. 73-77].

Материалы этих могильников дают сведения о переселении кочевых племен в Согдийский оазис, и переход их к оседлому образу жизни и связи кочевых скотоводческих племен с местными населением.

О.В. Обельченко связывает возникновение согдийских могильников с переселением сармат через Аральское море и Нижнюю Сырдарью. В образцах материальной культуры в средней части Зерафшана Сазаган, Миранкул и Оджартепа больше наблюдается влияния продвигавших через территории среднего течения Сырдарьи племен юэчжи, усун и гуннов [14. С. 67]. Например, в III-IV веках, изучавшихся в 1964–1965 гг. в Миронкуле (всего 17 было изучено), в могилу умерших клали обвернутыми в буйру (камышовую плетёнку) или на войлок. Головы покойников были повернуты в основном на северную или северо-восточную сторону. В каждой могиле встречаются глиняная посуда, железный кинжал, ножи, пряжки на поясе другие [15. С. 80-90]. Это свидетельствует, что эти могилы принадлежат представителям скотоводческих общин.

Общая близость материальных источников могильников Зерафшанского оазиса наблюдается на примере классификации глиняной посуды в памятниках побережье Сырдарьи [16. С. 212]. Глиняные посуды могильников оазиса по своей форме и изготовлению относится к культурам Ширинсай, Гульбо в Уструшане [17. С. 347], Кугай - Карабулок, Карабулак, Джангаил, Исфара в Ферганской долине [18.С. 105]. В начале нашей эры влияние культуры Ковунчи распространилось по городам коренных жителей центральной части Согда. Исследованные источники показывают, что развития культуры Ковунчи (Сырдарья) в этот период была самым приоритетным в Средней Азии.

Академик Аскарлов А. А. даёт следующие общие определение

керамике Каунчинской культуры: “Большинство глиняных посуды Каунчинской культуры кувшины и небольшие кувшины, кружки с рукояткой животногообразной фигурой и небольшие кувшины в генетическом отношении не были связаны с Бургуликской керамикой. Под горлышки кувшинов культуры Каунчи встречаются треугольные и змеевидные следы, схематические рисунки животных и клеймо образные крести. Плечо кувшинов уклоном, согнутой наружу, обод круглый и завершено треугольной форме. Ручка соединявший плечика и горло в некоторых случаях сделана в форме животного. В противоположной стороне размещено турбинный крайник. Кувшины и кружки Каунчинский культуры без крайника, однако, ручки изготовлены в форме животного. В числе посуды встречается миски большого и малого объёма, фляги, сковородки, подсвечники, подставки керамических казанов с изображением головы барана, казаны и крышки посуды” [4.С. 290]. В общем, технология изготовления посуды, формы и внешние узоры изученной в Согде керамики имеют сходство с керамическими посудами Каунчинской культуры [8. С. 79].

Анализ материальных источников показывает, что представителем Каунчинской культуры, сформировавшийся на территории Средней Сырдарьи на рубеже первых и вторых этапов передвигались на юг. В памятниках Зерафшанского оазиса этого периода Кофир-каъла, Талу-Барзу, Окжартепа особенно сильно наблюдалось влияние Каунчинской культуры.

Таким образом, образцы материальной культуры кочевников, обнаруженные и изученные, в Зерафшанском оазисе показывают, что начиная с эпохи бронзы и средневековья, наблюдалось регулярное переселение кочевников в эти края и их переход к оседлому образу жизни. Эти исторические процессы находили свое отражение в древних письменных источниках. Начиная с освоения Зерафшанского оазиса до времен превращение его в густонаселенный край, свое место имели и скотоводческие племена, постепенно переходившие на оседлой образ жизни. А эти скотоводческие население пришли через нижнее и среднее течение Сырдарьи и поселялись на удобных местах, где можно было заниматься земледелием. Однако, изученные образцы материальной культуры на территории Согда показывает, что

скотоводы гораздо раньше освоили формы ведения хозяйств (по причине благоприятных природных условий для земледелия).

Использованные источники и литература

1. Исаков А., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане.// СА. 1989.№1.
2. Жўракулов М.,Аванесова Н А .,Амиркулов Б.А Зарафшон воҳасининг ибтидоий жамияти.С.:1994.
3. Аскарлов А.А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ – Тошкент: 1968. –№8.
4. Аскарлов А.А Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи.Т.: Ўзбекистон, 2015.
5. Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии. –Санкт Петербург: Санкт Петербургский Государственного Университет, 2006.
6. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Боку, «Азернашр», 1991.
7. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, 1966.
8. Пардаев М.Х. К археологическому изучению Джизакского оазиса. Сб. Археология Средней Азии». Ташкент, 1990.
9. Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. Москва, 1982.
10. Массон В.М. Кочевнические компоненты кушанского археологического комплекса // Проблемы античной культуры. Москва, 1986.
11. Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Ленинград, 1975.
12. Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы// АС –Л.: 1984, -№ 25.
13. Обельченко О.В. Культура античного Согда. – М.: Наука, 1991.
14. Обельченко О.В.Могильник Акжартепе //ИМКУ. Т.,1962. № 3.
15. Обельченко О.В. Миранькулские погребение // ИМКУ– Ташкент: 1969, –№8.
16. Левина. Л.М. Керамика Нижний и Средней Сырдарьи первого тысячелетие н.э. М.,1971
17. Гайдукевич В.Ф. Могильник близ Ширинсая в Узбекистане//СА. – М.: 1952. – №26. – С. 347.
18. Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы. Археологический сборник ГЭ. Вып. Москва, 1984. С. 105.

Киданьская идея государственности и феномен киданей в истории Центральной и Восточной Азии

В 1128 – 1218 гг. на территории Центральной Азии существовало государство Си Ляо (Западное Ляо), основанное группой киданьской элиты, ушедшей из Восточной Азии после гибели киданьской империи Ляо (Серебряная, 907-1125). Этой странице центрально-азиатской истории традиционно уделяется поверхностное внимание, поскольку исторический материал скуп, тенденциозен и ограничен в большей степени политической сферой. Тем не менее, он достаточен для того, чтобы увидеть в Си Ляо феноменальное явление. Можно говорить о киданьском феномене в истории обоих регионов [10].

Коротко это утверждение можно проиллюстрировать следующими тезисами.

Выделение восточноазиатской и центрально-азиатской цивилизационных зон есть результат многовекового совместного сотрудничества разных народов. Из монголо-язычных народов активную роль в истории их эволюции сыграли именно кидани.

Кидани первыми из монголоязычных этнических групп полностью прошли весь путь от случайного осколка прежнего меэтнического конгломерата до почти полноценного народа и стали первым средневековым народом в истории двух цивилизационных зон – восточноазиатской и центральноазиатской.

Киданей можно назвать первым на территории Монголии максимально сформировавшимся «на-родом». Они «народились», т. е. стали развиваться естественно на искусственной основе. Этот процесс активно продолжался и в Центральной Азии. Это говорит о медленно формирующемся чувстве своего рода «избранного народа».

Кидани первыми объединили большое количество монгольских племен и создали на этой основе первое собственно монгольское государство, логичным продолжением которого стало западное государство.

Кидани создали первую монгольскую кочевую империю, которая станет впоследствии образцом для государственных об-

разований в этой зоне - чжурчженского, монгольского, маньчжурского. Империя сначала была экстраординарным проектом, но потом стала жить своей жизнью. Этот процесс продолжился в западной зоне.

Благодаря киданьской элите, которая строила свои государства, начала разрабатываться идея государственности. Одним из основополагающих понятий ее был «народ». Для киданей это был не просто народ (на-род), а источник государственности на земле. Он — этнополитическое сообщество, стратифицированное, с горизонтальной гентильной организацией и включает племена, роды, большие отцовские семьи, которые достаточно автономны, и имеют своих глав, знамена, отряды. Об идее государственности у киданей свидетельствует ее богоданность (происхождение от Неба), сакральность, признание народа ее носителем, допущение элементов федерализма, отсутствие четкого размежевания функций и сфер власти, категорическое требование законности и справедливости. Можно говорить, что благодаря киданям в монголоязычной зоне впервые происходит появление феномена развитой политической власти. Эта тенденция получила развитие на Западе и активно участвовала в его этнополитической жизни.

Империи Ляо и Западное Ляо можно считать апогеем этатического развития восточноазиатских кочевников. По территории и степени внешнеполитической активности они уступали Монгольской империи, а в чем-то и империи Хунну, однако, если главным в имперской конструкции считать не «захватническую деятельность», а переформатирование этнополитического пространства и регулирование социокультурных и макроэкономических процессов внутри государства, поскольку империя не просто форма государства, а своеобразный механизм формирования цивилизации и сопротивления военному и культурному натиску извне, апогей цивилизационного государства, то кочевая цивилизация на Востоке Азии вышла на этот уровень именно к рубежу тысячелетий. Строго говоря, киданьская «идея», если так можно выразиться, и сводилась к строительству самобытного государства, а не завоеваниям земель соседей. В ее политике четко виден принципиальный отказ от внешнеполитической экспансии и акцент на мироустройении, что и привело, как в случаях

с другими классическими империями (Римская, Каролингская, Священная Римская), к перманентной слабости.

Киданьские империи Ляо и Си Ляо — цивилизационно-культурный феномен. Они уникальны, как любая другая империя, и, в то же время, их складывание и существование является самым главным признаком формирования цивилизации («мира»). Это свидетельствует о том, что кочевники выходят на этот уровень одновременно с оседлыми народами, а отнюдь не являются «ступиковым вариантом развития».

Империи демонстрируют становление территориально-этнического сознания, перерастающего в национальное.

Кидани первыми обозначили государственность как перспективную цель развития всех монголов. Они начали государствообразующий процесс в собственно монгольской зоне, который с перерывами и трагедиями идет до сих пор. Этот процесс внес свой вклад в развитие государственности в средневековой Центральной Азии.

На апогее своего развития кидани контролировали огромную территорию, которая по размерам не уступала ранней монгольской империи. Они навели порядок, успокоили народы и, по сути, организовали концерт этих народов, хотя и не оркестр еще. Четко выделяется руководящий домен («киданьская земля»). В Си Ляо аналогичный домен (Чуйская долина) получил у его основателя Елюй Даши наименование «страна». Центром Монгольской империи будет «Каракорум». Таким образом, складывание моноцентричной территориальной конструкции у кочевников Восточной Азии начинается фактически с киданей.

Кочевые империи киданей были специфичны по своей структуре. Ядром их были территории, где проживала основная часть этноса-лидера («киданьская земля»). Границы их определяли сферу их этнополитической активности или стабильных экономических связей. Это своего рода модель «клетка – протоплазма». Это уже не ханство, а империя. «Щупальца» это «осьминога» протянулись далеко – от территории Ляо до Самарканда, Кореи, Китая, тангутского государства Западное Ся (Си Ся), Сибири, Амура. Активность Си Ляо простиралась до Западной Монголии и Арала.

Кидани сыграли особую роль в развитии Восточной Азии. Они значительно усилили монгольский элемент и создали возможности для более ровного общения тюркской и монгольской зон, без перекоса в ту или иную сторону. По сути, если употребить современную лексику, создалась база для «братских» отношений этих двух частей тюрко-монгольского мира. В тюрко-монгольском мире окончательно оформляется равновесие составляющих. Кара-китаи создали в Центральной Азии монгольский эксклав с огромной тюркской составляющей. Он оказался вполне жизнеспособным.

Кидани создали в монгоязычной зоне первую централизованную макроэкономическую систему, которая стала одним из важнейших центров всей Восточной Азии. Этот опыт был активно использован в экономической жизни Центральной Азии. Кидани первыми проводили сознательную макроэкономическую политику и создали эффективные стартовые возможности для развития в будущем самодостаточной монгольской экономики.

Кидани создали первую в зоне милитаристскую систему, включавшую первую на данной территории имперскую армию, состоявшую из государственных отрядов и аристократических и племенных соединений, военно-стратегическую концепцию, эффективную оборонительно-наступательную доктрину, систему физического, интеллектуального и духовного воспитания воинов. Это был первый кочевой народ, который создал постоянную армию как своеобразный трансформер: основу составляли регулярные отряды, к которым присоединялись войска племен и отряды родов. Этот военный опыт стал основой для развития западно-киданьской армии как одной из наиболее боеспособных в Центральной Азии. Феномен «кара» (вооруженной элитарной группы, возглавившей передвижение на Запад), по сути, прообраз будущей профессиональной, кадрированной армии, которая не опиралась на племена или народ в целом, хотя и привлекала их к решению тех или иных боевых задач.

Государственная и военная машины Ляо и Си Ляо, важная геополитическая и макроэкономическая роль этих империй стали важнейшим фактором стабильности во всей Восточной и Центральной Азии.

Кидани первыми синтезировали монголоязычную культуру того времени и этот синтез стал фундаментом будущей общемонгольской культуры. Он был осуществлен на базе киданьско-монгольской ментальности и восточноазиатской культуры в целом. Киданьский вариант, существовавший тысячу лет, - один из редких в истории Восточной Азии практически чистых примеров полноценного формирования имперской культурной традиции на основе ментальной культуры. Кидани впервые произвели оригинальный культурный синтез – они активно подключили китайскую культуру к своей, «варварской», а не наоборот, как это сделали европейцы в раннее средневековье.

Киданьская культура в некотором смысле не просто выражение специфики истории этноса, это и реакция много пострадавшего народа, попытка выстроить свое государство, используя те идеи, которые связаны с народной ментальностью.

Это был первый кочевой народ, который предложил своего рода футурологический подход к своей культуре и стал не просто «следовать заветам предкам», т. е. традициям, но и строить новое государство. Сочетание традиций, основанных на ментальной культуре (фань как степные традиции), с искусственной идеологией имперского государства родом из Хань (гу вэнь), разумеется, было не простым, но перспективность этого подхода возможна даже сейчас.

Западные кидани соединили в своем историческом сознании все времена – есть общее прошлое, есть смысл в настоящем и есть цель в будущем. Переход киданей на Запад еще раз четко поставил перед ними вопросы: кто мы? откуда мы? зачем мы? кто такие другие? Как жить между Западом и Востоком?

Кидани разработали первую в истории зон общерегиональную программу культурного развития. В киданьской культуре и практике явственно виден акцент на идеях мирного сосуществования различных народов и равных прав для них в истории.

Киданьская культура стала неотъемлемой частью культуры Восточной и Центральной Азии и Сибири и важной страницей ее истории. Это первый кочевой народ, который стал своеобразным мостом между Сибирью, Центральной и Восточной Азией. Елюй Даши незримо объединил кочевой мир монгольских и

тюркских племен. Империя Западное Ляо - межцивилизационное образование.

В Восточном Туркестане существовала в то время динамичная ситуация, обусловленная передвижениями племен, войнами, широким распространением ислама. Огромную роль в возникновении и существовании государства играла история. Как известно, культурная память «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институции» [1. С. 45]. В Си Ляо, естественно, ее складывание шло, но следы этого процесса не сохранились. О ее существовании свидетельствуют данные письменных текстов об исторической памяти. Был создан идеальный образ киданьского прошлого («родина»). Она во многом воспринималась такой, какой должны была быть, а не являлась в период своей агонии. Елюй Даши увел своих сподвижников на Запад во многом не только потому, что не мог удержаться на Востоке, но и потому, что хотел вернуться в славное прошлое империи Ляо. Недаром он постоянно вспоминает основателя государства Елюй Апоки, создавшего идеальную конструкцию, со временем испорченную отдельными излишне окитаившимися представителями элиты.

Тем самым была задана легитимность нового государства и общества, формировалось чувство гордости за принадлежность к данной «мы – группе», которая ощущала свое единство, формировались соответствующие идеалы и ценности. Это было особенно важно и эффективно, ибо разорваны связи с Востоком, ограничена свобода доступа к родной цивилизационной информации.

Даже мусульмане с пониманием отнеслись к этой парадигме, все мусульманские историки говорят об Елюй Даши, как великом человеке.

Эта традиция сохранялась и при Кучлуке. Его имя, переводимое как «сильный» (он получил от последнего киданьского гурхана Чжунху титул «Кучлук-хан» - сильный хан), явно тюркское, на что указывает даже суффикс «лук», характерный для архаических диалектов тюркского языка [6. С. 411; 7. С. 145; 9].

Обоснованным кажется вывод о том, что «период господства киданей в Центральной Азии способствовал сближению оставшихся там тюркских племен с монгольскими и подготовил по-

чву для формирования этих разнообразных племен в единую народность» [4. С. 155].

Этому в тот период способствовало наличие общих задач кара-китаев и тюрков: военные действия (защита территории, совместные походы), решение актуальных для обеих сторон внутренних проблем. Важно, что стратегические цели кара-китаев и тюрков во многом совпадали, как совпадали и насущные нужды. Пришедшие с киданями тюркские и монгольские роды целиком зависели от них, ибо в одиночку либо бы погибли, либо попали под гнет чжурчжэней (тунгусов). На этой территории все же проживали близкие по культуре роды. Это не только монголы, но и тюрки. Как свидетельствуют источники, тюрки при кара-китаях жили свободнее, чем при сельджукском султানে Санджаре. Разговоры о «гнете» киданей – продукт информационной борьбы с Кучлукком. Суть установленной системы взаимоотношений отметили мусульманские авторы в момент формирования западнокиданьской империи. К тому же тюрки были заинтересованы в защите от западных монгольских племен. Даже уйгуры не хотели иметь дело с этими племенами, которые часто поступали в интересах чжурчжэней.

Произошло своеобразное разделение сфер влияния. Кара-китайская элита получила общеполитическую власть, как и в Ляо, и верховную собственность, за что им, собственно, и платили «дань», т. е. «аренду», «зарплату». Низы общества, тюрки и пришедшие рядовые соплеменники, налаживали совместное проживание. У кара-китаев принципиально была лишь политическая власть, а социальные и экономические проблемы решались местной знатью и аристократией. Эта практика сложилась задолго до киданей, была веками отработана и не требовала вмешательства извне. Иначе говоря, решались две грандиозные и раздельные задачи: кидани занимались формированием и развитием «империи», тюрки обеспечивали преемственность жизни.

В империи Чингисхана именно кидани взяли на себя роль переводчиков в администрации и армии монголов [5]. Ряд исследователей (Л. Лигети, Л. Л. Викторова) считают, что именно язык семиреченских киданей (кара-китаев) лег в основу литературного языка и письменности монголов XIII в. Именно за-

падные кидани, по их мнению, впервые широко применили к монгольскому языку уйгурскую графику [3; 4. С. 151-152; 8]. Вассалы киданей найманы перенесли это письмо в монгольское государство. Есть предположение, что уйгурское письмо было давно известно киданям [4. С. 198; 13. Р. 395]. По мнению Л. Л. Викторовой, переселение киданей на запад «могло оживить традиции малого письма», которое, по ее мнению, было основано на уйгурской графической основе [2; 4. С. 198]. Именно кара-китаи давали ханскому советнику Елюй Чуцаю инструкцию, как переводить киданьский текст, что означает то, что они сохранили киданьское письмо, которое уже исчезло на территории Ляо, иначе бы Елюй Чуцай знал его хорошо. Не исключено, правда, что в языке кара-китаев уже появились некоторые отличия по сравнению с классическим киданьским письмом. В любом случае это связано с тем, что жители Си Ляо мало общались и с Западом, и с Востоком и сохраняли киданьский язык почти нетронутым.

Роль государства Си Ляо становится любопытной еще в одном отношении. Оно пыталось удержаться на окраине мусульманского мира, но все больше и больше втягивалось в орбиту этого мира. Получается, что именно напряженные каракиданьско-чжурчжэньские отношения стали еще фактором среди тех, которые способствовали тому, что всего за одно столетие на территории Западной Монголии окончательно сформировался еще один крупнейший очаг государствообразования. Племена этой зоны, лавируя в сложной этнополитической ситуации, получили возможность более или менее свободно определять свою судьбу. Борьба кара-китаев и найманов с монголами не была напрасной. Даже дальнейшее завоевание державы хорезмшахов не привело к полному покорению всех тюркских народностей – значительная часть канглийских и кипчакских племен оказали монголам ожесточенное сопротивление. Некоторые кара-китаи были проданы в качестве наемников и попали даже в делийский султанат, около 70 тыс. их влились в армии Хорезма.

Комплекс Ляо – Си Ляо занимает то же место в трансформации прежних обществ в феодализм, как и комплекс Каролингской и Священной Римской империи в средневековой Европе.

В обеих зонах (не считая собственно Китая) это была первая форма феодального общества.

Более основательно восточноазиатский вариант изучается на материале классических монголов. Между тем, монгольская империя Юань есть результат сотрудничества и кочевых, и оседлых народов. Комплекс же Ляо – Си Ляо, несмотря на наличие на их территориях определенных масс оседлого населения, демонстрирует форму развития феодального общества у собственно кочевников. Несмотря на то, что феодализм на вершине своего развития представляет собой метарегиональное явление, синтез различных экономик, этносов, культур, в X – XIV вв. именно кочевники, по сути, определяли вектор развития восточноазиатской цивилизационной зоны и максимально эффективно влияли на эволюцию Центральной Азии. После ликвидации собственно китайской империи Мин маньчжуры уже использовали китайскую модель, где кочевники все же сохраняли значение, хотя и в знаменателе. В Центральной же Азии кочевники и их потомки определяли развитие до XIX-XX вв., потом ушли в своеобразные гетто, отдельные районы.

В целом после интересующего нас времени на тюрко-монгольском пространстве идут более сложные цивилизационные процессы, которые позволяют говорить, что предмонгольский период завершился и оказался определенной страницей истории. Эта страница оказалась необходимой обеим частям этого мира, ибо главным в этой истории было освоение «мирового» опыта, т. е. евразийского. Это осуществлялось двумя разными способами. Одновременно начала вырисовываться далекая цель этого процесса - выстраивание собственной цивилизации.

Использованные источники и литература

1. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

2. *Викторова Л. Л.* К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII – XIII вв.) // Языки народов Востока. Л., 1961.

3. *Викторова Л. Л.* Кочевой уклад в киданьской империи // Всесоюзное географическое общество. Материалы по этнографии. Л., 1961. Вып. 1.
4. *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М. : Наука, 1980. 224 с.
5. *Викторова Л. Л.* Роль киданей в этнокультурной и политической истории Монголии // Общество и государство в Китае. М., 1981.
6. *Гумилев Л. Н.* Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.
7. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М., Л., 1940.
8. *Лигети Л.* Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М., 1964. Вып. 54.
9. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., Л., 1959.
10. *Пиков Г. Г.* Киданьская элита в историческом контексте (907-1218): монография / Пиков Г. Г. – Новосибирск: Издательство ООО «Манускрипт», 2016. 506 с.
11. *Пиков Г. Г.* Место ментальности в культуре империи Ляо (907-1125) // Вестник Кемеровского государственного университета. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2014. № 3 (59). Т. 2. С. 86 – 91.
12. *Стариков В. С., Надежьев В. М.* Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М., 1964.
13. *Wittfogel K.-A., Feng Chia-sheng.* History of Chinese Society Liao (907-1125). - Transactions of the American philosophical Society, new series-volume 36. Philadelphia, 1949. 752 p.

Некоторые аспекты ирригационной теории создания государств в Средней Азии

Одной из важнейших теорий, происхождения государства имеющих право на существование применительно к Средней Азии, является ирригационная теория, основой которой является древнейшая культура земледелия. Население Средней Азии, создавшее своеобразную школу земледелия, развивая различные сферы земледельческой культуры и сельского хозяйства в течение длительного исторического периода, плодотворно использовало существующие в крае орошаемые и неорошаемые земли: выращивало пшеницу, ячмень, рис, кукурузу, хлопок, бобовые растения и овощи и получало урожай до четырех раз в год. Среди этих растений первое место по площади занимала пшеница, а по урожайности – кукуруза.

Население Средней Азии имело большой опыт в сельском хозяйстве, в частности, в чередовании выращиваемых культур. На посевных площадях сажали растения нескольких видов, а через определенное время – другие культуры. Этот метод играл важную роль в восстановлении естественного плодородия земли и улучшении состава почвы, а также в борьбе с различными заболеваниями растений. Например, в течение 3-4 лет на одной посевной площади сажали хлопок, а в следующем году – кукурузу, пшеницу или клевер. При чередовании культур учитывались состояние почвы, ее плодородие, степень засоления, а какую культуру следует сажать в текущем году определяли опытные земледельцы.

Земли, используемые для земледелия, в основном, были целинные, почвенные, а в некоторых местах – засоленные. Именно поэтому земли в Средней Азии часто удобряли. Издавна для орошения земель местное население использовало воды рек, так как в составе мутной воды были различные вещества, полезные для растений. Эти вещества способствовали повышению плодородия земли, и за счет ила увеличивался почвенный слой. В целом, ирригация в Средней Азии имеет длительную историю

развития, которая отражена в произведениях ученых средних веков. В этих произведениях приводятся сведения о том, что в развитии ирригации и гидротехники большую роль сыграли достижения в области математики и естественных наук, в частности, в произведениях ученых Маверауннахра, создавших своеобразную школу математиков, астрономов и ирригаторов в конце VIII века и в течение X-XII веков. Например, великий ученый средних веков Абу Райхан Беруни в своем произведении «Асорул бокия ан-ал курунал холия» (Памятники, оставленные древними предками) написал о расположении источников воды, искусственных фонтанов, проведении оросительных каналов по склону и т.д. [1]. По сведениям об ирригационных сооружениях, приведенным в подобных произведениях, можно утверждать, что ирригация и земледельческая культура в Средней Азии были довольно развиты. Для ирригаторов древнего периода и средних веков, осуществлявших свою деятельность на современной территории Узбекистана, построение водных сооружений и определение наиболее подходящего места для начала больших каналов являлись одной из самых трудных задач. Так как местное население имело навыки в области ирригации, в различных регионах Узбекистана с учетом местных гидрогеографических условий были построены водные сооружения различных типов.

В Хорезмском оазисе, расположенном на правом и левом берегах дельты реки Амударья, считавшейся одним из основных источников орошения, земледельческие традиции имели своеобразный характер. В истории сельского хозяйства Хорезма особое место занимало развитие земледелия путем искусственного орошения. Так как хорезмские земледельцы хорошо знали особенности своих земель, они, в первую очередь, обращали внимание на виды культур, выращиваемых в конкретном районе. Река Амударья, являвшаяся основным источником воды в Хорезме, имела большое значение в социально-экономической жизни оазиса. Из реки, бравшей свое начало в горах Хиндикуш и достаточно спокойно протекавшей по территории района Чоржуй в Хорезме, вода поступала во многие каналы, необходимые для орошения посевных площадей. На площадях, орошаемых из этих каналов, выращивались колосовые культуры, в частности,

пшеница и кукуруза. Одну пятую часть посевных земель занимал хлопок, остальную часть – ячмень, рис, просо, маш, лен, кунжут, дыня, арбуз и другие культуры. Поэтому местное население хорошо понимало значение Амударьи в оазисе, окруженном бесконечными пустынями, и с нетерпением ждало прилива воды в реке. В период осадков происходило много наводнений, и ширина русла Амударьи увеличивалась от 3 до 5 км, а высота поднималась на 0,6 – 1,6 м. и в связи с этим на берегах реки строились высокие дамбы, которые защищали оазис от наводнений. В этот период наблюдались страшные течения, которые носили названия «дегиш», «йиккин». «Дегиш» способствовал образованию новых ветвей, возникновению новых русел реки [2].

Самой трудной задачей для ирригаторов Хорезма являлось определение наиболее подходящего места для начала каналов в период наводнений. При этом особое значение придавалось прочности почвы, где планировалось построить начало канала (берега реки, в основном, состояли из ила и не были прочными), так как во время наводнений или ливней начало каналов размывало водой. Также размывало дамбу, предназначенную для направления воду в канал. В большинстве случаев в период наводнений основное русло реки меняло свое направление и поэтому древние ирригаторы старались пользоваться руслами, где вода текла постоянно и спокойно. Благодаря частым наводнениям каналы были полны водой, а в случае, если выпадало мало осадков и наводнений не наблюдалось, ирригаторы искали другие пути поступления воды в каналы [3].

Как писал Абу Райхан Беруни, в Средней Азии существовал своеобразный календарь наводнений, с помощью которого наблюдались признаки их приближения. Согласно календарю первое наводнение называлось «звук синего камыша», второе – «белая рыба», третье – «звук звезды», четвертое – «звук сорока струн» [4]. Наводнение под названием «звук сорока струн» происходило примерно 25 июня месяца и считалось самым сильным. В случае, если наводнения не происходило в это время, то под руководством глав кишлаков и духовных лиц проводились традиционные молитвенные мероприятия. Процесс начинался одновременно во всех районах Хорезма. Религиозные деятели,

аристократы и главы племен, опытные поливальщики собирались в одном месте и бросали в реку различные «подарки». Они приносили в жертву баранов и коров [5].

Земли в Хорезмском оазисе по составу делились, в основном, на 2 типа: «истинно красная почва» (высокоплодородные незасоленные или мало засоленные земли) и «засоленные почва» (в основном, земли, расположенные в нижнем течении Амударьи). Даже на засоленных землях земледельцы регулярно выращивали культуры, приспособленные к таким условиям. Эти культуры давали хороший урожай, и, кроме этого, они способствовали улучшению состояния почвы. К таким культурам относятся белая кукуруза, люцерна, лебеда и другие [6]. Если в определенных условиях этот способ улучшения состояния земли не помогал, земледельцы строили мелиоративные сооружения. Эти сооружения назывались «дренажными канавами» и распространялись по всей территории Средней Азии. В целом, в Хорезмском регионе можно увидеть своеобразные сложные стороны земледелия в Средней Азии.

И в Ферганской долине, где земледельческая культура развивалась издавна, земледельцы уделяли большое внимание состоянию почвы, умело пользовались землей и получали хороший урожай. Земельные участки в Ферганской долине делились на орошаемые «поливные земли» и неорошаемые «неполивные земли». Население Ферганской долины при строительстве оросительных каналов и арыков применяло своеобразные способы «традиционной нивелировки» [7]. После определения направления канала к его строительству привлекались районы, которые нуждались в воде для орошения земель. Главная ветвь, бравшая начало в реке, называлась «мать арык», из него вода поступала в «ветки арыка», а потом – в мелкие арыки. Дальше вода через «осевые арыки» поступала в арыки между грядками. Таким методом воду распределяли между деревнями. Этот организационный способ в долине назывался «методом распределения» [8]. Самая большая измерительная единица распределяемых водных ресурсов называлась «мельницей» или «камнем» и равнялась объему воды, протекающей со скоростью 200 литров в секунду [9].

В восточных районах Ферганской долины в период нехватки воды применялся метод «лабгардон». Согласно данному методу для равного распределения воды начало арыка заграждалось доской или бревнами, расставленными в пласт. А верхняя часть бревен раздвигалась так, чтобы вода протекала в определенном объеме. Этот метод применялся в целях равномерного распределения воды, для измерения ее объема в случаях, если два или три арыка брали свое начало в одном месте [10]. В целом, в Ферганской долине при распределении воды строго придерживалось установленных правил, особенно в период нехватки воды.

В Ферганской долине существовало два метода пользования землей. Первый метод заключался в том, что после сбора урожая на посевных площадях ничего не сажали, то есть земля «отдыхала», а согласно второму методу посевные площади вспахивались под зябь. Оба метода назывались по-разному в различных районах долины. Например, в районе Сух первый метод назывался «дам додан», а второй – «черная вспашка»[11] Почетный член Академии Наук России академик А.Ф. Миддендорф, осуществивший контроль в Ферганской долине в 1880-1881 годах, в своем произведении «Очерки Ферганской долины» написал про мероприятия, проведенные земледельцами против засоления почвы, отметил, что человек не боится засоления земли и не будет отступать, пока не очистит ее от лишней соли, и что следует изучить опыт земледельцев долины в этой сфере [12].

В предгорных районах и равнинах Ферганской долины, в основном, занимались рисоводством. Наиболее подходящими для рисоводства районами являлись долины рек Куршаб и Карадарья. Поэтому в районах Джалалабад и Узган, расположенных близко к этим рекам, рисоводство занимало 48 процентов посевных площадей [13]. Население этих районов имело большой опыт в рисоводстве. Долина реки Исфара обеспечивала рисом Конибодом, частично Бешарык, Яйпан, город Коканд, а долина Кумушкурган – Ашт, Пангал, Ашобин, Майгир и Джумашуй – города Андижан и Наманган, а также их окрестности, а Ош и Араван – города Андижан и Асака[14]. Рис, выращенный в Узган Сузак, был известен не только в Кокандском ханстве, но и по всей территории Средней Азии. Для садоводства и вино-

градарства наиболее подходящей считалась западная часть долины [15].

Население, проживавшее около города Коканда, также имело большой опыт в улучшении агротехнического состояния земли. А.Ф. Миддендорф, изучивший опыт местных земледельцев писал: «В улучшении мелиоративного состояния земли ферганские земледельцы намного опередили Западную Европу» [16].

Существовало несколько методов улучшения мелиоративного состояния земли, один из которых заключался в удобрении посевных площадей глиной глинобитных стен старых домов. В свое время этому методу давали положительную оценку [17]. Применялся и другой метод удобрения земли – удобрение навозом. В конце XIX - начале XX века в земледелии в долине навоз считался основным удобрением [18]. В этот период одна телега навоза стоила 25 копеек. По сведениям А.И.Шахназарова, кочевой народ долины даже привозил на базары навоз и продавал его за 10-15 копеек [19].

Еще один метод удобрения посевных площадей, который носил название «фекал», заключался в использовании помета шелкопряда и различных птиц [20]. Кроме этого, для повышения урожайности земли земледельцы применяли другой метод – закапывали в землю волосы людей, старые ненужные вещи из кожи и меха и др.

Различные мероприятия по улучшению оросительной системы проводились и в Бухарском эмирате. На посевных площадях эмирата, в основном, выращивали пшеницу, рис и овес. Также большие территории занимали кукуруза, которая являлась основным продуктом питания для бедного населения, а ее стебель – для скота, и кунжут для получения кунжутного масла. Кроме того, земледельцы старались выращивать больше хлопка, так как он являлся основным сырьем для многих видов ремесла края и спрос на него был большой. В Бухаре, Шахрисабзе и Каттакургане хлопок выращивался больше по сравнению с другими районами. Население эмирата также активно занималось садоводством, виноградарством, выращиванием бахчевых культур и табака. Бухарские фрукты, виноград и сухофрукты были известны во всей Средней Азии.

Таким образом, на территории Средней Азии местными земледельцами были сформированы земледельческие традиции с учетом естественных географических возможностей и местных условий, примером чему может служить река Зарафшан, являвшаяся самым крупным водным сооружением края. Каналы, бравшие свое начало в реке, направлялись на орошение 400 тыс. десятин посевной площади, из них 268 тыс. десятин были в распоряжении Бухарского эмирата. Местное население имело большие навыки в земледелии, поэтому для орошения использовало, в основном, мутную воду. В такой воде содержалось много минеральных веществ, необходимых для повышения плодородия земли. Только в Бухарском оазисе на пригодных для земледелия территориях благодаря орошению мутной водой выращивались сельскохозяйственные культуры 32 видов [21].

В реке Зарафшан, которая обеспечивала водой эти земли, помимо ограждений из бревен, строились и плотины из камней. Плотины были двух типов: дамбы, возводимые в верхнем и среднем течениях реки и предназначенные для изменения направления русла, и шлюзные плотины, возводимые, в основном, в нижнем течении реки.

По свидетельствам древних авторов, в нижнем течении реки Зарафшан шлюзы применялись широко. Первые сведения о них приведены в произведениях арабского географа XX века ал-Макдиси́й, где описывается оросительная система Бухары и ее окрестностей. По его сведениям, канал входил в город со стороны Каллаабада, то есть с северо-восточной стороны. Там строили плотину, сооружали широкие шлюзы и заграждения из бревен. С началом лета, когда вода начинала подниматься, бревна убирали одно за другим в зависимости от уровня воды, и таким образом большая часть воды протекала через шлюз и доходила до Пойкента. Это было необходимо для предотвращения угрозы затопления города водой. Место, где возводилась плотина, называлась «фошун». Также аналогичные шлюзы сооружали вне города и они носили название «рас ал-Варг» (начало плотины).

В целом, на территории современного Узбекистана в древности существовали самые крупные оросительные системы, протяженность которых составляла несколько тысяч киломе-

тров. Население Средней Азии на протяжении веков изучало природные условия, опыты и методы и в конце XIX - начале XX века сформировали своеобразную земледельческую культуру и выработали определенные навыки в этой сфере. Особенно велика заслуга древних ирригаторов, которые при выборе места для начала магистральных каналов принимали все меры для предотвращения размывания начала оросительной систем. Своеобразие территории Средней Азии способствовало выработке у местного населения таких навыков, как обработка земли, выращивание культур и достижение высокой урожайности при определенных климатических условиях и развитию земледелия в данном регионе, что в конечном итоге способствовало зарождению, становлению и развитию государств.

Использованные источники и литература

1. Абу Райхон Беруний. Асорул боқия ан-ал қурунал холия. ЎзРФА сида сақланаётган таржима қўлёзмаси. Т/Н. 1171. – Б. 432-440.
2. Қаранг: Ғуломов Я.Г. Хоразмнинг суғорилиши тарихи. –Тошкент.: 1959. – Б. 19,20,30,126.
3. Ғуломов Я.Г. Хоразмнинг суғорилиши тарихи. – Б. 249-251.
4. Абу Райхон Беруний. Асорул боқия ан-ал қурунал холия. ЎзРФА сида сақланаётган таржима қўлёзмаси. Т/Н. 1171. – Б. 432-440.
5. Эшчанов Ж. Хоразм жамоатчилиқ аъналарининг тарихий илдизлари (сув хўжалиғи ва жамоатчилиғи мисолида) // ЎзМу хабарлари. Махсус сон, 2011. – Б. 36.
6. Ғуломов Я.Г. Хоразмнинг суғорилиши тарихи... – Б. 71-72.
7. Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. СПб. 1882. – С. 181.
8. Жалилов С. Фарғона водийсининг суғорилиш тарихидан. – Тошкент.: 1977. – Б. 52-53.
9. Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. СПб. 1882. – С. 23.
10. Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. – Ташкент.: 1974. – С. 181.
11. Жалилов С. Фарғона водийсининг суғорилиш тарихидан. – Тошкент.: 1977. – Б. 56-57.
12. Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. СПб. 1882. – С. 18.
13. Современны кишлак Средней Азии. Вып. VI. – Ташкент.: 1927. – С. 130.

14. Батраков В.С. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Какандского ханства. – Ташкент.: САГУ. Нов. Серия. Вып 62 кн.8. История. 1955. – С. 134.
15. Раззоков А. Ўзбекистон пахтачилиги тарихи. – Тошкент.; Ўзбекистан, 1994. –Б. 34.
16. Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. – СПб. 1872. – С.148, 159, 160.
17. Вировский М.В. Хлопководство и хлопковое промышленность Самаркандской области. – Самарканд.: 1896. – С. 89.
18. Хорошкин А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – СПб. 1876. – С. 247.
19. Шахназаров А.И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. – СПб.: 1908, – С.157.
20. Исоқов З. Фарғона водийси анъанавий деҳқончилик маданияти. – Toshkent.: Yangi nashr, 2011. – Б. 28.
21. Муҳаммаджонов А.Р. Қуйи Зарафшон водийсининг суғорилиш тарихи (Қадимги даврдан то XX аср бошларигача). – Тошкент.: Фан, 1972. – Б. 203.

Концепция государственной политики Великобритании на Среднем Востоке в XIX в.

Вторая половина XIX века явилась чрезвычайно драматическим периодом в истории английского колониализма на Среднем Востоке. 50-е годы стали переломным этапом в эволюции противоречий Англии и России в этом регионе. Их отношения вступили в новую фазу, что было в немалой степени связано с теми социально-экономическими процессами, которые происходили в обеих странах.

В то время в правящих кругах Англии не существовало единой точки зрения относительно того, какую политику следует проводить, чтобы обеспечить укрепление позиций Англии в Индии. Одни политики были приверженцами активных колониальных захватов (представители консерваторов) - «наступательного курса», требуя включения новых территорий в британские владения и разоружения их населения. Другие, либералы, отстаивали политику «закрытой границы», считая, что главной заботой должно быть утверждение английского колониализма в Индии; поэтому они советовали проводить сдержанную политику на Среднем Востоке, демонстрируя дружественное отношение и к местному населению [1.с.70-71].

Фактически и те и другие были сторонниками распространения влияния Англии на территории, примыкающей к северо-западной границе Индии. Творцы английской колониальной политики были вынуждены также считаться с напряженной обстановкой в Индии (особенно после народного восстания 1857-1859 гг.). Учитывали они, конечно, и печальные результаты первой англо-афганской войны 1838-1842 гг. Все это и определило характер, форму и методы английской политики на Среднем Востоке.

Британская экспансия на Среднем Востоке возобновилась уже в конце 50-х годов XIX в. Однако реакция народов Востока на первые шаги Англии в этом направлении, гератский конфликт 1857 г., народное восстание в Индии и некоторые другие собы-

тия оказали воздействие на англо-иранские и англо-афганские отношения и вынудили британские правящие круги изменить методы колониальной политики [2.с.62].

Однако с конца 60-х годов английские финансово-промышленные круги стали вновь вынашивать планы расширения колониальной экспансии за пределами северо-западной границы Индии и открытого включения Ирана и Афганистана в сферу своего влияния. Такая политика была ориентирована на нейтрализацию влияния России, активизировавшей, как известно, в середине 60-х годов свою деятельность в Средней Азии, Иране и Афганистане. Подготовка к новому витку, наступательной политики хронологически совпала с окончанием в Англии так называемой «эры Пальмерстона», когда на политической арене существенную роль стало играть новое поколение британских политиков. Именно они, эти новые, политики, представляли направление, получившее в самой Англии название имперской политики, и настаивали на проведении «наступательного курса» в колониальной политике Англии. Они выдвинулись на авансцену политической борьбы уже в тот период, когда у власти находился либеральный кабинет (1868 – 1873 гг.), выступавший за продолжение умеренного курса колониальной политики «закрытой границы» [3. с.16.].

В зависимости от трактовки тезиса о «русской угрозе» и определения средств, с помощью которых можно было бы укрепить позиции Англии на Ближнем и Среднем Востоке, британских политиков и идеологов можно разделить на два лагеря. Те, кто поддерживали тезис о «русской угрозе» и необходимости расширения английских владений, откосились к сторонникам имперской, или наступательной, политики. Те, кто выступали за политическое решение англо - русских противоречий без применения военной силы, именовали себя приверженцами политики «закрытой границы». Выразителем их интересов был в 60-е года Гладстон.

Парламент стал в 60-е годы ареной полемики по колониальным проблемам. Опасаясь проникновения освободительных идей из России в Индию и усиления революционности масс, либеральный кабинет (1868-1874 гг.), возглавляемый Гладсто-

ном, настаивал на предоставлении Афганистану независимости. Гладстон заявил, что он «настаивает на объединении империи», а также на предоставлении «колониального самоуправления» зависимым территориям [4.с. 103-105.].

Продвижение царской России в Средней Азии как явление, обусловленное внутриэкономическими причинами, а не внешнеполитическими задачами вторжения в Индию. Англия не должна была ставить задачу военной экспансии в Средней Азии, а должна была содействовать созданию в Афганистане и Иране «буферных государств», или так называемой «нейтральной зоны» [5.с.93]. Не считалось целесообразным военное продвижение за пределы северо-западной границы Индии. Эти высказывания отражали позиции той группы английских государственных деятелей, которые относили себя к сторонникам политики «закрытой границы» и выступали за постепенное предоставление колониям самоуправления.

Вхождение Средней Азии в состав России способствовало разработке планов наступательной политики на Среднем Востоке, но, в то же время в какой-то степени сдерживало осуществление ими военных, авантюр. Вся внешнеполитическая деятельность Великобритании в средневосточном регионе изображалась английскими политическими деятелями как реакция на действия России в Средней Азии. Существование двух политических фракций (либералов и консерваторов) в английском парламенте приводило к тому, что осуществление планов укрепления английской политики на Среднем Востоке мыслилось и происходило в разных формах. При этом либералы стояли ближе к исторической правде в оценке реальных возможностей России на Среднем Востоке. Консерваторы же фактически отвергали объективный и взвешенный подход. Возвращение к вопросу о «русской угрозе» было выгодно правящим кругам Великобритании и для сглаживания социальных противоречий как внутри страны, так и в ее колониях, для отвлечения сил нарастающего национально-освободительного движения от решения собственных внутривнутриполитических проблем.

Правящие круги Великобритании проводили интенсивную подготовку общественного мнения к новой эскалации милита-

ристских приготовлений на Среднем Востоке. В это время отмечалось, что в 1865 г. колониальная политика Англии занимала общественное мнение более чем когда-либо ранее [6. с. 114-118.].

В 70-е годы консервативная партия постепенно становится ведущей буржуазной партией Англии, выражающей интересы магнатов тяжелой промышленности, земельной аристократии и банковского капитала. Они потеснили либералов, партия которых переживала внутренний кризис. Консерваторы требовали более активной внешней политики для укрепления империи. Они отвергали фритредерство, призывали к завоеванию новых стран во имя расширения рынков сбыта и создания условий для нового роста промышленного производства. В 1868 г. основные установки «наступательного курса» были изложены Генри Роулинсоном в меморандуме, текст которого был роздан членам парламента в письменном виде и не получил в силу этого в те годы ожидаемого, консерваторами резонанса.

На парламентских выборах 1868 г. консерваторы потерпели поражение. Несмотря на это, их лидер Б. Дизраэли постоянно выступал с резкой критикой политики Гладстона, который, по его мнению, сделал непростительные уступки России и не пытался закрепить достигнутое в результате Крымской войны успехи. Являясь сторонником колониальной экспансии, Дизраэли развернул широкую антирусскую кампанию.

24 июня 1872 г. Дизраэли выступил с речью в защиту укрепления могущества Британской империи. В результате пропаганды агрессивного курса на выборах в парламент в январе 1874 г. консервативная партия победила. Уже в первой речи перед избирателями Дизраэли подчеркнул, что намерен «представить на рассмотрение англичан» вопрос о положении Индии.

На заседаниях парламента Дизраэли изложил доктрину наступательной политики. Конечная ее цель, по его мнению, состояла в превращении Афганистана, Ирана и Средней Азии в английские колонии. Осуществление этой задачи Дизраэли предлагал начать с покорения афганских (пуштунских) племен, обитавших в горных районах на северо-западной индийской границе (так называемая полоса племен и княжеств), и присоединения их к Индии [7.с.14.].

В конечном счете, окончательного раздела мира между державами и борьбы за передел колоний, а также связанное с этим резкое обострение внутреннего положения в Индии обусловили переход Англии с 70-х годов XIX в. к политике наступления. Переформирование англо-индийской армии после восстания в 1857-1859 гг., позволило британским колонизаторам начать систематическое завоевание новых земель, сопредельных с Северо-Западной Индией, как путем установления политического контроля над племенами независимой полосы, так и путём прямой аннексии их территорий. Это должно было, облегчить дальнейшее проникновение англо-индийской армии в Афганистан. Последний, в свою очередь, должен был стать плацдармом для военно-политической и торговой экспансии в Иран и Среднюю Азию [8.с.623.].

Для превращения Афганистана в английскую колонию рекомендовалось использовать соседние, государства - индийский Пенджаб, с одной стороны, и среднеазиатские ханства - с другой. Для обоснования этой программы консерваторы использовали все тот же тезис - об угрозе Индии со стороны России, возраставшей якобы по мере продвижения последней в Средней Азии [9.с.5.].

В конце концов, русское правительство, приняло или скорее не отказалось признать, английскую линию демаркации условной границы, которая отдавала Бадахшан и Вахан эмиру Кабула. Таким образом, в начале 1873 г. между двумя державами была достигнута договорённость, согласно которой крайним восточным пунктом северной границы Афганистана было признано озеро Вуда [10.с.208].

По соглашению Горчакова - Гранвиля 1872 – 1873 гг., единственному дипломатическому акту между Англией и Россией, касающемуся границы в верхнем течении Окса, было решено, что Бадахшан с зависящим от него округом Ваханом, начиная от Сары-Куля, на востоке, до слияния Кокчи с Оксусом (Пенджа), образующим северную границу, означенной афганской провинции на всем ее протяжении. Афганский Туркестан, заключающий округа: Кундуз, Хульм и Балх и северную границу которого служило бы течение Оксуса от впадения в него

Кокчи до поста Ходжа-Салеха включительно, на большой дороге из Бухары в Балх. Афганский Эмир не может заявлять никаких притязаний на левый берег Оксуса ниже Ходжа-Салеха. И внутренние округа: Акча, Сарыпуль, Меймене, Шиберган и Андхой, последний из которых образует окраину афганских владений на северо-западе, так как лежащая далее степь принадлежит независимым туркменским племенам.

Что касается западной границы Афганистана между округами, находящимися в зависимости от Герата, и персидскую провинцию Хорасаном, то английский кабинет полагал, что она хорошо известна и что в определении ее не встречалось надобности.

Изложенные выше данные по многим пунктам не согласовались с доставленными почти одновременно генерал-адъютантом фон Кауфманом сведениями и заключениями, согласно которым Эмир афганский не имел, никакого права причислять Бадахшан и Вахан к своим владениям. На разногласия эти послы в Лондоне поручено было обратить внимание английского правительства, но, вскоре после того, вследствие новых представлений этого правительства и в видах скорейшего установления в Средней Азии прочного порядка и спокойствия, решено было принять предложенное лордом Гранвиллем очертание границ Афганистана. Как явствует из депеши государственного канцлера к графу Бруннову от 19 (31) января 1873 г., мотивами этого решения послужили следующие соображения: сравнительные удобства, которыми располагало английское правительство относительно собрания точных данных об отдаленных краях, о которых шла речь; желание наше не преувеличивать значения этого частного вопроса и, в то же время, доказать Англии нашу предупредительность и, наконец, принятое на себя державою этою обязательство удерживать Эмира афганского от каких бы то ни было наступательных и завоевательных замыслов [11.с.123].

Состоявшееся между двумя державами соглашение не осталось, во всяком случае, без влияния на общее положение дел в Средней Азии. Благодаря ему, в течение десяти лет не возникало никаких поводов к недоразумениям между Бухарою и Афганистаном. Первые замешательства на бухаро-афганской границе

проявились лишь в 1883 году. Вследствие ссоры с наследственным правителем Шугнана и Рошана, Шах-Юсуф-Али-Ханом, Бадахшанский Хан занял его владения и самого его отправил пленником в Кабул.

Шугнан и Рошан не находились в числе территорий, на которые, в силу русско-английского соглашения 1872-1873 гг., распространялась власть Эмира афганского, и потому Императорский кабинет нашелся вынужденным обратиться к великобританскому правительству с представлением о побуждении Эмира отозвать из помянутых двух областей, как назначенного туда Бадахшанским Ханом наместника, так и состоявший при нем афганский гарнизон

Англо-русское соглашение 1873 г. о разграничении сфер влияния в Центральной Азии оказало очень длительный и стимулирующий эффект на формирование границ на Памире, тем более что всего лишь через три года после заключения этого соглашения Россия сделала следующий важный шаг в расширении своих среднеазиатских владений: в 1876 г. после подавления антирусского восстания в состав империи было включено Кокандское ханство, в том числе и памирские бекства.

В 1893 г. британское правительство направило в Кабул для переговоров с Абдурахман - ханом специальную миссию, во главе которой был поставлен секретарь вице-короля Индии по иностранным делам Мортимер Дюранд. Перед посольством были выдвинуты важные задачи: урегулирование англо-афганских отношений, достижение договоренности по «памирскому вопросу» и разрешение искусственно создававшейся колонизаторами «проблемы» афганских пограничных племен, которые населяли земли в районе Сулеймановых гор. По осторожной формулировке британского официального археографа Эйчисона, Дюранду поручалось «прийти к дружественному соглашению по поводу индо – афганской границы».

Дюранду стоило огромных трудов убедить эмира включить эту часть Вахана в состав Афганистана [12.с.31]. После долгих споров, находясь перед угрозой войны, эмир Абдурахман - хан был вынужден согласиться на новое направление границы между британскими владениями в Индии и Афганистаном. Бри-

танская империя овладела важнейшей частью территории восточно-афганских племен.

В ноябре 1893 г. Абдурахман - хан и Мортимер Дюранд подписали соглашение о «достижении взаимопонимания» по поводу индо-афганской границы. По его условиям, Афганистан должен был «отказаться от каких бы то ни было претензий на Сват, Баджаур и Чит-рал, а также от прав на Вазиристан и Чагай. Новая граница, обеспечивавшая свободный доступ британским вооруженным силам в Афганистан, проходила в основном по Сулеймановым горам и получила название «линии Дюранда».

Новая попытка захвата Афганистана могла серьезнейшим образом обострить отношения между Англией и Россией, нарушить определенную стабилизацию положения на Среднем Востоке и в Центральной Азии, в чем не были заинтересованы руководящие круги Британской империи [13.с.210].

Все это определило «афганскую» политику Англии в начале XX в. Она сводилась к политическому и экономическому закабалению Афганистана «мирными» методами: дипломатическими интригами, сопровождавшимися военным нажимом, навязыванием кабальных договоров, усилением британского влияния в господствующих кругах страны, наводнением афганского рынка английскими товарами.

В августе 1907 г. проявлявшееся между Англией и Россией сближение на почве борьбы против Германии нашло свое выражение в заключение «Конвенции по делам Персии, Афганистана и Тибета». Эта конвенция, направленная, в частности, против развивавшегося на Востоке революционного движения, урегулировала наиболее острые – средневосточные – проблемы в англо-русских взаимоотношениях того периода и явилась одним из краеугольных камней создания Антанты [14.с.417].

Таким образом, Великобритании удалось добиться со стороны царизма в 1907 г. четкого признания своего господства над Афганистаном в области внешней политики.

Использованные источники и литература

1. Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке. – М., 1990. – С. 70-71.
2. Бушев П. П. Герат и англо – иранская война 1856 – 1857 гг. – М., 1959. – С. 62.
3. Cultures of Empire. Colonizers in Britain and the Empire in the Nineteenth and Twentieth Century. A Reader. Ed. by C. Hall. New York, 2000. – P. 16.
4. Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке. – М., 1990. – С. 103-105.
5. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. – М., 1961. – С. 93.
6. Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке. – М., 1990. – С. 114–118.
6. Мак – Грегор Ч. Оборона Индии. Сборник материалов по Азии. Вып. – 43. - М., 1975. – С. 14.
7. Губар М. Г. М. Афганистан на пути истории. – Кабул 1967. – С. 623.
9. Гуревич Н. М. Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. – М., 1981. – С. 5.
10. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане. – М., 1959. – С. 208.
11. Постников А. В. Схватка на крыше мира. Памятники исторической мысли. – М., 2001. – С. 123.
12. Гордон Л. Р. Борьба Афганистана против английской агрессии в конце XIX в. Очерки по новой истории стран Среднего Востока. – М., 1951. - С. 31.
13. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане. – М., 1959. – С. 210
14. Постников А. В. Схватка на крыше мира. Памятники исторической мысли. - М., 2001. – С. 417.

Этнические факторы во внутривполитической жизни США и их влияние на становление современной государственности

Современный мир многолик, и история имеет многовариантный характер своего развития. Каждое государство проходит свой, неповторимый путь в становлении государственности. Сегодня, как никогда ранее цивилизационные процессы влияют на становление государственности. Глобализация экономик, культур, судьбы национальных меньшинств, миграционные процессы в странах Европы, Америки оказывают огромное влияние на политические процессы в государствах Востока и на всем Евразийском пространстве.

При рассмотрении данных проблем нас заинтересовал вопрос – какое влияние может оказать цветное, этническое население на выборы президента США и какое последствие может оно оказать на становление государственной системы Америки.

С 20 января 2009 по 20 января 2017 год вошло в историю США как период правления первого афроамериканского президента США Барака Хуссейна Обама. Это событие было результатом многолетней политической борьбы афроамериканского общества.

Со второй половины XX века подъем борьбы за гражданские права афроамериканцев способствовал превращению этого электората во внушительную политическую силу. Благодаря реформам президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона было сняты формальные преграды к участию афроамериканцев на выборах как на местном, так и на федеральном уровне. Исторически сложилось, что южные штаты, где значительная часть населения составляет именно афроамериканцы, стали основной категорией электората. Роль голосов этой категории американцев возросла и в промышленных центрах Севера, где в результате миграционных процессов послевоенных десятилетий сложилась высокая концентрация афроамериканского населения. Согласно данным переписи населения 1980-го года, афроамериканцы составляют

70,3% населения избирательного возраста г. Вашингтона, 50,5% – Бирмингема, 50,3% - Балтимора, 41,1% - Кливленда, 35,5% - Чикаго, 34,6% - Филадельфии, 27,6% - Шарлотты, 22,6% - Нью-Йорка, 18,7% - Бостона, 15,8% - Лос-Анджелеса [1].

Наиболее большое значение голосов афроамериканских избирателей начинает проявляться на президентских выборах 1960-го года, когда Дж. Кеннеди победил своего соперника Р. Никсона с минимальным перевесом в 100 тысяч голосов. Американские исследователи отмечают, что своей победой Дж. Кеннеди во многом был обязан именно голосам цветных избирателей [2.с.930].

Их голоса сыграли важную роль и на выборах 1964 года, когда вопрос о гражданских правах афроамериканцев стал одним из основных в избирательной борьбе Л. Джонсона. В 1976 году голоса афроамериканских избирателей, глубоко разочарованных восьмилетним пребыванием у власти республиканской администрации Р. Никсона - Дж. Форда, сыграли важную роль в успехе кандидата от Демократической партии Дж. Картера, за которого проголосовали 90% афроамериканских избирателей [3. с.92]. Они принесли ему победу в ряде южных штатов, а также в штате Нью-Йорк [4. с.713].

Усилению роли голосов афроамериканцев способствовал и быстрый численный рост этой группы населения: только за 70-е годы число афроамериканцев избирательного возраста выросло на 44 % и составило уже 11,8% из всех американских избирателей [5.с.26]. Хотя этот электорат не располагает большинством ни в одном штате страны, в целом ряде штатов, в том числе в четырех из пяти, дающих наибольшее число голосов выборщиков - в Калифорнии, Нью-Йорке, Техасе и Иллинойсе, - в случае небольшого разрыва между кандидатами их голоса оказывались решающими. Значение голосов афроамериканских возросло и на выборах в конгресс, и местные органы власти. В 14-ти избирательных округах Юга, а также центральных районах городов Севера афроамериканцы сегодня составляют большинство, в 86-ти избирательных округах - свыше 20%, а в 110-ти – не менее 15% населения избирательного возраста [6.с.46].

Повышение значимости расовых и этнических групп в политической жизни проявляется не только в результатах их голосования. Обеим ведущим партиям в настоящее время большей степени, чем раньше, приходится считаться с их требованиями при проведении избирательных кампаний. Еженедельник «Ю.С. ньюс энд Уорлдрипорт» признавал, что «основанные на особых интересах блоки избирателей вносят значительные изменения в американскую политическую жизнь, вынуждая кандидатов искать новые методы избирательной борьбы» [7.с.29]. Многие исследователи констатируют тот факт, что «ушло время, когда кандидат мог обеспечить себе голоса этнической группы, пропев в воскресенье какой-то гимн, пожав несколько рук у фабричных ворот или поев польской колбасы» [8.с.25]. Ныне поддержка кандидатов избирателями из числа расовых и этнических групп все больше зависит от позиций политических деятелей по волнующим этих избирателей вопросам.

Американский исследователь С. Гэрретт, отмечал, что «американские политики из обеих партий, занимающие выборные должности на различных уровнях, со всей серьезностью отнеслись к роли голосов этнических групп и начали планировать свои кампании с учетом усиления влияния роста этнического самосознания на выбор кандидатов» [9.с.312].

Многие же политические деятели, в прошлом и имевшие, прочные позиции в афроамериканских, испаноязычных и белых этнических кварталах, лишились поддержки своих традиционных избирателей, поскольку не учли их возросшие требования.

Для расовых и этнических групп, как, впрочем, для электората в целом, характерно ослабление лояльности в отношении обеих партий. Этот процесс, отражающий более критическое отношение американцев к политике партий, неудовлетворенность их деятельностью, определенный рост их политического сознания, проявляется в заметных «переливах» части избирателей от одной партии к другой. Так, в общенациональных выборах 1964 года приняло участие 58,5 % афроамериканцев, в 1968 – 57,6%, в 1972 – 52,1%, в 1976 – 48,7%, в 1980 г. – 50,5% [10.с.26].

Согласно демографическому прогнозу, к 2050 году афроамериканцы составят 15%, а испаноязычные американцы - 25% от

общей численности населения США. В американской официальной литературе испаноязычных не относят к какой-то определенной расе, отмечая, что среди них есть и афроамериканцы, и метисы, и белые. При этом соотношение представителей этих социальных групп в процентах, афроамериканцы и метисы явно преобладают среди испаноязычных, а кроме того, по своим социокультурным характеристикам и экономическому положению (нижний класс) они явно ближе к афроамериканцам, а не к белым американцам [11.с. 375].

На президентских выборах 1956, 1960 и 1964 гг. годов около 95% участвовавших в них испаноязычных американцев проголосовали за кандидатов от Демократической партии [12.с.200]. Однако недовольство практическими результатами деятельности и неспособность решить стоящие перед испаноязычными американцами проблемы порождают постепенный их отход от демократов. Первые признаки тому проявились еще в 1968 году, когда 10% испаноязычных американцев (вместо обычных 5% или того менее) подали голоса за кандидата от Республиканской партии [13.с.737].

Дальнейшее развитие эта тенденция получила в ходе президентских выборов 1972 г. года, когда за республиканского кандидата в некоторых районах Юго-Западной Америки проголосовало необычно большое число американцев мексиканского происхождения (главным образом, из средних и высших слоев). В некоторых избирательных округах южной части штата Техас Р. Никсона поддержало более 50% американцев мексиканского происхождения, участвовавших в голосовании [14.с.737].

На выборах 1976 года подавляющее большинство испаноязычных американцев поддержали кандидата от Демократической партии Дж.Картера, что было вызвано глубоким разочарованием в политике республиканской администрации. Четыре года правления Дж. Картера способствовали и эрозии доверия испаноязычных к Демократической партии. На президентских выборах 1980 года 25% испаноязычных граждан проголосовали за кандидата от Республиканской партии, в 1984 году - уже 31%, что объясняется преобладанием среди принявших участие

в голосовании представителей высших и средних слоев испаноязычного населения [15.с.739].

Процесс размывания электората Демократической партии не ограничивается лишь цветными меньшинствами. В еврейской общине на протяжении 70-х годов наблюдался заметный сдвиг вправо. Усилили свои позиции и неконсервативные силы, которые возглавлял редактор журнала «Комментарии» Н. Подгорец и редактор журнала «Паблик интерес» И. Кристол. В результате чего на президентских выборах 1980 года община раскололась. Впервые за полвека кандидат от Демократической партии получил менее половины (42%) голосов избирателей еврейского происхождения. Однако за Р. Рейгана проголосовали всего 35% евреев - значительно меньше, чем среди других групп белого населения. В 1984 году Р. Рейган также получил 35% голосов еврейской общины [16.с.13].

Необходимо проследить каков был процент проголосовавших из числа европейского происхождения Америки. Так, если на президентских выборах 1960 года за кандидата от Республиканской партии проголосовало около 23% американцев славянского, ирландского и итальянского происхождения, в 1964 году - 21%, то в 1968 - уже 32%. В 1972 году недовольство программой Дж. Макговерна толкнуло большую их часть в лагерь республиканцев [17.с.532].

«Уотергейтский скандал», разочарование во внутривластной деятельности республиканской администрации способствовали ослаблению поддержки со стороны белых этнических групп республиканской партии. На выборах 1976 года Дж.Форд получил на 4 млн. с лишним голосов меньше, чем Дж. Картер именно со стороны белых этнических групп [18].

Результаты деятельности администрации Дж. Картера также оказались далеки от ожиданий белых американцев. Это снова толкнуло значительную часть их в республиканский лагерь, что обеспечило Р. Рейгану победу в ряде районов с высокой концентрацией их проживания. В 1984 году за Рейгана проголосовали 51% американцев славянского происхождения, 56% ирландских католиков, 58% американцев итальянского происхождения [19 с.153]. Отмечая растущую «разборчивость» этнических групп

в отношении политических кандидатов, американские исследователи писали: «Демократы уже не могут считать, что голоса этнических групп у них «в кармане», а республиканцы – игнорировать эти голоса. Эти избиратели стали более разборчивыми, чем когда бы то ни было, и не учитывающие этого политические деятели нанесут себе огромный вред» [20.с.154].

Разочарование в политических деятелях обеих партий сильнее всего проявлялось на локальном уровне, где оно порождает стремление расовых и этнических групп к избранию собственных кандидатов на различные выборные должности. Причем этническое звучание имени само по себе давно уже перестало служить гарантией успеха кандидата в округе, населенном представителями данного меньшинства.

Результатом развернувшейся со второй половины 60-х годов борьбы за политическое представительство явилось значительное расширение политического влияния афроамериканцев. В период правления республиканской администрации 80-х годов XX века выборные должности на различных уровнях занимали 5 160 афроамериканцев [21.с.31]. Они имели 21 представителя в конгрессе США, 355 представителей - в законодательных собраниях штатов. Афроамериканцы являлись мэрами 250 городов США, в том числе таких крупнейших, как Лос-Анджелес, Чикаго, Детройт, Филадельфия, Атланта, Кливленд, Вашингтон [22.с.31].

Возросло политическое влияние и афроамериканской фракции конгресса США, члены которой находятся на крайнем, леволиберальном фланге конгресса, выступая с резкой критикой внутри- и внешнеполитического курса.

Свое влияние как в конгрессе США, так и за его стенами сумела укрепить испаноязычная фракция. Входящие в нее конгрессмены вносят или активно поддерживают прогрессивное законодательство в социально-экономической сфере, систематически ведут борьбу за включение в законы и программы положений, направленные на защиту интересов испаноязычного населения. Они пытаются добиться более пропорционального представительства испаноязычных американцев в аппарате и руководящих органах Демократической партии, учета их тре-

бований в избирательных платформах. Наряду с этим члены фракции выступают за пересмотр политики США в отношении латиноамериканских стран.

Наряду с выдвижением собственных кандидатов на выборные должности, расовые и белые этнические группы оказывают поддержку кандидатам, сочувственно относящимся к их требованиям. Эта поддержка – один из важных факторов, содействующих избранию либеральных кандидатов на различные выборные должности.

Повышение роли так называемых «этнических» избирателей также способствовало расширению базы для независимых политических действий. В наибольшей степени эти процессы проявляются среди афроамериканцев и испаноязычных американцев. Разочарование в обеих партиях побуждает их все более открыто выступать против ограничения своей деятельности рамками двухпартийной системы. «Мы отдадим наши голоса и поддержку отдельным кандидатам, а не политическим партиям, в обмен на их поддержку программ, направленных на улучшение нашего положения», - говорила член афроамериканской фракции палаты представителей конгресса США Ш. Чизем [23.с.671].

С приходом к власти администрации Р. Рейгана значительно возросла избирательная активность меньшинств, в первую очередь, афро- и испаноязычных американцев, которые восприняли победу Р. Рейгана на выборах как «утверждение правых тенденций». Она появилась уже на промежуточных выборах 1982 года, когда количество принявших участие в голосовании афроамериканцев выросло на 5,8%, испаноязычных – на 1,8%. В целом, по стране числе зарегистрированных афроамериканских избирателей увеличилось почти на 1 млн. человек. Увеличение числа афроамериканских и испаноязычных избирателей способствовало укреплению массовой базы Демократической партии: лишь 13% афроамериканцев, участвовавших в голосовании, отдали свои голоса кандидатам от республиканской партии (по сравнению с 44% белых избирателей) [24.с.1506].

Выборы 1982-го года, как отмечал еженедельник «Ю.С. Ньюс энд уорлдрипорт», «свидетельствуют о возрождении коалиции, объединяющей членов профсоюзов, представителей белых эт-

нических групп, афроамериканцев и испаноязычных американцев... расколотой победой Рейгана в 1980 г» [25.с.20-23]. Голоса меньшинств явились одним из факторов, обеспечивших победу демократических кандидатов в губернаторы в штатах Нью-Йорк, Иллинойс, Техас и Алабама. «Избиратели из числа меньшинств,- писала газета «Нью-Йорк таймс», - были основным факторам во многих победах, принесших демократам 26 новых мест в конгрессе США» [26].

По мнению многих американских исследователей и обозревателей, активная роль афроамериканцев и испаноязычных американцев стала одним из наиболее примечательных явлений избирательной кампании 1984 года. Так, афро-американские организации и их лидеры поставили задачу добиться обеспечения максимального участия афроамериканцев в этих выборах с тем, чтобы нанести поражение Р. Рейгану.

Факты свидетельствуют, что во второй половине XX века афроамериканцы добились впечатляющих успехов, которые могут сравниться по значимости с отменой рабства в 60-е годы XIX века. В 1954 году Верховный суд США запретил сегрегацию в школах, а в следующем десятилетии американское правительство ввело бесплатный провоз афроамериканских детей на специальных автобусах в школы, где учились белые. Федеральные законы 1964, 1965 и 1968 годов запретили дискриминацию афроамериканцев при найме на работу, приобретении и аренде жилья, отменили всевозможные ограничения их избирательных прав [27].

Цифры свидетельствуют, что начиная с 70 годов XX века включая - 90-е годы все больше афроамериканцев стали приобретать статусы, которые прежде им были недоступны: увеличилась их доля среди домовладельцев, бизнесменов, они стали чаще избираться мэрами городов, наконец, их число в Конгрессе США возросло с 13 человек в 1971 году до 41 в середине 90-х годов [28.с.51-66].

С 90-х годов XX века в медии-культурной жизни США становится обычным явлением что «число представителей афроамериканских директоров и ведущих телевизионных программ: в пропорции в самых популярных электронных СМИ, если и не

превосходит, то не уступает проценту негроидной расы во всем населении страны. Предоставление афроамериканцам мест на основе принципа “квоты” (то есть соответствия проценту негроидного населения) прослеживается и в некоторых других престижных профессиях. В связи с этим в консервативных кругах широкое хождение получила идея, зазвучавшая в 90-е годы, а именно - в Соединенных Штатах насаждается принцип “обратной дискриминации”, означающий отказ в равных правах на профессию белым согражданам» [29.с.373].

Как бы не констатировали эти явления борьба афро-американцев за свои гражданские права и использования этого фактора в своих избирательных программах политическими лидерами партии США дали на сегодняшний день свои результаты, примером тому приход в Белый дом Барака Хуссейна Обама и пребывание его у власти два срока подряд.

Вполне вероятно, что в недалёком будущем в Белый дом может быть избран другой представитель этнической группы, представляющий современное американское общество.

Использованные источники и литература

1. The State of Black America, 1984. - P.87.
2. Schlesinger A.A. Thousand Days. - Boston, 1965. - P.930.
3. The State of Black America, 1984. - P.92.
4. Congressional Record, 1977, Febr.9. - P.E 713.
5. Statistical Abstract of the United States, 1982/83.P.26.
6. United News and World Report, 1982, Oct.11. - P.46.
7. U.S. News and World Report, 1980, Sept.29. - P.29.
8. U.S. News and World Report, 1980, Sept.29. - P.25.
9. Political Science Quarterly, 1978, Summer. - P.312.
10. Voting and Registration in the Election of November 1982, Jerry Jennings. U.S.Department of Commerce, Bureau of the Census, 1983, Nov. P.VI.
11. Statistical Abstract of the United States 1996. – P. 472-473, 461; Vital Statistics on American Politics. - P. 373, 375.
12. Steiner S. La Raza. - N.Y., 1968- P.200.
13. Social Science Quarterly, 1973, March. - P.737.
14. Ibid. P.737
15. Social Science Quarterly, 1973, March. - P.739.

16. The Pursuit of the Presidency. - N.Y., 1980. - P.341; Jime, 1984, Nov.19 - P.13.
17. Congressional Quarterly Weekly Report, 1972, March 11. - P.532.
18. Armenian Weekly, 1979, Dec.8.
19. White Ethnics: Their Life in Workingclass America. /Ed. By J.Ryan. - Englewood Cliffs, 1973. - P.153.
20. Idid.-P-154
21. Time, 1983, Aug.22. - P.31.
22. Time, 1983, Aug.22. - P.31.
23. Vital Speeches of the Day, 1978, Aug.15 - P.671.
24. Congressional Quarterly Weekly Report, 1983, July 23. - P.1506.
25. United States New and World Report, 1982, Nov.15 - P.20,23.
26. New York Times, 1982, Nov.12.
27. Christian Science Monitor, 1983, Aug.9.
28. Time, 1983, Aug.22. - PP.51-66.
29. Statistical Abstract of the United States 1996.P. 373

Влияние процесса деколонизации на становление современного государства в Индии

Современное индийское государство, несмотря на древность цивилизации, является на сегодняшний день достаточно молодым. Возникшее в своей современной форме в августе 1947 года, оно стало прямым следствием освобождения от колониальной зависимости. Однако за всю историю самой индийской цивилизации на территории полуострова Индостан существовали совершенно различные государственно-правовые формы, которые могли включать как длительные этапы децентрализации, так и связанные, как правило, с внешними завоеваниями, этапы существования единых государств.

Ряд российских индологов описали доколониальную историю Индии как чередование периодов «порядка» и «хаоса» с преобладанием последних. И непосредственно колониальный период с точки зрения данной концепции был обозначен как «пролог к интеграции» [1, с.20-45].

Американский индолог индийского происхождения С. Кавирадж утверждал, что современное индийское государство является по большей части продолжателем доколониальных государственно-правовых традиций, нежели заложенных британскими колонизаторами образцов [4, р.59].

В целом значение британской колониальной системы как интегрирующего фактора является хорошо изученным в историографии. Очевидным является то, что индийское государство в его современной форме родилось благодаря деятельности национально-освободительного движения первой половины XX века. И с этой точки зрения актуальным представляется рассмотрение того, какие именно ментальные формы, формировавшиеся в рамках этого движения, повлияли на взаимосвязанные процессы деколонизации и становления современного государства в Индии.

Представляется, что перед индийским национально-освободительным движением стояло две основные задачи. Первая

заклучалась в том, чтобы создать единую интеграционную основу для превращения многосоставного индийского общества в единую нацию. Вторая задача заключалась в доказывании европейским колонизаторам (а, возможно, и всему западному миру) того, что эта новая индийская нация имеет право на независимость, как и все другие сообщества, находившиеся на тот момент в колониальной зависимости.

Первая задача относительно успешно реализовывалась различными идейными течениями, которые создавали различные концепции исторического развития и символики индийской нации. Как правило, эти концепции основывались на идеи уникальности индийского общества и их общим посылом служило то, что «мы не такие, как Запад». Например, еще во второй половине XIX века известный индийский мыслитель Свами Вивекананда продвигал концепцию миссионерства наций, согласно которой у Индии была особая миссия привнесения духовности всему миру [8, p.418].

Подобные идеи были активно развиты в начале XX века известным индийским политиком и философом Ауробиндо Гхосшем. В частности, он один из первых выразил идею обретения Индией полной независимости от Великобритании. Но в его понимании цель обретения полной независимости была связана с избавлением от любого влияния европейской цивилизации и утопической задачей возвращения к «золотому веку» индийской истории, существовавшему в древности [2, 22-130 p].

В дальнейшем интеграционная задача была окончательно выполнена благодаря распространению политической идеологии М.Ганди и созданием целого комплекса символики индийской нации (прялка, традиционная одежда и т.д.).

Данные идейные конструкции оказали решающее влияние на формирование индийской нации, однако они не могли полноценно восприниматься европейскими колонизаторами, для которых они были по большей части проявлениями крайнего консерватизма.

Задачу «диалога» с британской властью выполнял созданный еще в 1885 году Индийский национальный конгресс, который состоял преимущественно из индийцев, получивших европей-

ское образование, а потому всецело мысливших в рамках западных политических концепций.

И фактически их исторической целью было не только постепенное доказывание европейскому миру своих прав на независимость, но и оспаривание всех идейных основ колониализма.

Созданная европейцами в Новое время колониальная система основывалась на распространении популярной на тот момент социальной эволюционной теории на область политических отношений. Основой политической эволюционной теории был тезис о единстве человечества и объяснение всех существующих различий исключительно нахождением обществ на разной стадии социально-политической эволюции. Это позволило западным странам рассматривать все отношения с незападным обществом в рамках дихотомии цивилизация/варварство. Как следствие того, что европейцы считали себя высшей ступенью развития человечества, они считали себя проповедниками преобразования неевропейцев в «цивилизационное» поведение [5, 302-305 p.].

Рождавшиеся среди европеизированных участников ИНК идейные концепции, во-первых, основывались на западных рациональных политических теориях, а во-вторых, пытались донести до колонизаторов тезис, что «мы такие же как вы, и поэтому тоже имеем все права».

Деятельность ИНК в период с 1885 года по 1906 год заключалась в последовательном требовании (а скорее даже просьбе) к колонизаторам предоставить право политического представительства и возможности участия в управлении своим государством. Подобная попытка диалога с колониальными властями выражалась в регулярном направлении Резолюций, содержание которых британцы из года в год игнорировали [7, 120- 201 p.].

Необходимо отметить, что сторонники подобных взглядов вплоть до 30-х годов XX века не были противниками британского колониального господства как такового. Более того, еще в XIX веке многие из них восхваляли колониальное правление и рассматривали его как безусловный прогресс в индийской истории.

Даже провозглашенный в 1906 г. в рамках ИНК лозунг *сва-раджа* (буквально «своё правление») предусматривал только

предоставление статуса доминиона внутри Британской империи. Историческая задача выдвижения официального требования предоставления полной независимости была реализована под непосредственным воздействием так называемого «левого» крыла Конгресса во главе с Джавахарлалом Неру. На сессии ИНК в Мадрассе в декабре 1927 г. в тексте резолюции было выдвинуто требование «полной национальной независимости» или *Пурна Сва-раджа*, что означало требование независимости, какой обладают Китай или Япония. В своей речи перед Конгрессом Дж. Неру, провозгласив, что Конгресс объявляет целью индийских людей полную национальную независимость, указал, что это означает контроль над финансовой и экономической жизнью страны, а также над её отношениями с другими государствами. «Без этого, - по выражению Неру, - независимость была бы лишь пародией и камуфляжем» [3, p.66].

Уже в 40-е годы XX века Дж. Неру развивал свою критику колониальной системы и сравнивал её идейные основания с фашизмом и нацизмом. Неру заявлял, что наиболее адекватной концепцией нового миропорядка, признаваемой, прежде всего европейскими странами, должно быть признание за каждой страной, в том числе и за теми, кто входит в Британскую империю, права и полной свободы определения своей внутренней и внешней политики, которое может ограничиваться лишь общими для всех международными требованиями. Кроме того, в новом мире все расы и люди должны рассматриваться как равные и наделенные равными возможностями для развития и роста. Люди и расы могут быть разными, и некоторые являются культурно и интеллектуально более зрелыми. Но дверь прогресса должна быть открытой для всех. Признание подобных положение явилось бы, по мнению Неру, большим ударом по нацизму и фашизму, чем любой военный триумф [6, p.14].

Таким образом, можно сказать, что процесс обретения Индией современных государственно-правовых форм был прочно связан с идеологической основой деколонизации. Фактически одной из главных исторических заслуг индийского национально-освободительного движения было не только экономическое и политической освобождение от власти метрополии, но и ут-

верждение тех, базовых идейных принципов, которые легли в основу поствоенного международного права и мироустройства.

Использованные источники и литература

1. Индия: страна и регионы / Под ред. Е.Ю. Ваниной. М., 2004. 360 с.
2. Aurobindo, Sri. The Complete Works: in 37 vol. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 2002. Vol 5. 302 p.
3. Important speeches of Jawaharlal Nehru. Being a collection of most significant speeches delivered by Jawaharlal Nehru from 1922 to 1945. Lahore: Lahore Indian Printing Works, 1945. 202 p.
4. Kaviraj, S. Trajectories of the Indian state: Politics and ideas. New York: Orient Blackswan, 2010. 290 p.
5. Koskenniemi M. The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and fall of International Law 1870-1960. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 569 p.
6. Nehru, J. Can Indians get together? // India's day of reckoning. Reprinted from the «New York times»: 19 July, 1942. London: India League, 1942. 18 p.
7. Source material for a history of the freedom movement in India (Collected from Bombay Government Records). Bombay: Government central press, 1957. Vol. 1: 1885–1920. 345 p.
8. The complete works of Swami Vivekananda. New Delhi: Advaita Ashrama, 1947. Vol. 4. 478 p.

ГЛАВА II. ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА В СТАНОВЛЕНИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Зуев А. С.

Политика Российского государства в отношении народов Сибири в конце XVI – начале XX в.

Включение Сибири в состав России, осуществленное в основном в конце XVI – XVII вв., стало важнейшей вехой на пути формирования полиэтничного российского социума. Российское государство вынуждено было искать оптимальные пути взаимодействия с нерусскими народами, различавшимися своей социально-политической организацией, культурой, хозяйственной деятельностью. Этот поиск привел к разработке и осуществлению особой политики в отношении указанных народов – политики, которая, несмотря на отдельные неудачи, весьма длительное время – вплоть до начала XX в. – обеспечивала стабильное существование полиэтничной и мультирелигиозной Российской империи.

В начале XX в., когда в Российской империи остро обозначилась проблема решения «национального вопроса», юрист, писатель и журналист М. А. Славинский, выдвинувший теорию образования в России особой «имперской нации», писал: «Имперская политика в национальном вопросе так же пестра и разнообразна в своих проявлениях, как и пестро и разнообразно имперское население. Свести это разнообразие к какой-нибудь последовательной системе, к какому-либо единству невозможно, так как этого единства не существовало в действительности» [7, с. 284]. Автор был отчасти прав. Конкретных вариантов и методов политики, осуществлявшейся российской властью на разных «национальных» окраинах, было множество. Однако при всем многообразии в этой политике, как отмечают современные исследователи, всегда присутствовали неизменные принципы [См., например: 1; 3; 8; 10; 11]. Вполне можно согласиться с А. Каппелером, пришедшим к следующему выводу: «Возникшая в результате продолжавшейся в течение столетий

экспансии гигантская многонациональная Россия отличалась огромным этническим, конфессиональным, социальным, экономическим, административным и культурным разнообразием. Как правило, прагматично-гибкая правительственная политика базировалась на уважении и признании, – правда, в различной мере, – статус-кво вновь присоединенных земель, так что в рамках Российской империи сохранялись и сосуществовали многочисленные элементы чужеродных социальных, экономических и административных структур и самобытные, неправославные и нерусские культуры. Своего рода “скобками” – объединяющей конструкцией этого пестрого конгломерата территорий и обществ служила лояльность по отношению к царю и правящей династии. Если эта лояльность исчезала или ослабевала, вводились в действие инструменты насилия вплоть до военных интервенций» [2, С. 86].

Неизменно прагматично-гибкой на всем протяжении конца XVI – начала XX в. была и политика Российского государства в отношении коренных народов Сибири. Ее алгоритм задавался сочетанием ряда факторов:

- господствовавшей в стране автократической (самодержавной) политической системой, безусловным доминированием государства над обществом, его гипертрофированной ролью во всех сферах жизни;

- перманентным расширением государственной территории, желанием навечно утвердить земли и народы в составе России и подданстве царю / императору, потребностью обеспечения экономических и политических интересов России в Азии, ее статуса великой державы;

- стремлением взять с территории и населения как можно больше доходов в государственную казну, а также стимулировать необходимый государству формат экономического развития региона, что превращало его в сырьевой придаток центра-метрополии;

- непригодностью большей части территории Сибири к сельскохозяйственному освоению, слабыми до конца XIX в. темпами русской колонизации региона и соответственно относительно малой численностью русского населения;

– эволюцией господствовавших мировоззренческих, идеологических, теоретико-философских и этнокультурных представлений, в которых при всех изменениях стабильными константами оставались этатизм, патернализм, толерантность к иным культурам и идея о высокой мессианской роли Руси / России в распространении христианской / европейской цивилизации на пространствах Азии.

Эти факторы обусловили важнейший принцип государственной политики в отношении сибирских народов: в них государство видело прежде всего особый разряд подданных (податных-налогоплательщиков), а затем иноверцев, и обращало внимание именно на это, а не на этничность. В результате этническая принадлежность подменялась социальной («ясачные люди», «иноземцы», «иностранцы») и изредка религиозной («иноверцы»), никакой дискриминации, собственно, по этническому признаку государство не допускало. Такой подход, с одной стороны, обусловил отсутствие у государства, по крайней мере до конца XIX в., целенаправленной «национальной» политики, равно как и специализированных правительственных органов, которые бы занимались разработкой этой политики, а с другой – способствовал и облегчал инкорпорацию сибирских народов в российский социум, что всегда было основной целью государственной политики. При этом инкорпорация аборигенов, представлявших конгломерат этнических образований с разным уровнем социально-политической организации, имевших различные хозяйственные уклады и культуры, осуществлялась постепенно и поэтапно.

В конце XVI – XVII вв. русская власть решала в первую очередь задачу политического подчинения народов Сибири, их политической ассимиляции. Довольствуясь формальным признанием власти «белого царя» и уплатой ясака, она оставляла, за редким исключением (как у сибирских татар), без изменений внутреннюю культурную и социально-потестарную организацию местных сообществ, адаптируя ее к русской государственной системе и сотрудничая с местными элитами. При этом, однако, включение сибирских народов, ставших ясачными людьми, в политическое и правовое пространство Российского государства сопровождалось реорганизацией и перестройкой властных от-

ношений: правителем сибирских земель и народов становился русский царь, а аборигенная «родовая» элита превращалась в проводников русской политики. Использование традиционного для большей части Сибири института зависимости «слабых» народов от «сильных» (выплата дани, сопряженная с аманатством, шертованием и невмешательством во внутреннюю жизнь зависимых) облегчило Москве подчинение многих сибирских народов, способствовало их относительно мирному и быстрому включению в социальную и государственную структуру России, правда, в особом статусе «иноземцев». Кроме того, как замечает Л. И. Шерстова, «подмена этнической принадлежности социально-податной ... само по себе автоматически обеспечивало известную межнациональную толерантность в Сибири» [9, с. 68].

С начала XVIII в., когда политическое подчинение большинства сибирских народов было завершено, начался процесс их социальной и культурной ассимиляции путем христианизации и окрестьянивания в целях ускорения их «цивилизационного взросления». Со второй половины того же века ускорился процесс огосударствления властных институтов сибирских этносоциумов: они начинают превращаться в органы местной государственной администрации. В связи с этим власть и статус «родовой» элиты жестко увязываются с выполнением административных функций. Самой же прежней элите как таковой не нашлось места в сословной структуре российского общества. За редчайшими исключениями ее представители формально все более уравниваются в правах и обязанностях с рядовыми ясачными людьми. С этого же времени образ жизни и вид хозяйственных занятий начали оттеснять религию в качестве критерия сущностных различий между русскими (православными) и нерусскими («паганскими», «бусурманами», «магометянами»). Превращение в православного перестает, как ранее, обеспечивать быстрое включение в русский социум. Хотя крещение, тем не менее, продолжало восприниматься русским и автохтонным населением как важный шаг на пути к обрусению.

Опыт «аборигенной» политики XVIII в. был обобщен и развит в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г., который, не придавая никакого значения этничности, юридически закрепил

культурно-хозяйственную градацию сибирских народов. Согласно стадильной схеме развития человечества, разработанной теоретиками европейского Просвещения, они были разделены на «бродячих» (уровень «дикости»), «кочующих» (уровень «варварства») и «оседлых» (близких к уровню «цивилизации»). Был также обозначен механизм постепенного включения «кочующих» и «бродячих» «инородцев» в русский социум путем их социальной ассимиляции и административной унификации, благодаря чему они должны были приобщиться к оседлой цивилизации. Устав также окончательно юридически «деклассировал» бывшую властную элиту аборигенов. В нем четко было прописано, что «князцы, тоены, тайши, зайсаны, шуленги и проч.» не более, чем «почетные звания». Но без соединения с какой-либо должностью в государственном управлении эти «почетные звания» в глазах русской власти ничего не значили.

Устав 1822 г. формально продолжал действовать весь XIX в., а в отношении народов Севера Сибири – до 1917 г. Однако сразу же после его принятия в правительственной политике начали доминировать стратегии и практики, корректировавшие или вовсе отменявшие его нормы. Явно обозначилось стремление к ускорению процесса обрусения окраин, в связи с чем нараставшие усилия по социальной, религиозной, административной, правовой и хозяйственной унификации были дополнены установкой на культурно-языковую ассимиляцию, по сути, полную русификацию сибирских народов. Политика русификации, набиравшая обороты с второй четверти XIX в., воспринималась правительственной и общественно-политической мыслью как безусловное благо, способствующее сохранению и укреплению целостности империи, превращению ее в этнически однородное государство (одно государство – одна нация), а также культурному развитию сибирских народов, которые только таким образом могли спастись от физического вымирания [См.: 5; 6]. И если ранее главным элементом, скреплявшим империю, выступала верность полиэтничного населения российскому монарху, то к концу XIX в. фундаментом империи стала признаваться русская нация, формировавшаяся и конструировавшаяся усилиями государства и интеллектуа-

лов-государственников, выступавших за «великую, единую и неделимую Россию».

В целом на протяжении конца XVI – начала XX в. правительственная политика в отношении народов Сибири из аморфной и идеологически размытой становилась все более осознанной и целенаправленной. При всех нюансах и вариантах в разные отрезки времени она была неизменно направлена сначала на постепенное, затем все более ускорявшееся включение сибирских народов в политические, социальные, правовые и культурные рамки Российского государства. Начав в XVII в. с переформатирования политических структур, власть в следующем столетии перешла к изменению социально-правового статуса и хозяйственной деятельности аборигенов и к концу XIX в. встала на путь их русификации и создания в Сибири единого этнокультурного пространства (в том числе за счет наращивания численности русского населения).

Следствия такой политики для самих сибирских народов были неоднозначными и противоречивыми, но в целом, по крайней мере до конца XIX в., она создавала условия для сохранения большинством сибирских народов своей культуры, роста их численности и, что важно отметить, устраивала сами народы. Если в период подчинения они нередко оказывали вооруженное противодействие установлению русской власти, то в последующем, смирившись (хотя и вынуждено) с политико-правовыми нормативами и практиками Российского государства, предпочитали не сопротивляться тем новациям, которые предлагала власть, а адаптироваться к ним. И, как верно отмечают исследователи, анализируя взаимодействие имперского центра и «национальных» окраин, «отнюдь не национально-освободительные движения привели, в конце концов, Российскую империю к гибели, а совсем другие причины» [4, с. 316].

Использованные источники и литература

1. Верняев И.И. Очерки этноконфессиональной политики в России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
2. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С. В. Червоная. М.: «Прогресс»

Традиция», 2000. 344 с.

3. Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

4. Никитин Н. И. Историческое значение территориального роста России // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Рус. панорама, 2011. С. 284–326.

5. Ремнев А. В. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX вв. // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М.: Новое издательство, 2012. С. 47–71.

6. Ремнев А. В., Суворова Н. Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М.: Наука, 2008. Т. 11. С. 132–179.

7. Славинский М. А. Национальная структура России и великороссы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб.: Изд-во Т-ва «Общественная польза», 1910. С. 277–303.

8. Трепавлов В. В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 60–73.

9. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 312 с.

10. Этнические элиты в национальной политике России. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 477 с.

11. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

Сведения тюркоязычных источников об отношениях Среднеазиатских ханств и Османского государства

Великий Шелковый путь испокон веков связывал Восток и Запад. В Бухаре можно было встретить промышленные товары, произведенные в Европе, китайский чай, индийский сахар, а также иранских, турецких и индийских купцов [А. Бёрнс 1848: 389-397]. Пряжа и шёлк, атлас, одежда из этих материалов произведенные в Бухаре и Хиве, каракульская кожа и туркменские лошади отправлялись в Китай и через Иранскую территорию в Османское государство. Связи Среднеазиатских ханств с Османами и Ираном велись через города Мерв и Мешхед или же через дорогу Хива-Мешхед, проложенную вдоль Каспийского моря. Мешхед был караванным центром идущих через Персидский залив и Трапезунда. К Мешхеду вели из Северного Ирана две дороги: Астрабад-Шахруд-Нишапур-Мешхед (южный путь) и Астрабад-Бужнурд-Кучан-Гунабад-Мешхед (северный путь) [Валиева Д. 1997: 165].

В результате беспрерывных войн между среднеазиатскими ханствами и Ираном и междоусобными войнами в самих ханствах важность пути Мешхед-Мерв постепенно снижалась. По сведениям А.Вамбери несмотря на то, что длительность прямого пути из Мешхеда в Бухару была равна 10 дням, караваны были вынуждены пойти по другой дороге (Герат-Маймана-Анхай), которая была в три раза длиннее. Также, на данном пути нередко были нападения разбойников [А.Вамбери 1865: 301-307].

Из-за усиления противоборства между шиитами и суннитами на пути Мешхед-Мерв, среднеазиатские паломники в большинстве случаев предпочитали дойти до Мекки более долгим, но безопасным путём через Оренбург-Астрахань-Османское государство [Д.Валиева 1963: 56]. Данный путь сыграл важную роль во взаимоотношениях Средней Азии и Османов.

В XVI- середине XVIII веков между государствами Шейбанидов, Аштарханидов и Османов были установлены культурные связи. В 1927-году на страницах журнала “Просвещение

и учитель» была опубликована статья “Четыре важные книги об узбекской истории” представителя узбекской интеллигенции Миёна Бузрука (1892-1937). В статье даётся информация о произведении Фазлуллаха ибн Рузбехана Исфаганий (1457-1529) “Мехманнамаи Бухара”. Автор данного произведения в период правления Иранского шаха Исмаила Сефевии из-за гонений прибыл в Среднюю Азию к Шейбанийхану и оставил исторически записки с описанием его военных действий. Фазлуллах ибн Рузбехан Исфаганий выступил против Исмаила Сефевии и призывал султана Османов Селима I вступить в войну против иранского шаха. По этой причине, возможно что Гератскую копию своего произведения Фазлуллах ибн Рузбехан Исфаганий мог подарить Селиму I или Сулейману I. Миён Бузрук о своей новой найденной книге рассказал в Стамбуле русскому тюркологу А.Н.Самойловичу, услышав об этом от Самойловича В.В.Бартольд в 1929-году во время своего пребывания в Турции для чтения лекций по приглашению Стамбульского университета, скопировал нужные для себя части копии “Мехманнамаи Бухара” [В.Бартольд 1968: 462]. Миён Бузрук даже приводит стихи Шейбанийхана, написанные на узбекском языке. В библиотеке Нури Османья находится еще одна книга найденная Миёном Бузруком. Это произведение Шарафиддина Али Яздия “Зафарнаме”, переведенная на узбекский язык и хранящаяся там до сих пор. Этот перевод был выполнен по приказу Кучкунджихана Мухаммадом Али ибн Дарвеш Али Ал-Бухарий в 1519 году. Миён Бузрук проводит краткое описание данного произведения переведя его на узбекский язык.

Данные сведения Миён Бузрук свидетельствует об интересе турецкого народа к народам Средней Азии, их истории и культуре, произведениям, написанным здесь.

В коллекции рукописей института хранятся произведения Джалалиддина Руми (1207-1273), Мустафа Челеби (1608-1657). Хранящаяся копия произведения Мустафа Челеби “Таквим ут-таворих” была скопирована в 1678-году. Также хранятся копии произведений, посвященные Сулейману I произведение, переведенное на турецкий язык Юсуфом ибн Абдулатиф “Сухбат ул-ахбор” носящие обобщённый исторический характер.

До наших дней сохранились ценные источники в виде «Саёхатнаме» об экономических связях между государствами посредством караванных путей. В частности, произведение Абдураззак Самаркандий “Матлаус садайн ва мажмаул бахрайн”, Сейди Али Раис “Миротул мамолик” («Зеркало стран»). В данных произведениях приводятся ценные сведения о политическом положении, дипломатических связях, торгово-экономических отношениях Османов, Индии, Средней Азии и Ирана.

Сейди Али Раис является турецкий автор, живший и творивший в XVI веке. Он прославился в Средней Азии под псевдонимом “Котиби Румий”. Его перу принадлежит географическое произведение “Мухит”. Также он перевёл произведения Али Кутчи на турецкий язык и популяризовал его.

Сейди Али Раис участвовал в военных действиях Султана Сулеймана Конуни (1520-1566) против Ирана в 1548 году, а также в битвах за Кипр в 1552 году. За военные заслуги в данных сражениях он удостоился безграничного уважения Султана Сулеймана и позже был назначен султаном Халеба.

Позже Сейди Али Раис был назначен военачальником Египта и был отправлен сражаться против флота Португалии в Суэцком канале. Но в битве турецкий флот потерпел поражение и оставшиеся корабли поплыли в Северную Индию. Сейди Али Раис побывав в Индии, встретился с сыном Захириддина Мухаммада Бабура Хумаюном Мирзо. Сейди Али Раис пройдя через Синд, Пенджаб, Афганистан, Среднюю Азию, Хорасан, Азербайджан и Иран спустя четыре года прибывает на родину. В 1556 году он написал произведение “Миротул мамолик» [Сайди Али Раис. Миръот ул-мамолик. -Т., 1963.-160 с].

Сейди Али Раис даёт ценные сведения о путях через Кундуз, Кубадиён, Термез, Туркестан, Иран, Ширван, имеющий большую роль в торгово-экономических связях Средней Азии и Османского Турции.

В 1555 году Сейди Али Раис видимо прибыл в Самарканд через Сангардак и Шахрисабз. Он встречался с Навруз Ахмедханом (Баракхан) и вручил ему подарки.

Сейди Али Раис совершает паломничество на могилы Абу Мансур Мотуридий, Шахи Зинда и Ходжа Ахрара. Пройдя через

Зарафшан посетил Гиждуван и могилу Абдухолика Гиждувани. Затем он направляется в Бухару. Побывав в Бухаре пятнадцать дней, он посещает святые места и могилы Бахоуддин Накшбанди, Чорбакр, Саида Миркулола, Исмаила Самани, Хазрати Айюба, а в Хорезме Пахлавана Махмуда, Наджмиддина Кубро, Замахшари.

Произведение Сейди Али Раиса “Миротул мамолик” является важным источником по истории Средней Азии XVI века, дающее сведения о политике, экономике, географии, этнографии, а также сведения о караванных путях и дипломатических отношениях.

В коллекции рукописей Стамбульского университета можно встретить некоторые произведения, освещающие историю Османов. Одним из таких произведений является “Хашт бихишт” Хакимуддин Идрис ибн Хисомуддин Али ал-Бидлисий (Ташкентская копия относится к XVII веку).

Народы Средней Азии также интересовались с письменной турецкой литературой. Написанные в эпоху средневековья в Османском государстве на арабском, персидском и турецком языках рукописи хранятся в фонде рукописей института Востоковедения имени Абу Райхан Беруни Академии Наук Узбекистана.

Центром торгового ремесла для среднеазиатских купцов, где они могли вести торговые отношения европейскими купцами, был главный торговый порт Каспийского моря Баку. По сведениям Эвлия Челеби, турецкого путешественника, жившего в XVI веке, Баку являлся торговым портом области Ширван.

К XVI веку с усилением роли Каспийского моря в торговых отношениях Европа-Азия, на его западном берегу сформировались крупные торговые пункты занимающее важное место в торговле России, Западной Европы, Средней Азии, Китая и Индии.

В XVII- начале XVIII веков для захвата лидерства в поставке сукна на турецкий рынок усилилась конкуренция между Англией, Францией и Голландией. Для продажи товаров, произведенных на мануфактурах Западной Европы а Левантских рынках, венецианцы поставляли шёлк и другие ткани, стекло и бумагу, голландцы- сукно и металлические изделия, англичане- одежду, медь, часы, кожу и сталь. В Османском государстве роль тран-

зитной торговли была гораздо больше, чем в других странах. Правительство принимало законы регулирующие караванную торговлю, деятельность караван-сараев, торговцев. В этот период Мешхед играл роль сборного пункта для товаров транзитной торговли, направляющихся из Трапезунда и Персидского залива в Азию.

В начале XIX века англичане торговали с Ираном, находившимся на перекрёстке главных торговых путей, откуда в Европу вывозились товары с Востока с помощью двух дорог: Трапезунд, Тебриз и Закавказье. Используя две данные дороги англичане смогли закрепиться в Иране и выжить русские товары с местного рынка. В период между 1830-1844 годами гегемония на рынках Ирана переходит от России к Англии.

В Самарканде изготовлялся особый вид бахмала, который поставлялся в Европу, также из этой ткани носили одежду представители высшего сословия Средней Азии в праздничные и торжественные дни. Из-за повышения спроса на этот материал в Европе сформировались мастерские по изготовлению данной ткани. Одна из таких мастерских была расположена в городе Бурган-Бресс департаменте Эн Франции. Название ткани подтверждает, что живший в XVII веке священник Савва был родом из Бухары. Также, в некоторых источниках данное название было связано с городом Бурса, где шёлк изготавливался в Османском государстве.

Важным историческим источником в изучении связей между Среднеазиатскими ханствами и Османским государством является труд Мехмеда Амин Эфенди «Истанбулдан Орта Асяга сияхат» («Путешествие из Стамбула в Среднюю Азию») [Mehmet Emin Efendi 1986: 154].

Мехмед Амин Эфенди выехал из Стамбула в 1878 году для путешествия в Среднюю Азию. В его произведении отражаются его впечатления от путешествия в Среднюю Азию, также даётся информация о взаимоотношениях между ханствами Средней Азии и Османским государством.

Нужно особо подчеркнуть, что постоянных представительств ханств Средней Азии в Османском государстве в конце XVIII-середине XIX веков не существовало, поэтому в отношениях

данных государств не наблюдается последовательность. По традициям посольских отношений Средней Азии, к послу прибывшему из Османского государства прикреплялся местный посол, который сопровождал его обратно [Д. Валиева 1997: 165]. Если посол возвращался один, то отношения приостанавливались на неопределенный срок или же до появления необходимости в этих отношениях. Посол должен был узнать и изучить существующий политический порядок и положение в государстве, передать искусно написанные письма и подарки. Также предусматривалось не обострять взаимоотношения из-за деятельности посла. По плану, посол, направляющийся из Средней Азии в Стамбул, должен был сначала побыть на приеме у Иранского шаха, осведомить его о своих полномочиях и предоставить ему информацию об отношениях между государствами Средней Азии и Османским государством [Б. Маннонов 1999: 101-119]. В письмах правителей государств Средней Азии цель посла не была полностью описана, и обычно, письмо заканчивалось фразой “всё остальное услышите от посла”. Это, во-первых, защищало двусторонние отношения от вмешательства третьей и чаще всего вражеской стороны, а во-вторых, говорило о высоком статусе посла и его полномочиях. Сведения о дипломатических отношениях и посольских связях показывают, что, Хивинские ханы в переписке с Османскими султанами писали на узбекском языке, а Эмир Бухары и Кокандский хан писали на персидском. Письма Среднеазиатских правителей соответствуют дипломатическим традициям той эпохи и писались с особым восточным уважением. В письмах среднеазиатских правителей к Османским султанам проявляется тот факт, что в конце XVIII- середине XIX веков между двумя сторонами существовали дипломатические, культурные и торгово-экономические отношения. В письмах утверждается что и в вопросе обеспечения безопасности торговых путей и развитии дипломатических отношений нужно продолжать укреплять сотрудничество, обязательно продолжать обмениваться послами, а также предлагают пути избавления караванных дорог от разбойников. Данные послания считаются важными источниками в изучении истории посольских связей государств Средней Азии. Их сравнительное изучение с

архивными данными важно для извлечения истории посольских связей от неточностей.

Караванные пути играли большую роль в политических, экономических и культурных связях Средней Азии с соседними государствами. С помощью караванных путей с древних эпох их Индии и Китая через Среднюю Азию в Византию и Рим доставлялись зира, нильская краска, слоновый кость, бриллианты, изумруды, шёлк, бронза и фарфор.

Использованные источники и литература

1. Бёрнс А. Путешествие из Индии в Кабул, Татарию и Персию. Т. II. – М., 1848. – 389-397 с.
2. Бартольд В. Отчёт о командировке в Турции. В 9-х т. – М.: Наука. 1968. Т.2. С.462.
3. Валиева Д. Внешнеэкономические связи Бухарского и Хивинского ханства первой половине XIX века // Шаркшунослик (Востоковедения). 1997. №8. Б.165.
4. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – СПб., 1865. 301–307 с.
5. Маннонов Б. Из истории посольских связей // Шаркшунослик (Востоковедения). 1999. №9. С.101-119.
5. Mehmet Emin Efendi. Istanbul' dan Orta Asya'ya seyahat.-Ankara., 1986.
6. Сайди Али Раис. Миръот ул-мамолик. – Т., 1963.-160 с.

**Становление системы государственной
власти в Бухарском ханстве:
традиции и новаторство**

В конце XV в. государство, созданное Амиром Темуром, распалось на ряд мелких владений, во главе которых стояли полунезависимые правители, в большинстве своем не обладающие реальной властью. Решающую роль в государственных делах Темуридов в Мавераннахре играли тарханные беку, а также два сына Убайдуллы Ходжа Ахрара – Ходжа Кутб ад-Дин Йахийя и Ходжа Мухаммад Абдаллах, более известный как Ходжаги Ходжа. Отдельные амиры также пытались властвовать независимо от правителя, формально считавшегося верховным.

Между тем, на севере Средней Азии набирало мощь ополчение Мухаммада Шайбани, внука Абулхайр-хана (1428-1469 гг.) – правителя государства кочевых узбеков в восточной части Дашт-и Кипчака.

Мухаммад Шайбани (1451-1510 гг.) по приглашениям от самаркандского, от бухарского правителей стал активно вмешиваться в политические события в Мавераннахре. В 1497 и 1498 гг. он дважды участвовал в осаде Самарканда. Затем он присоединился к войску темуридского правителя Бухары, выступившего при его поддержке против ташкентского хана. Какое-то время Мухаммад Шайбани прожил в Бухаре и сблизился здесь с некоторыми светскими и духовными сановниками, которые позже помогли ему укрепиться на самаркандском престоле.

За несколько лет Шайбани-хану удалось подчинить Самарканд, Бухару, Ташкент, Андижан и весь Хорезм. В 1506 г. был покорен Балх, в 1507 г. – завоеван Герат. К концу жизни Шайбани-хана в подвластное ему государство входила огромная территория, включавшая северные присырдарьинские города, Хорезм, Ферганскую долину, земли южного Туркменистана с Мервом, а также Дамганскую область с Мешхедом и Астрабадом.

Шайбани-хан сосредоточил в своих руках и светскую, и духовную власть, присвоив себе звание «Хазрат-и имом-аз-замон

ва халифат ар-рахмон» - «Его величество имам времени и халиф всемилоостивого».

Войскам Шейбани-хана упорное сопротивление оказал Захириддин Мухаммад Бабур (1483-1530 гг.), сын ферганского правителя Умаршайха, праправнука Амира Темура. В династийной борьбе юному Бабура дважды удалось возглавить правительство в Самарканде, сначала вступив в борьбу с другими Темуридами, и позже, уже после захвата Самарканда войсками Мухаммада Шайбани – в 1500 г. Заговор против гарнизона, оставленного Мухаммадом Шайбани в городе, возглавил Ходжа Абдулмакарим, потомок Бурахан ад-Дина Маргинани. Бабур был впущен в Самарканд и провозглашен верховным правителем, его власть вскоре была признана и другими городами Мавераннахра. Но удержаться в Самарканде Бабур не смог. Помощь из окружающих Самарканд районов, также разоренных в результате военных действий, не поступала и в городе начался голод. Тяжелым положением горожан воспользовался Мухаммад Шайбани.

Узнав о приближении войск Шайбани-хана, Захириддин Бабур решил дать своему противнику бой на подступах к городу, у Сари Пула, но в жестоком сражении потерпел поражение в результате чего был вынужден оставить город.

Позднее ему еще раз удалось занять Самарканд, но это было уже после гибели Мухаммада Шайбани.

В начале 1513 г. Бабур вынужден был навсегда покинуть Самарканд.

В дальнейшем лишь отдельным шайбанидским ханам удалось добиться признания со стороны правителей областей и достичь определенных успехов в усилении центральной власти. Одним из таких был Убайдулла –хан (1533-1539 гг.), который, являясь удельным правителем Бухары, объявил ее столицей государства. К середине XVI в. государство Шайбанидов состояло из нескольких фактически самостоятельных владений. В двух его крупнейших городах – Самарканде и Бухаре одновременно восседали два правителя, официально именовавшиеся ханами.

Фактически почти «самостоятельным государством» был Ташкент –центр административного управления и экономической жизни области, в состав которого входили Фергана и города по Сыр-

дарье. Роль Ташкента усилилась в годы правления шайбанидских султанов – Суюнч-ходжи и Кучкунджи – хана, сыновей Абулхайр-хана и дочери Улугбека Рабиъа-Султан, внуков Мирзо Улугбека.

В обстановке раздробленности, взаимной вражды султанов и беков одним из претендентов на власть в Бухаре выступил Абдулла-султан, активно поддержанный могущественными джуйбарскими шейхами. Абдулла-хану II (1557-1598 гг.) удалось объединить под своей властью разрозненные области. В 1573 г. им был подчинен Балх, в 1574 г. – Хисар, в 1578 г. – Самарканд, в 1582 г. – Ташкент, в 1584 г. – Бадахшан.

Столицей государства при Абдулла-хане окончательно стала Бухара – политический, экономический и административный центр страны, само государство поэтому в дальнейшем называется историками «Бухарским ханством». В годы правления Абдулла-хана II наблюдается рост ремесленного производства, внутренней, внешней и транзитной торговли. Частью его внутренней политики была денежная реформа, преследовавшая цель создания благоприятных условий для торговли.

Последние годы правления Абдуллы II характеризовались внешнеполитическими неудачами. На севере стал активно действовать казахский султан Таваккал. На юге иранский шах Аббас I стал вытеснять войска Абдулла-хана из Хорасана. Смерть Абдулла-хана послужила сигналом к восстановлению независимости Хорезма.

В самом конце XVI в. отсутствием центральной власти и воцарившимся в стране после смерти Абдулла-хана II беспорядком активно воспользовались внутренние и внешние противники Бухарского ханства, усилилась борьба за полную независимость от центрального управления улусных амиров.

В период правления шейбанидов во главе верховного государственного управления стоял хан. Сначала ханский престол у шейбанидов не передавался от отца к сыну. Трон принадлежал старшему по возрасту представителю династии. С течением времени эта традиция стала меняться. Вторым по важности человеком в ханстве считался диванбеги – верховный визир. Должность накиба занимал близкий и верный хану человек. В ханских указах и грамотах его имя значилось первым. Одновременно

он являлся первым советником хана в вопросах внутренней и внешней политики. Кроме того, накиб занимался подготовкой военных походов. При необходимости он выполнял обязанности посланника. Назначаемый на этот пост человек должен был происходить из семейства сайидов – потомков пророка.

Служащим по важности государственным чином был аталык. Ханская политика в вилайетах зависела от авторитета назначаемых на эту должность. Хан, назначая принцев правителями вилайетов, прилеплял к ним наставников (аталыков) из числа верных себе людей, которые управляли государственными делами до совершеннолетия принцев.

В задачу парваначи входила доставка ханских фирманов (указов), официальных документов их исполнителям и ответственным лицам. Дадхо (букв «радеющий за справедливость») принимал жалобы и отвечал на них. Он надзирал за соблюдением в стране правосудия. При необходимости он принимал посланников других стран и размещал их в гостиницах. Если позволяли обстоятельства, дадхо могли также отправить в качестве посланника. Еще одним из государственных постов был кукельдаш. На этот пост назначались близкие к ханской династии люди. Кукельдаш изучал отношение граждан к ханской политике и обеспечивал её незыблемость.

Внутренними отношениями хана со своими сыновьями, приемниками занимался ханский есаул.

Эшикагабаши обеспечивал безопасность во дворе, следил за порядком и вел учет прибывающих и убывающих из дворца.

Шейх-ул-ислам надзирал за соблюдением законов и установлений шариата. Это обстоятельство обеспечивало его высокое положение и влияние в обществе.

Казикалян вел судебные дела.

Мухтасиб (раис) наблюдал за соблюдением гражданами правил и законов шариата. Одновременно он следил за чиновниками и религиозными сановниками, чтобы они не пренебрегали правилами поведения (Н.Норкулов, У.Джураев, 2001).

Ханы из новой, пришедшей к власти династии Джанидов (Аштарханидов) (1601-1753 гг.), не могли не считаться с амирами и военно-кочевой знатью, как и с представителями крупно-

го мусульманского духовенства, которые представляли из себя большую экономическую и политическую силу. А это в значительной степени определило все более усиливающуюся раздробленность государства и падение роли центральной власти.

Династию Аштарханидов можно представить следующим образом: Бакимухаммад (1601-1605); Валимухаммад (1605-1611); Имамкулихан (1611-1642); Надрмухаммад (1642-1645); Абдулазизхан (1645-1680); Субханкулихан (1680-1702); Убайдуллахан II (1702-1711); Абдулфайзхан (1711-1747), Абдулмуминхан (1747-1748); Убайдуллахан III (1748-1756).

Некоторая политическая устойчивость наблюдается при Имамкули-хане (1611-1642 гг). В первые годы его правления не прекращались набеги кочевников на северо-восточные районы Бухарского ханства. Имамкули выступил против них и подчинил территорию до Ашпары и Каратау. Затем Имамкули-хан захватил Ташкент, в результате чего Ташкентская область вновь была подчинена Бухарскому ханству, в состав которого в эти годы входила также вся Ферганская долина. Верховную власть Имамкули-хана признавал и правитель Балха. В период его более 30-летнего правления положение Бухарского ханства несколько упрочилось.

Однако во второй половине XVII в. Бухарское ханство подвергается опустошительным нападениям войск хорезмских правителей, разоривших окрестности Бухары и многие города, и селения.

В состав Бухарского ханства формально входила также Балхская область с округами – Кундуз, Джузган (Файзабад), Шаберган, а также Термез, Куляб и Кабадиан.

Балхское владение на протяжении почти 250 лет (XVI - первая половина XVIII в.) было почти самостоятельной областью, хотя временами оно номинально признавало верховную власть бухарских ханов. Не случайно Балх с окружающими его районами в письменных источниках тех лет именуется «балхским царством», «балхским государством», «балхским ханством».

Ослаблением Бухарского государства воспользовался захвативший в 1736 г. власть в Иране Надир-шах Афшар. После второго похода в Среднюю Азию ему удалось в 1740 г. договориться с аталыком Мухаммад Хаким-бием, происходившим из племени мангытов. Джанид Абу-л-Файз-хан (1711-1747 гг.) к

тому времени фактически был полностью отстранен от государственной власти.

Мухаммад Хаким-бий вступил в переговоры с Надиршахом и призвал население не оказывать сопротивление его войскам. Амирам и государственным сановникам он обещал добиться сохранения за ними их имущества и занимаемых ими должностей.

При его содействии Надир-шах был признан верховным правителем Бухарского ханства, которое до смерти шаха в 1747 г. считалось находящимся в вассальной зависимости от Ирана. Полномочным правителем Бухары Надир-шах назначил главу всех аталыков Мухаммад Хаким-бия, его дядя Мухаммад Даниал-бий, будущий всеильный властитель Бухары, получил в управление Кармине, а сын – Мухаммад Рахим-бий – стал одним из приближенных Надир-шаха.

После смерти Мухаммад Хакима в 1743 г. Мухаммад Рахим сосредоточил всю власть в своих руках. По его приказу Абул-Файз-хан был убит и в 1753 г. амир Мухаммад Рахим занял бухарский престол, основав династию Мангытов, последнюю династию Бухарского государства, просуществовавшего до 1920 г.

Династию мангытов можно представить следующим образом: Мухаммад – Рахимхан, сын Мухаммад-Хаким-бия (1756–1758); Данеял-бий, сын Худаяр – бия (1758–1785); Шахмурад, сын Амира Данияла (1785–1800), Хайдар, сын эмира Шахмурада (1800–1826); Насрулла, сын эмира Хайдара (1826–1860), Эмир Сайд Музаффарэтдин (1860–1885); Эмир Абдулхадхан (1885–1910); эмир Саид Алимхан (1910–1920)

Рахим-бий активно проводил политику централизации власти, снимая с должностей могущественных амиров и заменяя их представителями из средних слоев населения. Амиры племен лишались своих исконных владений (юртов) и насильно переселялись на новые земли с тем, чтобы лишить их поддержки со стороны соплеменников.

Рахим-бий добился самостоятельного управления государством. Возведению его в 1753 г. на бухарский престол помогли активные выступления представителей ремесленников и торговцев, в определенной степени всегда поддерживавших политику объединения государства и усиления верховной власти.

В 1785 г. главным аталыком эмирата стал сын Даниял-бий Шах-Мурад. Свергнув последнего номинального правителя Джанида Абулгази (начиная с 1753 г. джанидские ханы никакой роли в государстве уже не играли), он официально объявил себя амиром – главой государства, и повел борьбу за усиление Бухарского государства. Ему удалось добиться поддержки со стороны бухарцев, которых он освободил от ряда налогов и повинностей.

Шах-Мурад ввел новшества в суде, попытался заменить надение войсковых командиров доходами с земель денежной платой, упорядочить вакфные хозяйства. Шах-Мурад неоднократно объявлял войны против «еретиков-шиитов», и организовывал походы на территорию Ирана и Афганистана.

В дальнейшем в Бухарском эмирате наблюдается значительное укрепление государственной власти. Однако процессы консолидации тормозились частными военными действиями со стороны правителей Кокандского и Хивинского ханств, а также восстаниями, одним из которых было сильнейшее восстание китай-кипчаков.

В период правления Насруллы (1826-1860 гг.) разворачиваются новые походы, связанные с борьбой за объединение отдельных областей и стремлением к усилению государственной власти.

Хан (эмир) Бухары был наделен неограниченной властью. Государственной казны не было, т.к. казна считалась собственностью эмира. Бухарский эмират состоял из 40 вилайетов и туменов, управляемых беками. Его площадь составляла примерно 270 кв.км, население – 2 млн. человек (узбеки, таджики, туркмены, каракалпаки, казахи и т.д.). Беки назначались эмиром. Столицей эмирата и его вилайетом управлял кушбеги.

Государственными учреждениями эмирата считались административные, финансовые, судебные и военные. Ими управляли чиновники, назначаемые эмиром. Во дворце (резиденции) служили 300 чиновников, в местных учреждениях служили 300 чиновников, в местных учреждениях власти – около 30 тыс. во главе бекств стояли главы местных племен.

Центральную власть представляли диванбеги, кукельдаш, кушбеги, мушриф, миршаб, дадхо, инак, мирахур, дастарханчи, китобдор, таксаба, парваначи, садр, шейх-ульислам, казикалян,

муфтий, мухтасиб и другие чины (Н. Норкулов, У.Джураев, 2001).

Самым высшим государственным чиновником был кушбеги (верховный визирь). Все государственные учреждения подчинялись ему. По его рекомендации назначались правители вилайетов и туменов. Он жил во дворце (арк) Эмира Диванбеги ведал казначейством эмирата и надзирал за сбором налогов. Мушриф вел учет подносимых чиновниками эмиру подарков, а также военного снаряжения, составлял список налоговых поступлений. Миршаб управлял ночной стражей города. Инак доводил эмирские указы до сведения чиновников, стоящих ниже бека. Мирахур управлял эмирской конюшней. Дастарханчи отвечал за угощение и пиршества, организуемые у эмира. Китобдор управлял эмирской библиотекой и надзирал за китобдорами всех бекств. Таксаба в начале был хранителем знамени эмира, а позднее – командующим воинским подразделением, имевшим свое знамя. Садр –управлял вакфным имуществом. Ему подчинялись главы вакуфных учреждений – мутаваллии. Они получали часть доходов с вакфного имущества. Муфтий выдавал фетву – толкование религиозно правовых вопросов, которые казикалян считал слишком сложными. Фетва скреплялась печатями муфтиев и передавалась казию, который на ее основе выносил решение.

Казий столичного города – казикалян – являлся верховным судьей в государстве. Эмир не вмешивался в судебские дела. Казикалян руководствовался законами шариата. Диван казикаляна состоял из аглама и двенадцати муфтиев. Мухтасиб (раис) был блюстителем законов шариата, наблюдавшим за их соблюдением мусульманами: проверял, вес ли читают намаз, соблюдают ли на базаре точность весов и цен; боролся против реализации и употребления спиртных напитков, контролировал деятельность ростовщиков и т.д.

Использованные источники и литература

1. Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве. – Т., 1969. Т. 1. Т.2. 1970.
2. Алексеев А.К. Средняя Азия при Аштарханидах в XVII – XVIII вв. (по персоязычному историческому сочинению «Бахр ал-асрар»). Дисс...канд. ист. наук. – СПб., 2004

3. Давидович Е.А. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. // Известия Отделения общественных наук АН Тадж. I (24). – Душанбе, 1961.

3. Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI-XVII вв. / Перевод документов, исследования, тексты. – М., Л., 1954.

4. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). – М., 1958.

5. Мукминова Р.Г. Борьба за Мавераннахр между Темуридами и Шейбанидами (К истории узбекского государства Шейбанидов). Автореф. дис.... канд. истор. наук.- Л., 1949.

6. Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вақф-наме». – Т.: Фан, 1966.

7. Мукминова Р.Г. Очерки из истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в – Т., 1976.

8. Мукминова Р.Г. Позднефеодальные Бухара и Самарканд – центры связей Средней Азии с определенными странами, Россией и Европой. // Позднефеодальный город Средней Азии. – Т., 1990.

9. Мукминова Р.Г. Традиции государственности и их развитие в узбекских ханствах. /Очерки по истории государственности Узбекистана. – Т., 2001.

10. Мукминова Р.Г. Торгово-дипломатические и культурные взаимосвязи городов Узбекистана и восточных стран. // International Journal of Central Asian Studies. 2003. Vol. 8.

11. Пугаченкова Г.А. Портрет Имамкули-хана. Искусство, 1963. №.

12. Анкефон Кюгельген. Легитимизация среднеазиатской династии мангытов в произведениях их историков (XVIII-XIX вв.). – Алматы, 2004.

13. Попов А. Сношение России с Бухарой и Хивой при Петре I. – СПб., 1853.

14. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 годах. –М.: Наука, 1986.

15. Троицкая А.Л. Материалы по истории Кокандского ханства в XIX в. – Москва, 1969.

16. Шаниязов К.Ш. Некоторые вопросы этнической динамики и этнических связей узбеков в XIV-XVII вв. // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Т., 1986.

17. История Узбекистана (XVI – XIX вв.) // Отв.Ред. Д.А. Алимова, Э.В. Ртвеладзе. – Т.: Фан, 2012

**Понятие измены и образы врагов в присягах народов
Сибири XVII в.**

*(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-39-60006)*

Представления о механизмах классификации «своих», «иных» и «чужих», которые отражались в политической лексике Московского государства уже достаточно давно и плодотворно изучаются в рамках направлений исторической имагологии и методологической школы «истории понятий» [2, 4, 9]. В последнее время подобная проблематика стала прорабатываться и в отношении народов Сибири [5, 7]. Цель настоящей работы – рассмотрение ключевых понятий, обозначавших измену российской власти, и выявление наиболее употребляемого в текстах присяг (шертовальных записей) народов Сибири перечня народов и стран, идентифицируемых русской стороной, как «иные», «вражеские» и «немирные».

Одним из инструментов установления в сознании аборигенов Сибири новой политической культуры подданства российскому царю стало шертование – специальная процедура присяги, сложившаяся на основе трансформации нескольких традиционных инструментов фиксации правовой связи с государством. Такими инструментами являлись: 1) церемония / обряд присяги; 2) шертовальная запись (перечень обязанностей подданного); 3) текст «жалованного слова» (декларации прав, даруемых монархом). Все три этих элемента присяги включали в себя список желательных и нежелательных со стороны присягавшего действий, что позволяет выявить основное смысловое ядро понятия «измена», означавшего нарушение условий шерти.

Наиболее употребляемыми понятиями, характеризующими действия против Российского государства, в текстах присяг сибирских народов были: «злой умысел», «злое дело», «самовольство», «скоп и заговор», «воровство» и «убийства». Понятие «злое дело» не имеет однозначной трактовки. В XVII в. под

ним понимались посягательство на здоровье государя, «неподобная» или непристойная речь в его адрес [1, с. 46]. Наряду со словосочетанием «злое дело / умысел», в текстах некоторых шертовальных записей используется выражение «воровской завод / умысел» (слово «вор» также имело значение ‘изменник’, «воровство» означало предателя). Под «самовольством» подразумевалось любое несанкционированное (несогласованное с властями) действие либо поступок, нарушающий официальный запрет. «Скоп и заговор» подразумевал сбор множества вооруженных людей против представителей царской власти («скопу», как правило, сопутствовали «убийства и грабежи»), что, по факту, представляло собой измену. М.Ф. Владимирский-Буданов относит «Скоп и заговор» к категории «верховная измена» [3, с. 404]. Помимо указанных предписаний, в текстах нескольких шертовальных записей присутствует обязательство не совершать ложных доносов, и не утаивать информацию, касающуюся своих родственников и друзей: «По свойству и по дружбе ни по ком не покрывать, а по недружбе ни на ково ложно не сказывать» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 106–110; там же. Л. 130–133; там же. Л. 191–194 и др.).

Включение в шертовальные записи для сибирских иноземцев статей, излагающих перечень нежелательных действий, трактуемых как государственная измена, с одной стороны, демонстрирует стремление московской власти включить народы Сибири в правовое пространство Московского государства, по аналогии с русским (православным) населением, а с другой стороны, – указанные статьи раскрывают понятие «измена» и суть пребывания в подданстве («под высокой государевой рукой»).

Нарушение статей шертовальных записей либо отказ какого-либо рода «дать шерть» означало переход шертующегося в категорию «изменника», «государева непослушника». В текстах шертовальных записей категориям «немирные землицы» и «изменники» большое внимание. По текстам записей можно проследить, что в обязательстве «не отъезжать» из Российского государства в другие перечень стран меняется. Подробный и явно актуальный для своего времени перечень стран и «землиц» представлен в шертовальной записи 1605 г., в который, по сути,

попали все страны, с которыми велись какие-либо посольские переговоры: «...Ни к которому государю, ни турецкому, ни к цысарю, и к литовскому королю, шпанскому, ни ко францовскому, ни к аглицкому, ни к ческому, ни к датцкому, ни к свескому королю, ни в Крым, ни в Нагай, ни в Бухары, ни в Ургенч, ни в Казатскую орду, ни в Калмыки, ни в иные ни в которые государства не отъехати, и измены ни никоторые не учиняти и не мысляти, и с крымским царем из Нагай из Бухары, и с колмыки не ссылатись, и на государство лихо с ними не [сье]зжатись и не думати» (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 133. Ч. 1. Д. 5. Л. 21 об.). В группе шертовальных записей 1646–1651 гг. список государств расширяется собственно «сибирским» элементом – пограничными землями: «И в Крым или в Литву, и в Немцы, и в ыния ни в которые государства, и в Калмаки, и в Киргизы, и в Якуты, и в Тунгусы, и в Браты, и в Мугалы, и в Китары (вероятно, китайцы – прим. авт.), и в Андауры (дауры – прим. авт.), и в ыные сибирския иноземцы...» (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21–22). В отдельных записях перечень европейских государств опускался и указывали только соседние территории: «В калмаки и в самоедь воровскую (самоеды – прим. авт.) не от[ъ]ехать» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 257), т.е. указаны соседние для уезда территории. Отсутствие четких географических ориентиров в указании «немирных земель» заменялось на названия этносоциумов, подразумевалось, что «немирными» являются те земли, где проживают «неясачные».

Обнаруживается, что в списке запретных для посещения подданными царя «землиц» преимущественно используются не географические маркеры местонахождения территорий (например, с помощью названий рек, озер и т.п.), а названия еще не объясаченных (например, якуты тунгусы, буряты) либо конкурирующих за власть в Сибирском регионе (китайцы, монголы) народов. Таким образом, территориальное деление на «свои» и «чужие» земли определялось местонахождением ясачного и неясачного, «немирного» населения. Использование такого способа наименования территорий – через названия народов, демонстрирует административные и колонизационные интересы царской власти. Ключевым объектом колонизации и политико-правово-

го освоения пространств в единую систему административного управления являлось население, поэтому от степени включенности или не включенности того или иного этносоциума в социальную структуру Московского государства зависело отношение к территории [8, с. 47].

Раскрывающиеся в шертовальных записях понятия «немирные земли», «землицы» поднимают вопрос о политико-идеологическом значении пространственных границ (как межгосударственных политико-географических, так и сконструированных по принципу «лояльности» российскому царю). Как отмечает В. Кивельсон, «будучи общественными устройствами, племенные группы и княжеские владения получали форму и статус “земель” на страницах чертежей и атласов, где они были зафиксированы и ограничены» [6, с. 254].

Еще более вариативным был список «врагов», «изменников» и «непослушников», на которых предписывалось ходить с сибирскими воеводами на «бои» и доносить об изменах с их стороны, а также запрещалось «ссылаться» с ними и торговать. В категорию «врагов» попадали жители указанных иностранных государств и «немирных земель»; наиболее часто под «изменниками» (относящимися к сибирским территориям) перечислялись внук Кучума Девлет Кирей, «колмацкие тайши с их черными людьми», киргизы и якуты, также фигурируют татары. Причем в шертовальной записи для татар Тюменского уезда 1645 г. еще упоминаются «изменники» не по этническому, а по географическому признаку: «С тарскими и с тюменскими изменники» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 117). Любопытная тенденция прослеживается в шертовальных записях, предназначенных тунгусам, юкагирам и якутам, в которых в числе «непослушных людей» перечислялись этносы, для которых и была разработана запись, например, в образце присяги 1645–1649 гг., предназначенной для якутов, указано: «З государевыми изменники и непослушными людьми с якутами (курсив авт. – В.С.) и с ыными иноземцы битися» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 328. Л. 197), т.е. так оговаривалась возможность выступления с «ратным боем» на соседние роды. Уникальный список «немирных» соседей (не имеющий аналогов в других шертовальных и крестоцеловальных записях указанного

хронологического периода) представлен в шертовальной записи, предназначенной для енисейских киргизов 1646 г.: «С недруги их калмыцкими и мунгальскими тайшами, и с киргисскими, и с тубинскими, и с алтырскими князцами, и со всякими иноземцами, которые им великим государем непослушны, битися» (СПБФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 19. Д. 5. Л. 172–172 об.).

В результате исследования наименований «немирных земель» и категорий «изменников», указанных в шертовальных записях, можно выделить более общие тенденции в политике царской власти, конструирующей образ «врага». Прежде всего, обнаруживается закономерность в перечне земель, в которые запрещается «отъезжать». В него входили как европейские (конкурирующие) государства: «Польша», «Литва», «Немцы», так и «восточные соседи», обладающие собственной (автономной или суверенной от России) системой управления, – территории, енисейских киргизов, белых калмыков (телеутов), монголов, ногайцев. Переезд в эти земли означал бы для присягающего «измену» и по факту выход из юрисдикции московской правовой системы. Таким образом, перечисленные государства и политические образования фиксируют фактические «границы» распространения власти «Белого царя». Установленные в общем виде, «границы» еще не означали, однако, что все внутренние территории находятся в однозначном «подчинении» и «радении» российскому государю. Об этом свидетельствуют упоминаемые категории «изменников» из числа формально включенных в подданство народов (якуты, тунгусы, юагиры). Московские власти пользовались понятиями «изменник», «вор», «недруг» для обозначения тех, кто открыто выступал против российской власти – воевал и устраивал набеги на русские города, для тех, кто отказывался платить ясак, также «изменниками» назывались те, кто еще формально не вступил в подданство «под государеву высокую руку». В шертовальных записях и других документальных свидетельствах «изменниками» называются не только народы, уклоняющиеся от ясачного платежа, но и неохваченные ясачной системой потенциальные данники «российского царя» [10, с. 94].

Упоминание в шертовальных записях большого списка «изменников» иллюстрирует слабость царской власти на формально-включенных территориях. Кроме того, такой расширенный

список являлся следствием дополнений, вносившихся уездными воеводами, и, скорее всего, перечень названных этносоциумов был актуальным для своего историко-географического контекста. Сибирская администрация прекрасно понимала, что при приведении к присяге представителей одного рода конкретного этносоциума потенциальная опасность военного столкновения с «другим» родом сохранялась, а потому и пыталась заручиться поддержкой присягнувших в борьбе со всеми «неясчными».

Использованные источники и литература

1. *Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И.* Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность). М., 2016. 332 с.
2. *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая. Парадокс науки о «Чужом» // *Логос.* 1994. № 6. С. 77–94.
3. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. 797 с.
4. *Гасанов И. Б.* Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994. 240 с.
5. *Зуев А. С., Игнаткин П. С.* «Иноземцы» – «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI – начало XVIII века) // *Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2016. Т. 15, № 8: История. С. 67–85.
6. *Кивельсон В.* Картография царства: Земля и ее значение в России XVII в. М., 2012. 360 с.
7. *Люцидарская А. А.* Противостояние культур в ходе колонизации Сибири // *Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография (приложение 1). С. 3–11.
8. *Пестерев В. В.* Организация населения в колонизируемом пространстве: очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII вв.: монография. Курган, 2005. 237 с.
9. *Соколовский С. В.* Образы «Других»: историческая топология мышления о коренных народах в России // *Этнотехнология: проблемы, подходы, концепции.* М., 1998. Вып. 5. С. 57–84.
10. *Шерстова Л. И.* Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // *Вестн. Томского государственного университета.* 2012. № 365 (декабрь). С. 93–98.

Государственный контроль над органами местного самоуправления в Томской губернии в конце XIX - начале XX в.: введение института крестьянских начальников

2 июня 1898 г. было введено в действие «Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской», согласно которому общественное управление сельских жителей и переселенцев, а также обустройство их быта возлагалось на крестьянских начальников, их уездные съезды и губернские управления [1, с. 406]. Несмотря на то, что институт крестьянских начальников не входил в систему крестьянского самоуправления, он оказывал непосредственное влияние на функционирование волостных правлений, сельских сходов и волостных судов.

Томскую губернию разделили на 29 участков. Согласно штатному расписанию 29-ти крестьянским начальникам устанавливалось жалование в размере 1500 руб. в год каждому, трем кандидатам на должность крестьянского начальника – 1000 руб. в год, семи секретарям уездных съездов крестьянских начальников – 600 руб. На канцелярские расходы выделялось 8400 руб. в год [11, с. 178].

Самой сложной задачей при введении в действие закона в условиях Сибири являлся подбор кандидатов на должность крестьянских начальников. По данным, приведенным Л.М. Дамешком и И.Л. Дамешек, стремление властных структур при назначении на должность следовать сословному принципу, отдавая предпочтение дворянам, не имело успеха. В губерниях Западной Сибири в 1904 г. 35,5 % чиновников было из разночинцев, лишь 32 % крестьянских начальников имели высшее образование [5, с. 72]. Проанализировав формулярные списки, авторы проследили движение чиновников по службе к должности крестьянского начальника. Большое количество начинали службу в военном ведомстве, но, не дослужившись до высоких чинов, уходили в отставку. Стремясь получить надежный источник материального достатка, они определялись на штатскую службу. В Томской губернии каждый десятый крестьянский начальник начинал службу

в военном ведомстве. Зачастую они не имели чина. В Западной Сибири их количество составляло 5 % от общего числа [5, с. 72].

Крестьянский начальник имел право рассматривать все приговоры, постановленные на волостных и сельских сходах вверенного ему участка. Если законность приговоров вызывала сомнение, они отменялись или выносились на обсуждение уездного съезда крестьянских начальников. Съездом утверждались приговоры волостных и сельских сходов, касающиеся порядка взимания и хранения казенных, земских и мирских сборов, касающиеся объединения мелких сельских обществ с другими селениями. Подобный случай произошел в с. Волчиха Покровской волости Барнаульского уезда. «Недавно здесь состоялся волостной съезд, который прошел весьма бурно, – писал некто в местной газете. – Между прочим, съезд выбрал нового старшину, – за что и были оштрафованы крестьянским начальником все грамотные участники съезда, так как вопрос о выборе старшины не был разрешен им, хотя участники съезда и не знали об этом» [6, с. 4].

По законодательству на крестьянского начальника возлагались: надзор за состоянием мирских капиталов, утверждение приговоров сельских сходов о производстве из означенных капиталов расходов на потребности подлежащих крестьянских обществ, если он с этими приговорами согласен, и представление их на рассмотрение уездного съезда крестьянских начальников, со своим заключением, в тех случаях, когда признает невозможным согласиться с содержащимися в приговорах распоряжениями [1, с. 408]. В 1912 г. крестьянский начальник 4-го участка предложил волостным старшинам немедленно собрать и представить сведения о суммах, имеющихся в каждом сельском обществе мирских капиталов с указанием сведений о том, где они хранятся: на руках у старост, сборщиков податей или в сберегательных кассах. Также он предписал разъяснить сельским старостам и обществам, что расходование этих средств могло допускаться лишь по приговорам сельских сходов, им утвержденных, и что за расходование мирского капитала без соблюдения этого порядка виновные подвергнутся строжайшим взысканиям. Хранение мирских капиталов в размере более, чем 30–50 руб. на руках у старосты или общества строго воспрещалось.

Денежные средства должны были сдаваться на хранение в сберегательные кассы или кредитные товарищества [3, л.4].

Осуществляя надзор за делопроизводством и мирскими капиталами, крестьянские начальники совершали ревизии волостных правлений. Сведения о подобных проверках отображались в книгах волостных правлений на запись ревизионных замечаний. Так, в книге Пристанского волостного правления за 1912 г. крестьянским начальником, проводившим проверку 30 мая, была сделана запись о том, что последняя ревизия делопроизводства, судя по записям последних замечаний, производилась 10 марта 1910 г. [7, с. 298–299]. Однако известно, что в 1911 г. волость посещал томский губернатор. Он интересовался, как часто крестьянский начальник посещал правление, на что получил ответ, что бывал ежемесячно, но записей в книгу не делал за неимением времени [8, с. 210]. Таким образом, сложно судить о регулярности подобных инспекций.

При проверках крестьянские начальники особое внимание уделяли ведению денежной части: аккуратно ли ведутся книги, есть ли пометки, зачеркнутые цифры, имеются ли оправдательные документы. Также сверялись суммы, записанные в книги и наличные деньги, хранящиеся у казначея [7, с. 299]. Также крестьянский начальник записывал сведения по общему делопроизводству. Например, в Пристанском волостном правлении с 1 января по 30 мая 1912 г. к исполнению поступило 2578 бумаг и лишь немногие из них остались неисполненными. Крестьянский начальник указывал номера, по которым имелись вопросы, а волостной писарь здесь же давал пояснения [7, с. 298–299].

Крестьянские начальники проверяли делопроизводство не только волостных правлений, но и сельских старост. Крестьянский начальник 2-го участка Бийского уезда Лаптев, проводя ревизию документации сельского старосты с. Усть-Чарышская Пристань Пристанской волости в 1912 г., высказал ряд существенных замечаний. В книге мирского капитала отсутствовали подписи сельского писаря под приходными и расходными статьями; вместо расписки в получении денег ставилась печать; книга на запись приговоров сельского схода велась неправильно, так как приговоры в нее вносились не подлинниками, а копи-

ями; большое количество входящих и исходящих бумаг оставалось неисполненными. Крестьянский начальник сделал сельскому старосте замечание и поручил немедленно устранить все недостатки [7, с. 303].

Крестьянские начальники ежегодно представляли уездному съезду крестьянских начальников отчеты о своей деятельности. Сведения для подобных отчетов аккумулировались в волостных правлениях. Старшины рассылали предписания сельским старостам о предоставлении сведений для годового отчета о порядке общественного управления. Затем сводный отчет по всей волости направлялся крестьянскому начальнику.

Сельские старосты по-разному относились к предписаниям крестьянских начальников. Некоторые из них предоставляли достаточно скудные сведения по поставленным вопросам, ограничиваясь указанием численных показателей. Другие же, напротив, готовили подробные рапорты, из которых можно извлечь сведения, свидетельствующие о применении норм обычного права при решении спорных вопросов. Так, в рапорте беспаловского сельского старосты в Нижне-Чарышское волостное правление от 15 июня 1900 г. имелись данные о четырех приговорах по разделу семейного имущества [2, л. 25–26]. В рапорте же сельского старосты с. Быстрый исток той же волости от 21 июня 1900 г. указывалось, что приговоров о семейных разделах не было, так как жители производили разделы по добровольному между собой согласию и без ведения сельских начальников [2, л. 34–39]. Таким образом, мы видим, что в пределах одной волости существовали разные механизмы при разрешении семейных споров.

В целях надзора за законным постановлением приговоров, волостным старшинам было предписано обязательно просматривать все приговоры, в случаях обнаружения приговоров, принятых с нарушением закона, безотлагательно представить копию такого приговора с представлением, в чем именно усматривается нарушение [2, л. 1–2].

Крестьянский начальник, вследствие рассмотрения жалоб, принесенных ему на действия должностных лиц сельского, волостного и инородческого управлений, а также в случае непосредственно усмотренных им самим маловажных проступков

означенных лиц по должности, имел право подвергать их одному из следующих взысканий: замечанию, выговору, денежному взысканию не выше пяти рублей или аресту на срок до семи дней. За более серьезные нарушения крестьянский начальник мог временно отстранять должностных лиц, в том числе и волостных судей, от должностей и входить с представлениями в уездный съезд крестьянских начальников о совершенном увольнении должностных лиц сельского, волостного или инородческого управления от службы или о предании их суду [1, с. 409].

Негативные стороны института крестьянских начальников нашли свое отражение в многочисленных статьях в местной прессе. Так, 24 марта 1900 г. в газете «Сибирская жизнь» была опубликована заметка с выдержками из приказа Томского губернатора после проведенной ревизии в одном из уездов губернии. В ней указывалось, что многие крестьянские начальники вели делопроизводство не должным образом, лично не рассматривали жалобы на действия должностных лиц крестьянского самоуправления, не вели учет имущества [6, с. 2]. А деятельности крестьянского начальника 6-го участка Каинского уезда Хабарова уделяли внимание не в одной газете региона. Издания «Современное слово» и «Россия» в 1901 г. Особое негодование вызывала растрата им 12 700 руб. из Алексеевского комитета раненых. Возмущение было тем более сильным, что сам Хабаров однажды подверг сельского старосту аресту на три месяца за растрату 30 руб. Автор отмечал: «Хабарова по этой таксе следовало бы на 100 лет в тюрьму упрятать» [4, с. 23].

Рассмотрение административных функций крестьянских начальников приводит нас к выводу о том, что основной круг их обязанностей сводился к всестороннему контролю не только над органами крестьянского самоуправления, но и повседневной жизнью крестьян. Разнообразие и многочисленность обязанностей крестьянских начальников требовали от них высокого профессионализма и полной отдачи. Неудивительно, что многие из них, стараясь разгрузить себя, составляли инструкции и наставления должностным лицам волостного и сельского уровней, и это сыграло важную роль в упорядочении и унификации делопроизводства.

Позиция крестьянских начальников в губернском уровне управления давала им практически неограниченную власть в пределах вверенного участка. Крестьянами он воспринимался как главный «начальник» на селе, поэтому к нему обращались по всем вопросам, касающимся не только общественных, но и личных интересов.

Использованные источники и литература

1. Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 2 июня 1898 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. XVIII. Отд. 1. 1898. СПб, 1901. № 15503. С. 409–416.

2. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 181. Оп. 1. Д. 109.

3. ГААК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 5.

4. *Гильденберг В.Н.* Представления общества о крестьянских начальниках в сибирском социуме по материалам местной прессы в конце XIX – начале XX вв. // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 21–25.

5. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Проведение в жизнь «Временного положения» о крестьянских и «иностранческих» начальниках Сибири 1898–1917 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. С. 71–76.

6. Жизнь Алтая. № 73. 1 апр. 1914.

7. Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919. Сборник документов. Барнаул: АПК, 2003. 694 с.

8. *Почеревин Е.В.* Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX – 1917 г.) Бийск: АГАО, 2013. 285 с.

9. Сибирская жизнь. 1900. 24 марта (№ 67).

10 Штаты и таблицы к № 15503 – 1898 г. июня 2 // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. XVIII. Отд. 1. 1898. СПб, 1901. С. 178–179.

**Геральдические символы японских императоров:
с зарождения до начала XX в.**

Геральдические символы императорского рода в Японии появились сравнительно поздно, во второй трети XIV в. К этому времени представители военного сословия уже около полутора веков активно использовали геральдическую традицию в военном искусстве, а аристократия и вовсе была той средой, где в конце XII в. эта традиция зародилась. Индифферентность японских монархов по отношению к геральдике на ранних этапах ее развития, по всей видимости, была связана с их ограниченной ролью в управлении государством и борьбе за реальную власть в стране. Задолго до появления первых родовых символов императоры в Японии превратились лишь в номинальных правителей страны, чьи функции по большей части сводились к ритуально-обрядовой и представительской сферам.

Коррективы в это положение вещей удалось внести тем императорам, которые желали для себя лучшей участи, чем быть марионеткой в руках могущественных аристократических и военных родов. История родовой геральдики императорского дома началась с императора Го-Тоба (1180–1239), который в 1221 г. предпринял попытку государственного переворота против сёгуната Камакура с целью восстановления реальной монаршей власти в Японии. Мятеж провалился, но стремление потомков императора обрести значимое место в государстве осталось. Помимо этого, его дети унаследовали любовь своего отца украшать личные вещи изображением хризантемы желто-коричневого оттенка (яп. *ко:родзэн*) [1]. Эту традицию продолжили император Го-Фукакуса (1243–1304), император Камэяма (1249–1305) и император Го-Уда (1267–1324), в результате чего узор из хризантем приобрел наследственный признак и естественным образом трансформировался в символ, прочно ассоциирующийся с императорским родом. В тот же период на личных вещах, движимом и недвижимом имуществе хризантемового трона все чаще стало появляться изображение цветка павловнии с тремя и пятью

лепестками, а затем с пятью и семью лепестками [5, с. 72-До второй трети XIV в.: хризантема и павловния существовали в формате любимых в императорской семье узоров, которые использовались в частных целях.

30-е гг. XIV в. – 1868 гг.: хризантема и павловния трансформировались и родовые символы императорского дома и использовались правящими монархами как инструмент политического влияния. Однако гербы не были защищены законодательно, вследствие чего часто подвергались присвоению и несанкционированному использованию.

После 1868 г.: Особое положение хризантемы в качестве официального герба императора было закреплено законодательно – первый опыт планомерного регулирования норм использования геральдики на территории всего Японского архипелага. Павловния признана гербом императорского рода на законодательном уровне, однако ее использование не регулировалось столь же строго.

Использованные источники и литература

1. Када Аримаро. Хагурако:. Токио: Хокияма Кагэо (1881) // Электрон. коллекция Национальной парламентской библиотеки. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/754812> (дата обращения 26.01.2020)

2. Ка-мон кара нихон-но-рэкиси-о сагуру. Изучение японской истории через семейные гербы. Токио: Гомосёбо:, 2006. 214 с

3. Кансэй тё:сю: сёкафу. Исправленный генеалогический справочник годов Кансэй // Электрон. коллекция Национальной парламентской библиотеки. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2609334> (дата обращения 26.01.2020)

4. Ко:сицу дзитэн. Императорский словарь. Токио: То:кё: до:сюппан, 1980. 310 с

5. Кэммон сёка-мон. Все известные семейные гербы. Место издания неизвестно, 1749. 49 л. (Отдел исторических документов Библиотеки университета Цукуба)

6. Мэйдзи нэнкан хо:рэй дзэнсё. Все законы и постановления эпохи Мэйдзи. Токио: Хара сёбо, 1987. Т. 2.

7. Мэйдзи нэнкан хо:рэй дзэнсё. Все законы и постановления эпохи Мэйдзи. Токио: Хара сёбо, 1987. Т. 3.

8. Мэйдзи нэнкан хо:рэй дзэнсё. Все законы и постановления эпохи Мэйдзи. Токио: Хара сёбо, 1987. Т. 4.

9. Нива Мотодзи. Син-мон со:ран (Ко:данся гакудзюцу бунко). Общий список гербов синтоистских святилищ (Научная библиотека Коданся) / Мотодзи Нива. – Токио: Ко:данся, 2016. – 320 с.
10. Нукада Ивао. Кику то кири — ко:ки нару монсё:-но сэкай. Хризантема и павловния: благородный мир гербов. Токио: Токио бидзюцу, 1996. 147 с.
11. Нумата Райсукэ. Нихон монсё: гаку [日本紋章学]. Японская геральдика. Токио: Дзинбуцу о:райся, 1968. 1385 с.
12. Розанов О. Н. Япония: история в наградах. М.: РОССПЭН, 2001. 128 с.
13. Судзуки Тоору. Ка-мон дэ ёмикаку нихон-но-рэкиси. Понять историю Японии с помощью семейных гербов. Токио: Гакусю: кэнкю:ся, 2003. С. 78.
14. Тикано Сигэру, Такасава Хитоси. Ка-мон-но дзитэн. Энциклопедия семейных гербов. Токио: То:кио:до:, 2012. 358 с.
15. Филиппов А. В. 150 лет революции Мэйдзи в Японии (сохранение традиций или мировое лидерство?) // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных ученых, посвященные 150-ой годовщине революции Мэйдзи [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №7]. СПб: Изд-во Art-xpress, 2018. С. 3–12.
16. Ундзё мэйран. Список аристократических фамилий эпохи Эдо // Электрон. коллекция Национальной парламентской библиотеки. – URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2610134> (дата обращения 26.01.2020).

ГЛАВА III. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Бобров Л. А.

К вопросу о высшем командном составе армии Амира Тимура в начале 90-х гг. XIV в¹.

Военное искусство *амира* Тимура (1336–1405) по праву признается специалистами высшей стадией развития традиционного военного дела средневекового населения Мавераннахра и сопредельных территорий. Изучение военно-культурного наследия великого завоевателя, а также его политических приемников и противников, продолжает оставаться актуальным направлением современных научных исследований в России, Узбекистане и других странах ближнего и дальнего зарубежья. Однако профильная проблематика изучена весьма неравномерно. Так, если военная история Тимура (т.е. история его военных кампаний, походов и сражений) неоднократно привлекала внимание ученых, то некоторые другие вопросы изучены в значительно меньшей степени. К их числу относится и тема военной организации² армии *амира* Тимура в целом, и ее высший командный состав, в частности.

Большинство военных историков сходятся на том, что исключительная боеспособность чагатайских войск последней трети XIV – начала XV вв. была в значительной степени обусловлена опытными и хорошо подготовленными командными кадрами, как высшего, так и среднего звена. Однако, если маршалам Наполеона, или полководцам Чингиз-хана посвящена обширная литература, десятки монографий и сотни научных статей, то военные биографии чагатайских военачальников указанного исто-

---

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки РФ в сфере научной деятельности.

² Под военной организацией мы понимаем составную часть военного искусства, включающую систему комплектования, управления армией, боевую подготовку и систему обеспечения войск.

рического периода долгое время не становились объектом специального научного исследования. Это затрудняло всесторонний анализ военного искусства *амира* Тимура и негативно сказывалось на изучении его военно-культурного наследия.

Определенная работа в данном направлении была проделана автором настоящей статьи. Так, в частности, были изучены военные биографии десяти полководцев *амира* Тимура принявших участие в Кондурчинской битве, состоявшейся 18 июня 1391 г. в степях к востоку от Волги¹ [1, с. 111–134; 2, 247–263; 3, 23–62]. Подобный выбор был далеко не случаен. Данная битва является одним из самых масштабных сражений XIV в. Она оказала существенное влияние на исторические судьбы многих народов, населявших улус Джучи и, в значительной степени, предопределила трагический конец Золотоордынской государственности. Для темы нашего исследования особое значение имеет тот факт, что в Кондурчинской битве приняли участие представители трех поколений полководцев Тимура. В исторической перспективе это сражение, с одной стороны, стало важным этапом становления высшего командного состава войск Тимура, а с другой, наглядно продемонстрировало его особенности, по сравнению с командным составом других армий региона (в частности, с войсками Золотой Орды хана Тохтамыша).

В настоящей работе, кратко охарактеризуем упомянутые особенности формирования высшего командного состава чагатайских войск начала 90-х гг. XIV в.

Основными источниками по теме исследования являются «Зафар-наме» («Книга Побед») Низам ад-Дина Шами (завершена в 1404 г.) и, особенно, «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди (завершена в 1424–1425 гг.). Данные произведения содержат исключительно подробные и детализированные описания походов и сражений *амира* Тимура и его военачальников. Основой для обоих текстов «Зафар-наме» послужили «придворные дневники времен Амира Тимура», отчеты чагатайских полководцев, сообщения участников и современников описываемых событий, а

---

¹ Точное место сражения остается предметом оживленной научной дискуссии.

также другие источники [5, с. 307, 367; 6, с. 3, 4]. Ценные биографические сведения о военачальниках Тимура содержат также «Дневник похода Тимура в Индию» Гийасаддина Али, «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1405–1406)» испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо, «Аноним Искандера» Муин ад-Дина Натанзи (составлен в 1413–1414 гг.), сочинения «Чудеса предопределения в судьбах Тимура» Шихабеддина Ахмеда ибн Мухаммеда, более известного под именем Ибн Арабшаха (1388–1450) и некоторые другие произведения.

В Кондурчинской битве армия Тимура была построена в семь *кулов*.¹ Подобное семичастное построение было применено Тимуром впервые, что особенно подчеркивает Шараф ад-Дин Али Йазди: «...Тимур-завоеватель в местности Кундузча лично занялся устройством войска и приступил к приведению его в боевой порядок. Он устроил 7 корпусов (*кул*) на такой лад, что ничего подобного этому никто не видел и не слышал.»² Такого рода мысли могут быть [только] следствием Божьих внушений и небесной поддержки, потому что в особенном свойстве числа 7 заключается много тайн, в которые могут проникнуть знакомые с 7 стихами [Корана] [5, с. 347]. Командиры каждого *кула* были отобраны и утверждены лично *амиром* Тимуром (рис. 1).

1 корпус (*кул*). Авангард (*Манглай*³). Корпус «украшенный именем Султан-Махмуд-хана» («его величества царя»), то есть формального правителя улуса – Султана Махмуд-хана ибн Султургатмиша [5, с. 298, 347; 6, с. 147, 403]. Организационно аван-

---

⁴ *Кул* – временное автономное оперативно-тактическое соединение (тактический корпус) создаваемое на период проведения сражения, похода, реке отдельной военной кампании. Высшая тактическая единица армии Тимура. Состоял из отдельных отрядов – *кошунов*. Численность воинов, составляющих *кул*, могла существенно варьироваться. По данным М.В. Горелика *кул* традиционно насчитывал от 1 тыс. до 8 тыс. бойцов [4, с. 31]. Однако, известные материалы позволяют предположить, что в определенных обстоятельствах *кул* мог насчитывать и большее количество воинов. В Кондурчинской битве, третий (резервный *кул*) состоял из 20 кошунов (2-7 тыс. воинов), а седьмой *кул* (левофланговый *канбул*) из двух *туменов* (максимум 20 тыс. воинов) [3, с. 24].

² Здесь и далее курсив наш– Л.Б.

³ Под таким названием чагатайский авангард фигурирует в тюркском списке «Зафар-наме» [6, с. 144, 267, 366, 367].

гард состоял из *харавула*¹ под командованием Осман-бахадур, гвардии хана Султана-Махмуда и *тумена* Сулейман-шаха. Последний, являлся также командиром всего авангардного *кула* [3, с. 25, 28–33; 5, с. 298, 347, 370; 6, с. 147, 403].

2 корпус (кул). «Великий кул» (центр). Вторым корпусом чагатайской армии, который Тимур определил «для самого себя» [Золотая Орда, 2003. С. 298]. Командовать «Великим кулом» было поручено мирзе Мухаммед-Султан-бахадур – внуку *амира* Тимура [3, с. 25, 26, 33–36; 5, с. 298, 370; 6, с. 143].

3 корпус (кул). Резерв (Кечка). Низам ад-Дина Шами, упоминающая данный корпус, отмечает, что: «Еще несколько *кошунов*² он [Тимур] также определил для себя самого и назначил их рядом [с *кошунами*] мирзы Мухаммед-Султана», т.е. рядом с центральным корпусом [5, с. 298]. Более подробное описание данного *кула* и его назначения мы встречаем у Шараф ад-Дина Али Йазди: «20 *кошунов* людей отважных, выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды, он [Тимур] оставил при себе и стал отдельно позади главного корпуса с тем, чтобы во время самого разгара сражения, когда храбрецы с обеих сторон схватятся друг с другом, если у одной из частей его победоносного войска будет нужда в подкреплении, он будет готов к помощи и снаряжен к делу» [5, с. 347, 348]. Таким образом, третий *кул*, составленный из отборной тяжеловооруженной (?) конницы «бахадуров прорывающих ряды», находился под непосредственным командованием Тимура и располагался позади центрального («великого») корпуса. Это был резерв способный в решающий момент оказать помощь чагатайским войскам на любом участке сражения. В состав резервного *кула*, вероятно, входил *кошун кавчинов* («из рода особой тысячи») – личная гвардия Тимура [6, с. 165, 410, 411].

4 корпус (кул). Правый фланг армии Тимура состоял из двух эшелонов. Первый составляли пешие стрелки «с окопны-

---

¹ *Харавул*- передовой отряд. Аналогом *харавула* в русском военном искусстве был «сторожевой полк».

² *Кошун* – отряд переменной численности. Основная тактическая единица армии Тимура. Обычно, численность *кошуна* составляла от 50 до 300 чел. Однако отдельные отборные отряды (например, *кошун гвардейцев-кавчинов*) насчитывали до 1 тыс. воинов [3, с. 26; 4, с. 31; 6, с. 49, 54, 165, 410, 411].

ми щитами и турами», которые должны были остановить натиск золотоордынской конницы. Командование стрелками было поручено Мухаммеду-Султаншаху (Мухаммеду Хорасани). Второй эшелон *кула* формировали *кошуны* второго сына Тимура мирзы Мираншаха Бахадура [там же]. Он же осуществлял общее командование правым флангом чагатайской армии. Ядро правофлангового корпуса составляли отряды, набранные на территории Хорсана [3, с. 26, 27, 36–39].

5 корпус (кул). Правофланговый авангард (канбул)¹.

Командование правофланговым *канбулом* было поручено Хаджи Сейф ад-Дину, под началом которого находилось «хорошо устроенное войско и ополчение», в другом варианте перевода – «храбрые воины хашара из Сирджана» [5, с. 348; 6, с. 147]. К *канбулу* также был приписан отряд Джеханшах-бахадур, который размещался на правом краю боевого построения чагатайской армии [2, с. 247–263; 3, с. 27, 39–47; 5, с. 349].

6 корпус (кул). Левый фланг чагатайской армии (в отличие от правого) был, по всей видимости, растянут по фронту и выстроен в один эшелон.² Командование флангом было поручено второму сыну Тимура мирзе Омар-шейх-бахадур [3, с. 28, 47–53; 5, с. 298, 348]. Ядром его корпуса были андижанские отряды и сулдузские ополчения [3, с. 47–53].

7 корпус (кул). Левофланговый авангард (канбул) состоял из двух *туменов* под командованием Бердибека (на самом краю

---

¹ *Канбул*- специальное тактическое соединение, размещавшееся на самом краю боевого построения армии, впереди под углом к фланговым корпусам. Подобное расположение позволяло *канбулу* выполнять роль флангового авангарда и, одновременно, флангового охранения, не позволяя противнику сходу атаковать крыло с фронта, или обойти с фланга [3, с. 27].

² Обращает внимание тот факт, что при описании боевого построения левого фланга войск Тимура не упомянуты укрытые щитами *чапарами* спешенные стрелки. В сочинении Йазди Омар-шейх «выдвигает вперед щиты» только после того, как Тохтамыш прорывает чагатайские построения и собирается атаковать среднеазиатские войска с тыла. Возможно, что отсутствие пеших стрелков за полевыми укреплениями стало одной из причин того, что именно левый фланг чагатайской армии (сулдузы) был прорван отчаянной атакой–*щиччи* Тохтамыша в Кундурчинской битве [3, с. 28, 51–53].

боевого построения) и Худайдада Хусейни [3, с. 28, 53–56; 5, с. 298, 348, 370; 6, с. 142, 147]. Мощный двухтуменный *канбул* позволял снизить опасность классической (наиболее опасной) правофланговой *тулгамы* ордынцев. Характерно, что в ходе сражения *тумены* Бердибека и Худайдада быстро опрокинули противостоявших им воинов Золотой Орды, а сам Тохтамыш не решился на обход левого крыла армии Тимура, предпочтя штурмовать левый фланг чагатайских войск повторяющимися фронтальными ударами.

Ставка Тимура располагалась между центральным корпусом и резервом. Это позволяло Тимуру контролировать оба *кула* и отдавать оперативные указания по ходу сражения [3, с. 26, 28].

Таким образом, высший командный состав чагатайской армии времен Кондурчинской битвы составили командиры семи корпусов-*кулов* и отдельных войсковых подразделений, частей и соединений, включенных в состав *кулов*. Он может быть дифференцирован по нескольким основным категориям.¹

По возрастному критерию военачальники Тимура могут быть разделены на три основные группы:

1. Первое поколение («Старая гвардия»). Соратники Тимура, сражавшиеся под его знаменами с 50–60-х гг. XIV в. К моменту Кондурчинской битвы 1391 г. из этой, ранее весьма многочисленной когорты полководцев, на высших руководящих постах армии оставался только Ходжа Сейф ад-Дин. Примечательно, что этот старейший и опытнейший чагатайский полководец первым вступил в сражение и (будучи поддержанным своим молодым коллегой – Джеханшах-бахадуром) сорвал попытку золотоордынских войск окружить правый фланг армии Тимура на начальном этапе битвы (3, с. 27, 39–42).

2. Второе поколение высшей военной элиты империи было представлено, преимущественно, детьми Тимура и его соратников, проявивших способности к военному искусству. Это самая

---

¹ Ниже анализируется высший командный состав шести кулов чагатайской армии, так как Третим (резервным) кулом руководил лично амир Тимур (см. выше).

многочисленная категория чагатайских полководцев в Кондурчинской битве. К «Молодой гвардии» Тимура могут быть отнесены «царевичи» Омар-шейх и Мираншах (сыновья Тимура), эмиры Джеханшах-бахадур (сын Джаку-бека Барласа), Осман-бахадур (сын Аббаса-бахадур Кипчака), Сулейман-шах (сын Давуд-бека Дуглата), Шейх-Тимур (сын Ак Темура Сулдуза), Худайдад (сын Хусейна Барласа), Бердибек (сын Сари Буги Джеллаира). В 1391 г. большинству из них было от 25 до 40 лет. К данной возрастной категории примыкает и Мухаммед-Султаншах Хорасани командовавший в сражении пешими щитоносцами четвертого (правофлангового) *кула*.

3. Третье поколение («поколение внуков»). Данная категория военачальников Тимура в Кондурчинской битве был представлена 16-летним Мухаммед-Султаном (командиром центрального – «Великого *кула*»).

В исторической перспективе военные компании против Золотой Орды 1385–1395 гг., с одной стороны, были временем доминирования в чагатайских войсках военачальников второго поколения, а с другой, представляли собой переходный период, когда соратники и сверстники Тимура постепенно отходили от дел, а их места начали занимать представители третьего поколения полководцев («поколения внуков»), которые составят костяк командного состава армии Турана уже в начале XV в.

Анализ биографий полководцев позволяет установить основные критерии отбора кандидатов на высшие командные должности в армии Тимура.

1. Личная преданность. Первым важным критерием для назначения на пост эмира *тумена* или командира *кула* было личная преданность военачальника *амиру* Тимура. Современному читателю данный критерий может показаться несколько странным, однако, в военных реалиях второй половины XIV в. лояльность полководца по отношению к верховному командованию являлась одной из серьезнейших проблем. По мере разрушения классической десятичной системы организации войск все большее влияние в армиях Чингизидских и Постчингизидских государств стали получать главы родоплеменных ополчений и феодальных дружин. Подобные «полевые командиры» неред-

ко вели себя подчеркнуто независимо, и могли покинуть театр боевых действий (или даже поле сражения) руководствуясь исключительно личными соображениями и интересами. Подобное поведение военачальников могло оказать существенное влияние на исход конкретной битвы и военной компании в целом. Так, например, уход Бек-Булат-Оглана с поля сражения в 1391 г., и Актау в 1395 г. стали важными причинами поражений армий Тохтамыша в сражениях на Кондурче и Тереке соответственно [7, с. 170–182].

На ранних этапах своей военной карьеры, Тимур неоднократно сталкивался с предательством военачальников [6, с. 24]. Неудивительно, что в последующие годы степень лояльности офицеров стало одним из ключевых критериев, при назначении на ведущие армейские должности. Важнейшим условием личной преданности на Востоке традиционно считались кровнородственные связи. Стоит ли удивляться, что командование самыми крупными *кулами* в Кондурчинской битве (флангами и центром) было поручено наследникам Тимура: сыновьям Омар-шейху и Мираншаху, а также внуку Мухаммед-Султану. Другие корпуса были доверены либо ближайшим соратникам, проверенным десятками лет совместных военных походов (Хаджи Сейф ад-Дин) или детям таких соратников, так же доказавших свою лояльность и личную преданность многими годами безупречной службы (Джеханшах, Бердибек, Худайдад и др.). Желая усилить личные контакты со своими ключевыми полководцами, Тимур породнился с некоторыми из них. Так, в частности, он сам женился на дочери Джаку-бека (отца Джеханшаха), благодаря чему тот стал тестем Тимура и дедом его сына Омар-Шейха, затем Тимур сосватал дочь Хаджи Сейф ад-Дина за внука Абу Бакра, а свою собственную дочь выдал замуж за Сулейман-шаха (сына Давуд-бека) и т.д.

В то же время, Тимур прекрасно осознавал, что даже самые близкие родственные связи сами по себе не могут гарантировать лояльности окружения, поэтому применял и другие меры, призванные усилить личную зависимость военачальников от своего повелителя. Так, например, он периодически перетасовывал под-

чиненные им *кошун*¹ и провинции, создавал, а через некоторое время вновь расформировывал армейские корпуса, делал богатые подарки своим полководцам, поддерживал среди них дух соперничества и т.д. Для обеспечения баланса сил во властной вертикали империи служили элитные воинские части, подчинявшиеся непосредственно Тимуру, в том числе и знаменитый тысячный *кошун* гвардейцев-*кавчинов* [6, с. 165, 410, 411]. Важным условием, обеспечивавшим лояльность военачальников, был и личный авторитет Тимура, основанный на образе сурового, но справедливого правителя и непобедимого полководца.

«Политику пряника», Амир сочетал с «политикой кнута» – военачальников, проявивших нерешительность в бою, брили, покрывали лица пудрой и румянцем, а затем в таком виде отправляли гулять по Самарканду, предателям рубили головы [6, с. 126].² В системе власти, последовательно создаваемой Тимуром, положение чагатайских эмиров в обществе, их благополучие и благосостояние всецело зависели от благосклонности самого Амира. Результатом подобных действий стало формирование контингента военачальников, всецело преданных лично Тимуру. В этих условиях самовольный уход полководцев с поля боя (аналогичный бегству Бек Булата и Актау из армии Тохтамыша под Кондурчей и Тереком) для чагатайской армии образца 1391 г. был совершенно немыслим.

2. Воинская компетентность.

Общей чертой, объединяющей всех без исключения высших военачальников Тимура (включая его наследников) являлась личная храбрость, которую они неоднократно доказывали на полях сражений. Титул «бахадур» в качестве добавления к

---

¹ *Кошун* – отряд переменной численности. Основная тактическая единица армии Тимура. Обычно, численность кошуна составляла от 50 до 300 чел. Однако отдельные отборные отряды (например, *кошун* гвардейцев-*кавчинов*) насчитывали до 1 тыс. воинов [3, с. 26; 4, с. 31; 6, с. 49, 54; 165, 410, 411].

² От этого правила Тимур за свою жизни отступил лишь несколько раз. Так, например, он простил Сари Бугу (отца Бердибека) перебежавшего к моголам [6, с. 81, 82, 84]. А в 1401 г., когда «царевич» Султан Хусайн, поссорился с Джеханшахом и бежал к сирийцам, Тимур заменил внуку казнь на битье палками [6, с. 274, 275].

своему личному имени, большинство из них получили далеко не случайно [1, с. 111–134; 2, с. 247–263; 3, с. 23–62].

Другой важной особенностью являлась способность чагатайской эмиров действовать на поле боя самостоятельно, но, при этом, не нарушая общего плана сражения. Полководцы Тимура не боялись проявлять инициативу, а в случае необходимости незамедлительно приходили на помощь друг другу [1, с. 111–134; 2, с. 247–263; 3, с. 23–62]. Данные качества Тимур последовательно и настойчиво внедрял среди командного состава собственной армии.

Что касается воинского таланта и компетентности чагатайских полководцев, то по данному критерию они различались весьма существенно. С некоторой долей условности всех военачальников Тимура периода Кондурчинской битвы, по степени воинского мастерства, можно разделить на три основные группы:

«Военачальники по призванию».

«Военачальники по рождению».

1 «Военачальники по должности».

К первой группе, относятся полководцы–«самородки», обладавшие несомненным воинским талантом: Хаджи Сейф ад-Дин, Джаханшах, Мухаммед-Султаншах, Осман-бахадур.

К «военачальникам по рождению» относятся наследники Тимура: Омар-шейх, Мираншах, Мухаммед-Султан. С этой группой Тимур «работал» лично постепенно усложняя боевые задачи и поднимая уровень их воинской компетенции. Наибольших успехов на данном поприще добился Мухаммед-Султан, который, действительно, вырос в талантливое военачальника. Что касается Омар-шейха и Мираншаха, то их успехи в сфере постижения военного искусства также были весьма заметны. Талант гениального учителя, помноженный на колоссальную боевую практику, дали поистине впечатляющий результат.

К последней группе («военачальники по должности») относится большая часть второго поколения полководцев – сыновей соратников Тимура, унаследовавших должности и воинские контингенты своих отцов (Сулейман-Шах, Шейх-Тимур, Худайдад, Бердибек). Военные таланты эмиров имели разный «калибр».

Однако, даже при отсутствии ярко выраженной склонности к военному делу (как в случае с зятем Тимура – Сулейман-шахом) они добивались значительных успехов в военной сфере, так как недостаток мотивации компенсировался огромным опытом, полученным в ходе многолетних военных компаний.

В целом, чагатайская армия образца 1391 г. обладала первоклассным командным составом, представители которого сочетали военный талант с профессионализмом и уникальным боевым опытом. Максимальных успехов чагатайская «военная машина» достигала в тот момент, когда за ее «рычаги» брался сам *амир* Тимур – один из лучших (а возможно и лучший) азиатских полководцев эпохи Средневековья, превративший войска Турана в самую боеспособную армию своего времени.¹

Использованные источники и литература

1. Бобров Л.А. Командный состав армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г.// Золотая Орда: история и культурное наследие. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 111–134.

2. Бобров Л.А. Джаханшах-бек – великий «бахадур» на службе Амира Тимура (к вопросу о высшем командном составе среднеазиатского завоевателя) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. СПб: «ВИМАИВиВС», 2016. С. 247–263.

3. Бобров Л.А. Военачальники чагатайской армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1, № 3. С. 23–62.

4. Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. Москва: ООО «Вост. горизонт», 2002. 84 с.

5. Золотая Орда в источниках. М.: Наука, 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. 448 с.

---

¹ Одну из причин кризиса, охватившего Тимуридское государство во второй половине первого десятилетия XV в., мы видим именно в разрушении системы высшего военного командования империи, которая была вызвана, как объективными, так и субъективными причинами. Так, в частности, смерть Тимура (1405) практически совпала по времени с гибелью его лучших полководцев: Хаджи Сейф ад-Дина (1401), Мухаммед-Султана (1403) и Джаханшаха (1405), в то время как многие другие военачальники вступили в междоусобную борьбу друг с другом. Данные события оказали непосредственное влияние на ослабление военной мощи чагатайской армии и Тимуридского государства в целом.

6. Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Предисловие и перевод А. Ахмедова. Ташкент: изд-во журн. «SANAT», 2008. 486 с.

7. Миргалеев И.М. Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 170-182.

**Влияние военного фактора на развитие
Российской государственности в XVII–XVIII веках:
основная проблематика и
современные концепции**

Обращаясь к изучению тех или иных периодов российской истории, исследователи неизменно сталкиваются с тем, что одним из ключевых факторов, оказывавших прямое влияние на развитие государственности, эволюцию политического и социального строя, являлись процессы военного строительства и состояние вооруженных сил страны. Преобразования, осуществлявшиеся в военной сфере, неизбежно воздействовали на динамику политического и социального развития России. Особенно наглядно эта тенденция прослеживается на историческом материале двух столетий, XVII и XVIII вв., когда происходила трансформация Московского царства в Российскую империю, не в последнюю очередь обусловленная именно потребностями развития вооруженных сил, обеспечивавших складывавшейся в стране государственности имперского типа необходимый потенциал для укрепления и наращивания своей мощи. Остановимся на нескольких ключевых этапах этого процесса и проследим, как оценивают современные специалисты влияние военного фактора на динамику государственного строительства и эволюцию социальной системы в России на протяжении указанного периода.

После завершения Смуты верховная власть в лице новой династии Романовых была поставлена перед необходимостью скорейшего восстановления военного потенциала и наращивания вооруженных сил страны в условиях соседства с несколькими явно или скрыто враждебными государствами (Речь Посполитая, Швеция, Крымское ханство). Однако уже в 1620-е гг. выяснилось, что поместное ополчение, являвшееся базовым элементом в структуре вооруженных сил России в XVI в., более не в состоянии выполнять эту роль, поскольку земельные владения дворян и детей боярских находились в упадке после хозяйствен-

ного разорения, пережитого в годы Смуты. По данным общего разбора личного состава служилых помещиков («служилых городов»), проведенного в 1630–1631 гг., общее число служилых дворян и детей боярских составило почти 27,5 тыс. чел., из которых свыше 24,5 тыс. относились к числу городских (т. е. членов провинциальных корпораций) [1, с. 108]. Численность поместного ополчения была доведена до уровня конца XVI в., однако в полковую службу были записаны менее 16 тыс. чел. Это означало, что почти половине дворян и детей боярских полковая служба была непосильна, так что они ограничивались несением городской и осадной службы. Неудачный опыт мобилизации дворянского ополчения в армию М. Б. Шеина, отправленную под Смоленск в 1632 г., также показал, что поместная конница не в состоянии активно вести сколько-нибудь продолжительные боевые действия – дворяне и дети боярские с лета 1633 г. стали массово дезертировать со службы, чтобы заняться восстановлением своих поместий, разоренных масштабным вторжением крымского царевича Мубарак-Гирея [2, с. 210–216].

При этом поместное дворянство продолжало активно предъявлять верховной власти свои требования, прежде всего в вопросе об отмене «урочных лет» и окончательном прикреплении к земле владельческих крестьян. С. А. Нефедов справедливо называет период 1630–1640-х гг. «временем дворянского наступления на правительство», о чем свидетельствовали хотя бы события 1641 г., когда «собравшееся в Москве (по случаю ожидавшейся войны с Турцией) поместное ополчение подняло настоящий мятеж» [3, с. 32, 33]. О роли же дворян в событиях лета 1648 г., когда они выступили заодно с восставшими жителями Москвы, фактически вынудив к капитуляции правительство молодого царя Алексея Михайловича, нет нужды напоминать [3, с. 52–55]. Верховная власть, осознавая для себя опасность подобной ситуации, сделала ставку на строительство новой армии по европейскому образцу, способной заменить собой поместное ополчение в качестве основы вооруженных сил государства. Хотя первая попытка ее создания, предпринятая перед Смоленской войной 1632–1634 гг., оказалась неудачной – сформированные путем отчасти найма за границей, отчасти набора внутри страны восемь солдатских пол-

ков, а также рейтарский и драгунский полки, быстро прекратили свое существование [4, с. 38–47], но уже с конца 1630-х гг. были возобновлены наборы в драгуны и в солдаты. В 1642–1648 гг. на драгунскую службу были записаны крестьяне Воронежского, Севского и других южных уездов, из них были сформированы три драгунских полка. Позднее аналогичным способом были организованы три солдатских полка на северо-западной границе, в Карелии [5, с. 137–140; 6, с. 400–402]. Одновременно с этим шло формирование рейтарских полков, куда зачислялись на службу дворяне и дети боярские. Правительство превратило рейтарские полки, особенно дислоцированные в столице, в своеобразную «школу» подготовки русских командных кадров, где проходили обучение дворяне и дети боярские, которых в дальнейшем рассылали по формируемым драгунским и солдатским полкам уже в офицерских чинах [7, с. 119, 120].

После событий 1648 г., а особенно с началом Тринадцатилетней войны с Речью Посполитой за Украину (1654–1667 гг.) царь Алексей Михайлович и его окружение целенаправленно лишали поместное дворянство военной и политической значимости. Так, в 1659–1660 гг. были записаны в рейтары более двух тыс. дворян и детей боярских из городов, расположенных по Белгородской черте. Уже к 1672 г. из почти 38 тыс. дворян и детей боярских в южных пограничных городах половина (19 тыс. чел.) несли службу в войсках «нового строя», а еще 15 тыс. числились на городской службе. Следовательно, в полковой службе к этому времени оставалось ничтожное меньшинство служилых помещиков, поместное ополчение фактически перестало существовать [5, с. 161]. Правда, оборотной стороной этой тенденции стало наращивание численности контингентов приборных служилых людей (стрельцов и городских казаков), лояльность которых в отношении верховной власти также выглядела сомнительной. В частности, стрельцы все больше утрачивали свое значение в качестве боевых частей армии, превращаясь в полицейскую силу для поддержания порядка внутри страны (в боевых походах участвовала едва ли десятая часть стрельцов), однако вместе с тем именно стрельцы были активными участниками антиправительственных выступлений.

В царствование Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) была предпринята попытка кардинальной перестройки всей структуры вооруженных сил государства. Реформаторы из окружения царя (кн. В. В. Голицын и др.) рассчитывали добиться того, чтобы на «полковой» (действительной) службе могли числиться лишь состоящие в полках «нового строя»: дворяне – в коннице, приборные служилые – в пехоте. Производилась «чистка рядов» дворянства от обедневших и неспособных к несению службы в конных полках лиц, их записывали в солдаты. Зато конные полки пополнялись призываемым на службу дворянством из центральных районов страны [8, с. 157–159]. Однако ни дворяне (особенно московские), ни стрельцы не выказывали большого желания поддерживать такой государственный курс. Зримым проявлением подобных настроений стали мятеж стрельцов в Москве в мае 1682 г. – их запугивали тем, что якобы «отдадут в неволю чужеземному врагу, Москву погубят, а веру православную истребят»(цит. по: [3, с. 79, 80]), а также поведение дворянства, саботировавшего попытку правительницы при малолетних братьях (Иване V и Петре I) царевны Софьи Алексеевны мобилизовать личный состав «служилых городов» для подготовки к вероятной войне с поляками в 1683 г. [9, с. 130–133]. Вопреки точке зрения Т. А. Лаптевой, считавшей, что и в конце XVII в. «служилые города» сохраняли достаточный потенциал для успешного развития [10], большинство исследователей сходятся во мнении, что ни служилые помещики, ни тем более стрельцы уже не отвечали тем задачам государственного строительства, которые взялся решать после своего прихода к власти Петр I.

Петровская эпоха ознаменовалась наделением вооруженных сил совершенно иными функциями, нежели в предшествующий период, и активизацией их участия практически во всех сферах государственной жизни. Произведенная Петром I милитаризация аппарата управления означала перенос принципов беспрекословного подчинения и точного исполнения приказов на деятельность гражданских чиновников, а ядро петровской регулярной армии – полки лейб-гвардии, превратились в инструмент осуществления внутренней политики. По образному замечанию И. В. Волковой, «петровская гвардия исполняла обязанности

службы скорой государственной помощи там, где силы и способности гражданских чиновников внушали сомнения», а «политическую линию Петра I в целом характеризовало стремление к внедрению гвардии в качестве страхующего элемента в те узлы государственного аппарата, на которые падала наибольшая нагрузка» [11, с. 41, 42]. Здесь имеются в виду такие столь распространенные случаи, как использование младших офицеров и даже рядовых гвардейцев для проведения ревизий деятельности органов местного управления в губерниях и провинциях. А превращение полков регулярной армии одновременно в сборщиков подушной подати с населения и полицейскую силу, контролирующую всю территорию государства и проживающих на ней подданных, породило невиданный ранее феномен, когда армейские полковники и даже обер-офицеры отстраняли от власти губернаторов и воевод, сами замещая последних в качестве реальной власти на местах. Но такая ситуация неминуемо вела к социальному взрыву, и это хорошо понимали преемники Петра, приступившие к сокращению полномочий военных внутри страны.

Показательно, что предложения об изменении, сложившегося только в 1724 г. порядка содержания армии внутри страны были сформулированы уже 1 февраля 1725 г. (через несколько дней после смерти Петра и вступления на престол императрицы Екатерины I) генерал-прокурором Сената графом П. И. Ягужинским [12, с. 81, 82; 13, с. 184, 185]. Общий смысл его предложений сводился к сокращению численности армии и расходов на ее содержание, а также отказу от практики сбора подушной подати руками военных, расквартированных по сельским округам в большинстве губерний империи. В русле реализации последней инициативы А. Б. Каменским были отмечены принятые уже в первой половине 1725 г. несколько указов, отзывавших обратно в полки офицеров, находившихся в уездах у переписи душ, и запрещающих направлять солдат для сбора доимок и взыскания подушных денег [13, с. 188]. Созданный в 1726 г. Верховный тайный совет подготовил в январе 1727 г. для Екатерины I проект, с февраля начавший реализовываться в виде нескольких специальных указов.

Суть предпринятых мер сводилась к следующему. Армейские полки выводились из сельской местности в города, военные отстранялись от сбора подушной подати и проведения рекрутских наборов (эти функции передавались гражданским властям), начала реализовываться практика предоставления длительных отпусков без содержания дворянам, находившимся на воинской службе. Однако последовавшая в мае 1727 г. смерть Екатерины I и вступление на престол Петра II (1727–1730 гг.) привели к новому повороту государственного курса. Как отметил А. Б. Каменский, «к осени 1727 г. стало ясно, что отстранение армии от сбора подушной подати ставит под угрозу получение казной каких-либо денег вообще, и в сентябре 1727 г. военные вновь были направлены в уезды, хотя и подчинены теперь губернаторам и воеводам; в январе 1728 г. эта мера была подтверждена» [13, с. 204].

За вступлением на престол в феврале 1730 г. императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) последовали ликвидация Верховного тайного совета, передача руководства вооруженными силами в руки ставшего одним из приближенных новой государыни Б.-Х. Миниха и создание по его инициативе специальной Воинской комиссии. Эта комиссия занялась решением вопроса о приведении в соответствие финансовых потребностей регулярной армии с возможностями податной системы государства [14, с. 142–179]. Однако и Воинской комиссии Миниха не удалось решить поставленной задачи по сокращению расходов на содержание вооруженных сил. Точно так же не удавалось верховной власти найти сколько-нибудь эффективный способ примирить интересы податных групп населения и армии в сфере сбора налогов: в 1731 г. попытались было снова передать подушный сбор в руки военных, а уже в 1736 г. вынуждены были отказаться от этой идеи, вернув данные функции в компетенцию гражданских властей [13, с. 231–234].

Аналогичная ситуация сохранялась и в правление Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). Вторую ревизию (перепись податного населения страны) в 1744 г. проводили опять-таки армейские офицеры с подчиненными им воинскими командами, за поддержание внутреннего порядка почти на всей территории страны

по-прежнему отвечали армейские части – лишь в нескольких десятках самых крупных городов еще с 1733 г. появились специальные полицейские команды, подчинявшиеся Главной полицеймейстерской канцелярии в Петербурге. Но даже это ведомство возглавлялось армейским генерал-лейтенантом, а в полицию зачисляли строевых солдат и офицеров [15, с. 301, 302]. Только с приходом к власти Екатерины II (1762–1796 гг.) роль военных в аппарате управления, особенно на местах, начала сокращаться – установлением новых бюрократических штатов в 1763 г. императрица разграничила сферы компетенции военного начальства и гражданских чиновников, а практика использования гвардейских офицеров в качестве правительственных агентов прекратилась еще при Елизавете.

Однако при этом даже Екатерина II продолжала считать регулярную армию наилучшим средством контроля над территорией империи и ее населением, особенно на окраинах страны. Об этом, в частности, свидетельствует изученная в нашем диссертационном исследовании динамика численности армейских контингентов на территории Сибири [16, с. 131]. Если до середины XVIII в. их наращивание было реакцией верховной власти на возникновение тех или иных внешних угроз на восточной границе империи, то с конца 1760-х гг., когда подобных угроз уже не возникало, войска использовались в первую очередь для поддержания и укрепления политического и социального порядка в регионе. Не случайно, например, армейские части, дислоцированные в Западной Сибири, были задействованы для подавления восстания Е. Пугачева в середине 1770-х гг.

Еще одной специфической особенностью, характерной именно для XVIII столетия, стала резко возросшая роль гвардии в политической жизни империи. И это объясняется не только той ролью в государственной жизни, которую гвардия приобрела еще в петровскую эпоху. Как справедливо отметил И. В. Курукин, «российская монархия XVIII столетия не располагала квалифицированной, сплоченной и эффективной бюрократией, способной обеспечить управление... Зато наличие гвардии как чрезвычайного института управления обеспечивало ее вмешательство в политический процесс» [15, с. 507]. Он также выявил

интересную динамику участия гвардейцев в осуществлении политических переворотов на протяжении XVIII в. Если в 1725 и 1730 гг. в качестве активно действующей силы, решавшей судьбу императорского престола, выступали командиры и офицеры полков лейб-гвардии, то уже в 1741 г. переворот, приведший к власти Елизавету Петровну, был произведен фактически руками рядовых гвардейцев-солдат. Поэтому в 1762 г., при свержении Петра III, организаторы заговора в пользу Екатерины II постарались держать под своим контролем поведение массы рядовых, что им вполне удалось. А последний эпизод в ряду дворцовых переворотов – свержение Павла I в 1801 г., также был осуществлен именно генералитетом и гвардейскими офицерами, вовсе без участия рядового состава гвардейских полков.

Наконец, не забудем и о том, что почти весь XVIII в. именно военная служба играла исключительно важную роль в качестве канала вертикальной социальной мобильности внутри общества. Закрепленный Табелью о рангах 1722 г. принцип возведения в дворянское достоинство при получении первого же обер-офицерского чина армейского прапорщика привел к массовому пополнению рядов «благородного шляхетства» выслужившимися представителями непривилегированных групп населения. Только в 1798 г. Павел I попытался запретить производство в обер-офицерские чины лиц недворянского происхождения, однако и этот запрет вскоре был отменен [17, с. 66, 67]. Да и само российское дворянство, как показывают недавние исследования, оказалось крепко связано с военной службой, и даже манифест 1762 г. лишь несколько ослабил, но не разорвал эту связь. С одной стороны, военная служба оставалась привлекательной с точки зрения карьерного роста и приобретения материального благосостояния для многих представителей мелкопоместного дворянства, с другой – даже лица, покидавшие ряды армии после 1762 г., зачастую продолжали государственную службу, переходя на «статские» должности в аппарате местного управления [18, с. 126–144.].

Вплоть до конца XVII в. перестройка вооруженных сил России оказывала значительное влияние на политическую эволюцию Московского государства, лишая как поместное дворянство, так

и приборных служилых людей возможностей оказывать давление на верховную власть в собственных интересах. Упадок помещного ополчения и перевод части стрельцов в состав полков «нового строя», в 1670–1680-е гг. сделавшихся основой русской армии, недвусмысленно свидетельствовали о поиске верховной властью такой вооруженной опоры, которая позволяла бы не только успешно решать внешнеполитические задачи, но и максимально укрепила бы самодержавную монархию внутри страны. Однако подобная политическая эволюция протекала не без сопротивления, что продемонстрировали события конца 1640-х и начала 1680-х гг.

На всем протяжении XVIII в., первого столетия существования Российской империи, военный фактор уже оказывал прямое воздействие не только на политический режим, но и на социальную систему страны. Преобразования Петра I, обязавшего все группы населения служить государственной власти, и выбор им в качестве средства модернизации аппарата управления регулярной армии, особенно ее гвардейских частей, привел к невиданной ранее степени милитаризации всех сфер жизни страны. Соглашаясь с мнением зарубежных исследователей, И. В. Волкова отмечает: «Поставив армию во главе преобразовательного процесса и придав ей статус важнейшего из государственных институтов, Петр I запрограммировал ее спонтанное включение в политическую деятельность после своего ухода из жизни» [11, с. 290]. Сделав личный состав гвардии и даже армейских частей административными и финансовыми агентами верховной власти, Петр I тем самым фактически лишил другие институты возможностей противостоять военным в тех или иных сферах государственной деятельности. В послепетровскую эпоху это привело к активному участию лейб-гвардии в целой череде политических переворотов, а также к двум нерешаемым проблемам: как разграничить внутри страны сферы компетенции военного командования и гражданских властей, и как выстроить адекватную систему материального обеспечения вооруженных сил, не прибегая к насильственным мерам чрезвычайного характера. Более-менее успешно решить обе эти проблемы удалось лишь Екатерине II на протяжении второй половины XVIII в.

Вместе с тем регулярная армия империи не превратилась в оторванный от социальной системы и противостоящий ей самодовлеющий институт, поскольку заложенное при Петре I равенство стартовых условий военной карьеры для представителей всех социальных групп сделало армию важнейшим каналом вертикальной социальной мобильности в достаточно жестко иерархизированном к тому времени обществе. Даже освобождение дворянства, как привилегированного класса, от обязательной военной службы принципиально не изменило ситуацию, поскольку до самого конца XVIII столетия продолжалось пополнение рядов «шляхетства» выслужившимися лицами непривилегированного происхождения. В рядах регулярной армии практически отсутствовали социальные антагонизмы, уже проявлявшиеся в жизни страны на протяжении XVIII в., поскольку даже дворяне, представители формально «господствующего» класса, по своему положению на военной службе мало чем отличались от сослуживцев из посадских или крестьян. Более того, именно по этой причине армия долгое время выполняла полицейские функции, поддерживая стабильность политического и социального порядка внутри страны в качестве самой надежной опоры верховной власти. Таким образом, не будет преувеличением сделать вывод о том, что военный фактор оказывал едва ли не определяющее влияние на политическое и социальное развитие Российской империи в XVIII в., что, в свою очередь, уже было подготовлено теми тенденциями, которые проявились себя в предшествующем XVII столетии.

Использованные источники и литература

1. Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII в. (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2000. 208 с.
2. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 452 с.
3. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. М.: Территория будущего, 2010. Т. 2. 688 с.
4. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.

5. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.
6. Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. 576 с.
7. Малов А. В. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е гг. // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118–131.
8. Богданов А. П. В тени Великого Петра. М.: Армада, 1998. 330 с.
9. Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М.: Археографический центр, 1999. 304 с.
10. Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII в. М.: Древлехранилище, 2010. 596 с.
11. Волкова И. В. Русская армия в русской истории. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 640 с.
12. Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.
13. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
12. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб.: Алетейя, 2001. 349 с.
14. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, 2019. 757 с.
15. Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2018. 439 с.
16. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 404 с.
17. Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 222 с.

**Образование Туркестанского военного округа в свете
военных реформ в Российской империи
в 60-е годы XIX века**

История образования Туркестанского военного округа (Турк-ВО) до сих пор остается до конца не изученной, а поэтому данная проблема и сегодня продолжает оставаться актуальной. Данная статья представляет собой анализ процессов, которые происходили в Российской Империи и в Средней Азии в 60-е годы XIX века, в результате которых возникла новая «единица» в военно-окружной системе России – Туркестанский военный округ.

Составной частью новой политики Российской Империи в Средней Азии было административное переустройство, вызванное расширением границ Империи. В дальнейшие планы военного руководства входило включение уже завоеванных территорий в военно-окружную систему России.

Окружная система организации военно-сухопутных сил России зародилась в переломный для страны период времени, после тяжелого поражения в Крымской войне 1853–1856 гг., когда сильны были волнения в российском обществе, резко упал военный престиж страны на международной арене. В период правления Императора Александра II (1855–1881) на рубеже 50—60-х гг. XIX в. в государстве начались крупные преобразования.

Только за период 1862–1865 гг. в России было создано 14 военных округов: Петербургский, Финляндский, Виленский, Варшавский, Рижский, Киевский, Одесский, Харьковский, Московский, Казанский, Кавказский, Оренбургский, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский [1].

После массированного продвижения русских вглубь Средней Азии в 1860-х гг. перед правительством России возникла проблема административного устройства огромной завоеванной территории. Если вначале 1860-х гг. граница Российской империи проходила по северной кромке казахской степи, то теперь она сдвинулась более чем на 3 тысячи километров к югу. Так 25 января 1865 года

решением Особого комитета путем объединения Новококандской и Сыр-Дарьинской линий (от западной оконечности Иссык-Куля до Аральского моря) была образована Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства [2].

При образовании области в ней находились уже оренбургские линейные батальоны № 2, 3 (переименованный из сибирского № 8), 4 и 5 (образованный из 2-й половины № 5 батальона). В течение 1865 года прибыли еще батальоны № 1 (создан из сибирского № 4), 6 и 7 и был сформирован оренбургский стрелковый батальон, а в 1866 году прибыли третьи батальоны Самарского и Каспийского полков 37-й пехотной дивизии, которые были заменены потом оренбургскими линейными батальонами № 8 (образован из 1-й половины № 1 батальона) и 9 (из 1-й половины № 5 батальона), и оренбургский казачий батальон, также потом возвращенный, так что всего составилось 11 батальонов.

Казачков было, при образовании Туркестанской области, на Сыр-Дарьинской линии 4 сотни и на Ново-Коканской 5. В 1865 году прибыло еще 6 и в 1866 году 2, так что составилось всего 17 сотен, но было разрешено число казачьих сотен довести до 21[3].

Вторая половина 1860-х гг. была отмечена активизацией военных действий туркестанских войск против Бухарского эмирата. Вслед за Ташкентом были заняты Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак. Еще до завершения Бухарских походов 1866–1870 гг. возникла необходимость упорядочить управление туркестанскими войсками, имевшими преимущественно отрядную структуру и слабо организованный тыл.

В марте 1867 г. был создан Особый комитет в числе 13 членов под председательством Военного министра Д.А. Милютина. Комитет заседал на квартире своего председателя Д.А. Милютина и после продолжительных дебатов пришел практически к единогласному решению о создании независимого от Оренбурга Туркестанского генерал-губернаторства и самостоятельного военного округа [4].

Через месяц Государю было доложено, что решено:

- выделить Туркестанскую область из Оренбургского генерал-губернаторства;

- учредить новую самостоятельную административную единицу – Туркестанское генерал-губернаторство в составе двух областей, Семиреченской и Сырдарьинской, в границах которого также создать военный округ;

- положить в основу управления регионом принципы, разработанные комитетом;

объединить гражданское и военное управление, подчинив его генерал-губернатору;

- сохранить местное самоуправление, передав в руки должностных лиц, избираемых на основании местных обычаев. Все ново-созданные области подлежали разделу на уезды и волости, как это было принято повсеместно в России [5].

11 июля 1867 г. был принят специальный закон: по которому из всех земель, занятых с 1847 года в киргизских степях и Кокандском ханстве было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, с центром в городе Ташкенте. 13 июля 1867 г. был образован Туркестанский военный округ (ТуркВО) во главе с командующим – генерал-лейтенантом К.П. Кауфманом (ранее возглавлял Виленский военный округ), одновременно получившим должность генерал-губернатора. В состав вновь образованного округа вошла переданная из Оренбургского округа Туркестанская область, а из Западно - Сибирского – часть Семипалатинской, которые образовали две новые области – Сырдарьинскую и Семиреченскую [6]. Во главе этих областей были поставлены военные губернаторы: генерал-майоры Н.Н. Головачев в Сырдарьинской и Г.А. Колпаковский в Семиреченской.

В дополнении к Положению о военно-окружных управлениях по его применению к Туркестанскому военному округу уточнялось, что этот округ в военно-административном отношении образуют Туркестанская область вместе с Юго-Восточной частью Семипалатинской области от Тарбагайского хребта; Туркестанский военный округ реками Курогаты и Кара-Су разделяется на две области: Сырдарьинскую и Семиреченскую [7].

Сыр-Дарьинскую область составили уезды: Казалинский, Перовский (город Казалинск и Перовск, образованы из фортов № 1 и Перовский), Чимкентский, Аулье-Атинский, Ташкентский, Ходжентский и Джизакский [8], а областным городом был Таш-

кент. Семиреченскую область составляли уезды: Сергиопольский, Копальский, Вернинский, Иссык-Кульский и Токманский. [9], областным центром был город Верный.

В состав войск округа вошли и были переименованы в туркестанские все находившиеся в Туркестанской области оренбургские регулярные войска, а именно: 9 оренбургских линейных батальонов, 1 стрелковый, артиллерийская бригада, саперная рота и прочее. [10]. А также войска в Семиреченской области 3 сибирских линейных батальонов. В состав войск округа вошло также вновь образованное, из поселенных в Семиречье 9-го и 10-го полков Сибирского казачьего войска - Семиреченское войско. Порядок управления им был определен следующим образом: Подчинить войско, подобно другим казачьим войскам, Военному министерству по Главному управлению иррегулярных войск с состоянием под главным начальством туркестанского генерал-губернатора, как командующего войсками Туркестанского военного округа, и непосредственным – наказного атамана в лице военного губернатора и командующего войсками Семиреченской области [11]. По малочисленности его, кавалерию в округ должны были выставлять по-прежнему казачьи войска Уральское, Оренбургское и Сибирское [12].

Казаков Уральских, Оренбургских, Сибирских и Семиреченских было

выкомандировано в Туркестанский военный округ, при его открытии 30 сотен... [13].

Кроме 12 линейных и 1 стрелкового батальонов, в Туркестанском округе находились еще вначале два батальона 4 Самарского и Каспийского полков и пеший Оренбургский казачий, впоследствии возвращенные; зато число собственно туркестанских войск увеличивалось по мере расширения генерал-губернаторства [14].

Непосредственное заведование войсками и учреждениями, располагавшимися в Сырдарьинской и Семиреченской областях, было поручено военным губернаторам – командующим войсками в этих областях, подчиненным генерал-губернатору – командующему войсками округа. Во вверенных им областях они соединяли в себе военное и военно-народное управление.

Царским манифестом от 17 июля 1867 г. Константину Петровичу фон Кауфману были предоставлены неограниченные полномочия к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров, касающихся взаимоотношений России с этими странами [15]. Император и правительство, таким образом делегировали туркестанскому генерал-губернатору очень важные свои полномочия, и, как писал его долголетний сподвижник Н.П. Остроумов, Константин Петрович своими распоряжениями иногда даже предупреждал высшую правительственную власть, которой оставалось только соглашаться с его распоряжениями и утверждать их в законодательном порядке.

Все лето и начало осени Кауфман тщательно готовился к новой миссии: изучал документы, беседовал с десятками людей, бывавших в его генерал-губернаторстве, с руководителями различных ведомств, подбирал сотрудников. За те месяцы, что он оставался в Петербурге, готовясь к отъезду в неведомый край, искусные придворные мастера великолепно оформили Царский манифест, дававший туркестанскому наместнику огромную власть – это было произведение искусства само по себе. Сама грамота в золотом глазетовом переплете, – свидетельствовал историк Туркестана М.А Терентьев, – прошнурованная толстыми золотыми шнурами, пропущенными сквозь массивный серебряный вызолоченный ковчежец и залитыми красным воском с вытисненной на нем большой государственной печатью; большие золотые кисти, прикрепленные к концам шнуров; текст, писанный золотом и крупными буквами в рамке гербов всех губерний и областей России, красивая подпись Александра II – все это вселяло в именитых жителей Туркестана, которым Кауфман не упускал случая показать золотую книгу, особое к ней почтение и благоговение. Быстро разнеслась молва о золотой книге и огромной власти, данной ею Кауфману [16]. Как видим, психология обитателей тех мест хорошо учитывалась.

По особому положению края, командующему войсками Туркестанского военного округа были предоставлены большие права, чем командующим войсками округов Европейской России. Однако же, на ходатайство о выдаче флага по званию Началь-

ника эскадры от 19 августа 1867 года за № 123 Кауфман Высочайшего разрешения не получил [17].

Управление округа имело те же отделы (части), но получило несколько расширенные штаты, в основном за счет сокращения состава управлений, уменьшившихся в территориальном отношении Оренбургского и Западно-Сибирского округов. В целях решения сложных задач материального обеспечения туркестанских войск, совершавших боевые походы в пустынной местности, дополнительные полномочия получил Военно-окружной совет. Для военно-географического изучения районов Средней Азии в составе штаба Туркестанского округа предполагалось создать военно-топографический отдел [18].

По причине своей отдаленности от центральных регионов империи Туркестанский край всегда обходился казне дороже остальных окраин. Для сравнения возьмем Туркестанский и Оренбургский округа:

- Продовольствие и фураж (мука, крупа, спирт, овес, сено). Мука, крупа в хорошие урожайные годы обходились в Туркестанском округе в 1,5, - 2 раза дороже Оренбургского, в годы же неурожая эти предметы довольствия, приобретенные поставщиками покупкой, по крайней мере в Оренбурге и перевозились в Туркестан. Спирт, быть может приобретается в настоящее время за одинаковую цену в обоих округах, овес, сено – цены оренбургские должны быть дешевле туркестанских.

- Одежда, снаряжение, огнестрельные припасы, медикаменты, и прочее доставлялись в оба округа из центральных запасов империи, их перевозили из Москвы, Казани, С-Петербурга других мест сперва в Оренбургский, а потом в Туркестанский округ. Трудно представить, чтобы тот же аршин сукна, высланный из Москвы в Оренбург, из Оренбурга в Ташкент там дешевле чем в Оренбурге.

- Администрирование обоих военных округов, не одинаково. Туркестанский округ, по утвержденным штабам стоит дороже Оренбургского; управляемых же этой администрацией войск в Оренбургском округе более чем в Туркестанском, если взять, что казаки оренбургские и уральские подчинены той же администрации.

- Экспедиционные расходы - не могут быть сравнимы в обоих округах. В последние 3-4 года в Туркестане произведены были экспедиции в размерах довольно значительных из Оренбурга же выход, только сторожевые отряды [19]. Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что в силу своей отдаленности от центральных областей, а также происходивших в Средней Азии постоянных военных действий, требовавших постоянного применения частей ТуркВО, округ обходился казне заметно дороже Оренбургского соседа.

Особое значение имело вооружение туркестанских войск в 60-е годы XIX века. Пехотные части в Туркестанском округе были вооружены следующим образом: батальоны туркестанской стрелковой бригады, — малокалиберными винтовками системы Бердана образца 1868 года; все двенадцать туркестанских линейных батальонов — 6-ти линейными винтовками, заряжаемыми с дула; все местный и уездные команды, а также губернские батальоны (69-й Ташкентский и 70-й Верненский) — 7-ми линейными пехотными нарезными ружьями.

Полевая артиллерия, как пешая, так и конная, а также горная батарея 2-й туркестанской артиллерийской бригады и горный дивизион, состоящий при 1-й туркестанской артиллерийской бригаде, вооружены нарезными, заряжающимися с казны пушками.

Казачи были вооружены самым разнообразным оружием: у них были карабины образца 1818 года, драгунские ружья со штыками, 6-ти и 7-ми линейные ударные ружья, и, наконец (у сибирских казаков), даже кремневые ружья.

На вооружении крепостей находились полевые гладкостенные орудия, 4-х фунтовые нарезные пушки, заряжающиеся с дула, и туземные орудия[20]. Снабжение войск Туркестанского военного округа боеприпасами было возложено на Туркестанскую лабораторию, базировавшуюся в Ташкенте.

Как известно, все боевые снаряды и припасы (порох, свинец и прочее) привозились исключительно из Европейской России, что естественно требовало финансовых трат на транспортировку. В 1869 году была попытка удовлетворить туркестанские войска местным свинцом, разработка которого была известна еще

до прихода русских. Местные власти, желая поощрить производительность края, и имея в виду удешевление доставки из России подрядили купца Первушина разработать свинцовые рудники в Каратауских горах. [21] Однако данная затея провалилась и свинец снова стали возить из России.

Ежегодная потребность в лесе для туркестанской артиллерии измерялась цифрой от 8 до 9,000 рублей [22]. В Туркестане культивировались породы леса (тополь, тал, карагач), малопригодные для артиллерийских поделок, соответственно лес сюда ввозили из России. В целях исправления ситуации по инициативе начальника артиллерии округа, за городской чертой Ташкента отвели место, на котором было засажено до 30000 экземпляров различных пород леса, годного для артиллерийских поделок (карагач, орех, клен, тут и тополь) [23].

В заключение следует сказать, что реформы, проводимые в российской армии после Крымской войны, колоссально изменили не только сами вооруженные силы Российской империи, но и привели к упорядочиванию в войсках на туркестанском фронте, что в конечном итоге привело к образованию Туркестанского военного округа. Сам же новообразованный округ, несмотря даже на не столь современное вооружение и сильную привязанность к европейской части Империи, стал гарантией стабильности в регионе и обеспечил военный перевес на долгие годы в пользу России.

Использованные источники и литература

1. Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862-1918 – М.: Центрполиграф. 2012. – С. 154.

2. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – М., 1965. – С. 119.

3. Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских - СПб.: Военная типография, 1890. – С. 229 – 230.

4. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования – М.: Центрполиграф. 2010 – С. 179.

5. Там же. – С. 387.

6. См.: Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История

военно-окружной системы в России. 1862-1918.– С. 155.

7. Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. Указ. соч. – С. 155 - 156.

8. Макшеев А. И. Указ. соч. – С. 259.

9. Там же. - С. 259.

10. Там же. – С. 259.

11. Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862-1918 - М.: Центрполиграф. 2012. – С. 157.

12. Макшеев А. И. Указ. соч. – С. 259.

13. Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских – СПб.: Военная типография», 1890. – С. 260.

14. Там же. - С. 259.

15. Цит. по: Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – М., 1965. – С. 225.

16. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – Т. I. – СПб. 1906. – С. 384.

17. Министерство Морское. Департамент инспекторский. // ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 20. Д. 198. Л. 2.

18. Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. Указ. соч. – С. 156.

19. Письмо в редакцию Биржевые ведомости 1872 г. по вопросу стоимости наших военных сил на азиатских окраинах // Туркестанский сборник. - Т. № 46. - СПб. 1873. - С. 261 - 263.

20. Костенко Л.Ф. Туркестанские войска и условия их бытовой походной и боевой жизни // Военный сборник, № 4. СПб, 1875 [Электронный ресурс] - URL:<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Kostenko/text9.htm>.

21. Там же. Костенко Л. Ф. Туркестанские войска... [Электронный ресурс] - URL:<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Kostenko/text9.htm>.

22. Костенко Л.Ф. Туркестанские войска и условия их бытовой походной и боевой жизни // Военный сборник, № 4. СПб, 1875 [Электронный ресурс] - URL:<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Kostenko/text9.htm>.

23. Там же. Костенко Л. Ф. Туркестанские войска... [Электронный ресурс] - URL:<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Kostenko/text9.htm>.

Некоторые страницы истории установления Советской власти в Туркестане: Магаза Масанчи

Нередко можно услышать выражение «Стоит ли ворошить прошлое?» Конечно, стоит. Чтобы непоколебимой была наша вера в правду и справедливость. Как известно, в недавнем прошлом исторические события анализировались и освещались односторонне, в соответствии с классовыми «методологическими» принципами и монопартийными идеологическими установками. В настоящее время стало возможным объективное отображение правды истории во всей ее полноте. Ученые – дунгановеды единодушно признают, что дунгане (самоназвание «хуэй» или лохуэйхуэй) народ сложного этногенеза, более точное решение этого вопроса – дело будущего. Дунгане – один из малых народов, проживающих в России, Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане. В настоящее время они проживают во всех частях мира. По вероисповеданию – мусульмане суннитской группы. Первые пришельцы (т.е. дунгане) появились на территории Северо-Западного Китая в начале X века под воздействием распространения ислама. Первые дунганские купцы появились на территории Средней Азии в начале XIX в.

Как известно, в 1863 г. вспыхнуло Дунганское восстание на северо-западе Китая, и продолжались до 1877 г. После поражения восстания в ноябре-декабре началась миграция дунган из Северо-западной провинции Китая (Синьцзян) в Среднюю Азию и Казахстан. Дунгане расселились частью в Токмаке (Кыргызстан), частью в селе Каракуруз (по дунгански Иинпань) в Казахстане, частью в Ферганской долине. В ходе миграции зимой 1877 г. от холода и голода погибли тысячи людей – от грудных младенцев до глубоких стариков [1]. В течение ноября-декабря 1877 г. три группы дунган в количестве двенадцать (12) тысяч человек переселились в Семиречье, в частности на территории Казахстана и Кыргызстана. Они образовали свои поселения – село Каракуруз (Иинпань) в Таразской области Казахстана и Таширово в Ошской области Кыргызстана. Первые переселенцы-дунгане поселились в селе Каракуруз в начале 70-х годов XIX

в. В конце 60-х годов XX века село Каракуруз было переименовано в Масанчи, в честь командира Дунганского кавалерийского полка Магаза Масанчи в годы гражданской войны в Семиречье. В селе был установлен ему бюст и открыт музей. Его именем названа одна из центральных улиц в городе Алматы. Вольно или невольно возникает вопрос: кто же он? – Магаза Масанчи. В результате кропотливого поиска архивных материалов, ранее не использованных дунганскими историками [2]., у автора этих строк есть сомнения в правильности такого подхода к изучению деятельности «героя» гражданской войны Магаза Масанчи в Туркестанской республике в 1918-1922 гг. Жизнь показала, что нельзя забывать о диалектике взаимоотношений базиса и надстройки, тем более нельзя подменять причины и следствия при анализе общественных явлений.

Магаза Масанчи родился в июле 1885 года в городе Верном (ныне Алматы) в крестьянской семье. С 11 лет батрачил у одного крупного дунганского скотовода. В течение шести лет хозяин регулярно избивал подростка, оставлял его без еды. За этот период ему удалось получить у хозяина лошадь с упряжкой. В течение пяти последующих лет юноша обошел всю бывшую Семиреченскую область, видел адскую жизнь кочевников-бедняков и земледельцев. До октябрьского переворота большевиков семиреченские дунгане несли действительную военную службу в царской армии. Переселенцы-дунгане приняли русское подданство и в качестве компенсационных долгов служили в царской армии. К тому же переселенцы, жившие в городах Семиречья, были приписаны к мещанскому сословию. 1908-1911 г. Магаза Масанчи служил в Туркестанском стрелковом полку. С помощью одного унтер-офицера мусульманина он научился говорить по-русски. Когда он усвоил русский язык его зачислили в полковую учебную команду. Вскоре он вышел из нее младшим унтер-офицером, а в 1911 г. был произведен в старшего унтер-офицера. В ноябре того же года Магаза Масанчи был переведен в казачий полк и нес военную службу на персидско-иранской границе. С самого начала первой мировой войны Магаза Масанчи вновь призывали в царскую армию. Он был зачислен в конный запас в Ташкенте и обучал новобранцев в запасном полку [3, с.40]. В период службы

в русской армии Магаза Масанчи прошел суровую жизненную школу. Как известно, после свержения царизма в феврале 1917 г. в Средней Азии возникли Советы рабочих и солдатских депутатов. В Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов от запасного полка был избран Магаза Масанчи [4]. Накануне Октябрьского переворота в Петрограде и захвата большевиками власти в Ташкенте была создана Красная гвардия – детище Красной Армии. Магаза Масанчи сразу же вступил в красногвардейский отряд ташкентских железнодорожных мастерских.

Как известно, 26-28 ноября 1917 г. в Коканде был созван IV Чрезвычайный Краевой Мусульманский съезд, который объявил о создании автономии в Туркестане. Новое демократическое государство получило название – Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти). Большевицкое правительство, по указанию В.И. Ленина, дало секретные указания о немедленной ликвидации Туркестанской автономии. Из Ташкента были посланы отряды Красной гвардии. Особым мусульманским отрядом Красной гвардии при подавлении «Кокандской автономии» командовал Магаза Масанчи. Красногвардейцы, армянские дашнаки, национальные части, включая Дунганский кавалерийский полк, отличились особой жестокостью к местному населению. Погибло более 100 (сто) тысяч жителей. «Коканд теперь город мёртвых» – писала газета «Улуғ Туркистон».

После ликвидации Кокандской автономии в крае началось широкое национально-освободительное движение, т.е. повстанческое движение (в старой исторической литературе известно, как «басмачество»). Начальная грань повстанческого движения определяется появлением в конце февраля 1918 г. первых очагов вооруженного сопротивления туркестанцев против советского режима. Лозунги повстанческого движения: «Туркестан – родина туркестанских народов», «Изгоним врага с родины», «Подлый враг должен быть изгнан из страны», «Туркестан – наша родина!», отражали не только этнические стереотипы восприятия туркестанцами власть большевиков, но и раскрывали сущность возникшего движения – вооруженного движения за освобождение своей родины, её независимость и самостоятельность («истиклолчилар харакати»).

При рассмотрении проблемы подходов к оценке причин, сущности и особенностей повстанческого движения крайне необходимо отметить, что трудами авторов работ советского периода зачастую допускали явно субъективистские, заданные выводы, отрицающие право коренных народов на самоопределение. Трудом этих авторов была заложена традиция подхода к перевороту, национально-освободительному движению, как к составной части гражданской, классовой, по своей сути войны, а к её участникам – как к контрреволюционным силам. Усилиями именно этих историков и пропагандистов был введен в научный оборот оскорбительный термин «басмачество». При новом концептуальном подходе повстанческое движение в Средней Азии в целом, объективно трактуется как идейно-политическое демократическое движение, ставившее перед собой конечную цель борьбу за освобождение от большевистского насилия, за полную независимость Туркестана. На основе анализа ранее недоступных архивных материалов вырабатывается новый подход к изучению истории повстанческого движения, его природы и сущности, причины зарождения и краха. В прежних научных изданиях давалась неверная и ненаучная оценка понятия «басмач» и «басмачество». Назвать повстанца «басмачом», разбойником – означает заклеить его, «разоблачить» его грабительскую антинародную сущность. В настоящее время окончательно обосновалось положение о том, что участники повстанческого движения, назвав себя «моджахед» - воинами, ведущими священную войну, на самом деле сражались за свободу. В начале 1920 г. по указанию Реввоенсовета Туркеспублики М. Масанчи выехал в Верный и Семиречье для борьбы с мятежниками (т.е. повстанцами – М.Г.). Затем дунганский кавпол перешел в Джаркентский уезд. Там полк громил повстанческие отряды и вскоре их полностью были уничтожены [5, с.198–199].

М.В. Фрунзе – сподвижник лидера большевиков В.И. Ленина был назначен командующим Туркестанским фронтом. Магаза Масанчи пользовался большим доверием М.В. Фрунзе, который проявлял исключительную заботу о Дунганском кавалерийском полке. Магаза Масанчи всегда с чувством выполненного долга докладывал М.В. Фрунзе об успешной борьбе с «басмачами»

(повстанцами). Весной 1921 года, будучи в Москве, М.В. Фрунзе информировал Ленина о создании воинской части из трудящихся дунган Семиречья. В обстановке резко усиления патриотического движения в Туркестанском крае происходили формирование дунганского кавалерийского полка. По заданию штаба формирующихся мусульманских частей Красной Армии Б. Шегабудинова (военный комиссар Туркестанской республики) М. Масанчи и другие большевистские комиссары развернули широкую агитационно-пропагандистскую работу среди беднячко-батрацкого населения по добровольной вербовке в Красную Армию. Из числа первых добровольцев в конце 1918 г. была создана особая рота при штабе войск Туркестанской республики. Спустя некоторое время по распоряжению командующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе особая рота переросла в первый мусульманский батальон под командованием Магаза Масанчи [6]. При содействии штаба войск Туркестанской республики первый мусульманский батальон получил боевую выучку. Магаза Масанчи пришлось участвовать в ликвидации осиповского мятежа в Ташкенте, а потом уничтожать повстанческие группы в Катта-Курганском и Хатырчинском районах.

В марте 1919 г. Магаза Масанчи получил приказ от военного комиссариата: «Вам, товарищ Масанчи, поручается формировать новый мусульманский батальон из представителей местных национальностей». За дело взялся горячо. Уже в середине апреля Магаза Масанчи доложил штабу войск Туркестанской республики: – «Задание выполнено, революционный полк сформирован». Семиречье стал центром формирования дунганского кавалерийского полка, ставшего одним из первых национальных частей Красной Армии. Инициатива формирования национальной части из трудящихся дунган исходила от командующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышева – политического комиссара этого фронта. В середине 1920 г. Фрунзе поручил сформировать из трудящихся дунган отдельный национальный кавалерийский полк. Он заявил: «Лучшей кандидатуры чем Магаза Масанчи, пожалуй не найти» [7]. По приказу М.В. Фрунзе началась кропотливая работа по формированию Дунганского полка. Магаза Масанчи послал надежных агитаторов во все села и города, где жили дунгане. В Верный съезжались дунганские всадники.

За 29 дней Дунганский кавалерийский полк был сформирован. Факты убедительно подтверждают, что своими действиями против повстанцев Магаза Масанчи пользовался большим доверием у М.В. Фрунзе. По его приказу дунганский полк был послан в Ферганскую долину – центр повстанческого движения. Полк успешно воевал против руководителя (курбаши) одного из повстанческих соединений ишана Холходжи. Широко использовался метод поголовного уничтожения кишлачного населения, использование которого мотивировалось тем, что скрываются басмачи (повстанцы). В качестве иллюстрации кровавой расправы красноармейцев с деревенским населением остановимся на одном конкретном примере. Как известно, с середины 1918 г. усиливаются крестьянские восстания и мятежи против большевистской власти. Дабы окончательно искоренить бандитские (по мнению большевистского руководства) корни и по указанию Центрального руководства и лично В.И. Ленина [8], полномочная комиссия ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) в конце февраля 1921 г. постановляет:

1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которые скрывается оружие, властью у политкомиссий или Райполит комиссий объявить приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае не сдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит подлежит аресту и выселению из губернии и имущество конфисковывается. Старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно. Приказ прочесть на сельских сходах [9, с.14-15].

Документ этот характеризует не столько жестокость, сколько

продуманность и планомерность политики устрашения. Карательные меры применяются теперь против дехкан, давшие приют патриотам. Многочисленные сведения проливают свет о неслыханной жестокости красноармейцев против мирного кишлачного населения в ходе выполнения данного постановления. Руководство Красной Армии и большевики не сумев достичь весомых успехов в борьбе против патриотов, стали вымешать свою лютую ненависть на мирном населении. Красноармейцы, армянские дашнаки, национальные части, включая дунганский кавалеристский полк, стёрли с лица земли целые кишлаки [10]. Погибли десятки тысячи людей, в том числе детей. В ряде уездов Андижанской губернии возникло людоедство. В одном только Андижане ежедневно было 100 (сто) случаев голодной смерти. Трупы еще не убраны, валяются по дорогам, целые кишлаки вымерли [11]. По данным председателя Совнаркома ТАССР Ф. Колесова, в целом по Туркестану в период гражданской войны вымерло более 25% населения [12].

Весной 1921 года по инициативе М.В. Фрунзе и военного комиссара Д.А. Фурманова М. Масанчи и парторганизатор Таиров были избраны делегатами на III Конгресс Коминтерны. - «Мы, - пишет М. Масанчи в своих воспоминаниях, – приехали в Москву, пожалуй, самыми живописными из всех делегатов. ... Мы были в Кремле, на конгрессе. Я неотрывно смотрел на В.И. Ленина, склонившегося над бумагами в президиуме, затаив дыхание, слушал его волнующую речь. В перерыве между заседаниями я встретил тов. Фрунзе. Он представил меня Ленину. – Мой земляк, - отрекомендовал меня Фрунзе, – представитель трудящихся дунган, большевик и организатор национальных красноармейских частей. Владимир Ильич крепко пожал мою руку, усадил и сел возле меня. Я начал рассказывать о Семиречье. Владимир Ильич слушал внимательно, из-редка задавал вопросы. Он спрашивал о том, как идет организация национальных частей, какова их боеспособность и дисциплина, как относится местное население к Советской власти. Когда я сказал, что в Дунганском полку насчитывается до трех сот коммунистов, Ильич как-то, хорошо, светло улыбнулся. Заканчивая беседу, Владимир Ильич спросил, в чем нуждается наша красная часть. – Полк – то у нас есть, да одеть не во что, – отвечал я.

– обмундирования у нас не хватает, Владимир Ильич. – А ведь верно, – сказал Ленин, обращаясь к тов. Фрунзе, вы ему помогите. Приветливо простился со мной и ушел беседовать с другими «делегатами». Автор этих строк специально привел эти обширные цитаты из воспоминаний Магаза Масанчи, чтобы отразить общее впечатление о происходящем. Не сказать об этом нельзя, иначе он потеряет настрой на объективность.

3 октября 1921 г. дунганский кавалерийский полк прибыл в Ташкент. Получив приказ от М.В. Фрунзе, полк двинулся в Ферганскую долину. Первые бои с повстанцами произошли в Андижане – центре Ферганской долины. Во всей Ферганской долине развернулось повстанческое движение за независимость в Туркестане. Это движение было борьбой населения, испытавшего участь изгнанников, оставившей неизгладимый след в истории, народным, патриотическим движением, стоившим колоссальных жертв.

Выполняя приказ М.В. Фрунзе Дунганский кавалерийский полк разгромил крупный отряд курбаши Максума в кишлаке Сузак. Кроме Максума в Ферганской долине орудовали повстанческие отряды – курбаши Исроилов, Альянов, Муйдюн и Кыргызбаев. По приказу М. Масанчи бойцы полка днем и ночью преследовали повстанцев. Патриоты дрались с мужеством отчаяния. В конце концов они отступили. Здесь нам кажется уместным привести один поучительный пример. В 1968 г. побывав в Ферганской долине, автор этих строк записывал рассказы тех старожилков, которые были очевидцами и участниками вооруженного сопротивления в этих краях. По их словам, имя Масанчи навело страх на людей. Его именем матери пугали своих детей.

В приказе по 8-й бригаде Ферганской группы войск от 13 ноября 1921 г. отмечалось: «Сегодня в четыре часа утра благодаря исключительной храбрости и смелости командира 15-го кавполка тов. Масанчи полк принял рукопашный бой с бандой басмачей под предводительством курбаши Максума.... «Командиру 15-го кавполка объявляю благодарность за исключительную проявленную храбрость и воодушевление бойцов, результатом чего явилась ликвидация банды и освобождение трудящихся дехкан от террористических действий басмачей (повстанцев). Возбуждаю ходатайство о награждении командира 15-го кавполка тов.

Масанчина орденом Красного Знамени» [13]. По приказу командующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе в начале 1922 г. Магаза Масанчи получил приказ командующего Реввоенсовета Туркестанского фронта совершить рейд в Голодную степь через Ферганскую долину. Кавалеристы полка вели непрерывные бои с повстанцами Курширмата, Муэтдина, Исраилова и многих других. Конники М. Масанчи вели тяжелейшие бои с повстанцами Халбуты в Урсатывской станции. Еще полгода Дунганский полк продолжал ожесточённую борьбу с повстанцами, в частности в долине реки Заравшан и районе Нурата, оставив после себя кровавый след и многочисленные трупы мирных жителей. Летом 1922 года после разгрома повстанческого движения в Средней Азии красноармейцы Дунганского полка были демобилизованы, а его командир Магаза Масанчи перешел на партийную и советскую работу среди дунганского населения Семиреченской области. Затем работал на различных должностях в Джетысуйской области, Алма-Ате (ныне Алматы), Пишпекке (ныне Бишкек – столица Кыргызстана), Кзыл-Орде – столице Казахской АССР. В 1932 г. Магаза Масанчи переходит на работу в Узбекскую ССР, занимает должность заместителя Наркома Юстиции, начальника главного управления исправительно-трудовых учреждений, директора крупного рисосовхоза им. Ф. Ходжаева Урта-Сарайского района Ташкентской области. Будучи директором рисосовхоза им. Файзуллы Ходжаева Магаза Масанчи совершил тяжкое преступление, заслуживающее самого сурового наказания. Автор этих строк родился и жил недалеко от этого совхоза. От людей, переживших голод 1932-1933 гг. услышал трагическое положение людей в совхозе. Многие из них просто умирали с голоду. Не удивительно, что изнурительный труд рабочих совхоза не обеспечивал прожиточного минимума.

В государственном архиве Республики Узбекистан обнаружены материалы о тяжёлом материальном положении жителей совхоза им. Ф. Ходжаева. Население переживает страшно тяжёлый момент. Голодающие люди питаются корнями и травой, заработная плата рабочих совхоза резко упала [14]. Для вскрытия преступлений, совершенных Магаза Масанчи крайне важно привести в оригинале стенограмму трех заседаний Президиума Профсоюзов,

хранящихся в архивах Республики Узбекистан. Заседание Секретариата Узсовпрофа от 7.09. 1933 г. Слушали: заявление рабочего рисосовхоза им. Ф. Ходжаева тов. Рюмина о безобразиях, творившихся в совхозе. Постановление: для выявления фактов, изложенных в заявлении рабочего рисосовхоза тов. Рюмина о безобразиях, творящихся в совхозе – считать необходимым посылку представителя ЦП Земсовхозов Каюмова на три дня [15].

Итоги обследования рисосовхоза им. Файзуллы Ходжаева (директор совхоза Магаза Масанчи): Протокол заседания президиума Узсовпрофа от 27.XI.1933 г. Дирекция совхоза (Масанчи) не обеспечила выполнения плана по сдаче государственной шалы [16] (вместо 11091 ц. убрано 5693,17) допустила срыв строительства – из 576,5000 руб., ассигнованных на 1933 г. освоено 105,606 руб., механические мастерские выполнили всего на 15%. К строительству ряда других объектов – гараж, лаборатория, жилдома и прочие совершенно не преступлено. Дирекция не приняла мер к созданию необходимых жилищных и культурно-бытовых условий для рабочих и служащих, несмотря на имеющиеся возможности: 1) нет жилищ; 2) техника в плохом (ужасном) состоянии; 3) на зиму людей не обеспечено овощами; 4) несвоевременная выплата зарплаты; 5) полный развал профсоюзной работы; 6) грубое нарушение охраны труда; 7) допущение искривлений в оплате труда; 8) полный развал работы; 9) никаких культурных мероприятий нет; 10) 217,000 руб. не использовано, ещё много недостатков. Ассигнования на постройку жилищ и культурно-бытовых учреждений в размере 218.000 руб. использованы на 11%. В течение летнего и осеннего времени администрация совхоза совершенно не заботилась о подготовке жилищ для рабочих и служащих. Подсобные огородные хозяйства совершенно развалины, вместо предполагающегося выхода овощей в размере 16195 ц. фактически выходы составляют 1470 ц. [17]. На зимние время совхоз овощами совершенно не обеспечен. Дирекция совхоза не выполняла постановлений СТО [18] об организации использования тракторов – в результате обезличка тракторов и безобразное хранение сельхозинвентаря. Не принятые меры к обеспечению нормативных условий работы трактористов, в связи, с чем создается угроза срыва осенне-зим-

них мероприятий, связанных с посевной кампанией 1934 года. Чрезвычайно ненормальное положение в совхозе создалось, еще в связи с несвоевременной выплатой зарплаты, начиная с сентября месяца, а также допущены искривления в области охраны труда и зарплаты, отменены выходные дни, неуплата за сверхурочные работы и т.д. [19].

В связи с изложением Президиум Узсовпрофа постановляет: 1. За игнорирование нужд рабочих и служащих совхоза, что выразилось в непринятии мер и устройства жилищ и др. культурно-бытовых учреждений и не использование отпущенных средств в размере 207.000 руб., в связи с чем значительная часть рабочих оставлена на зиму без квартир, также за развал подсобных огородных хозяйств, несвоевременную выплату зарплаты, злостных нарушений законодательства по охране труда и невыполнение п.п. 32, 33, 34, 35, 36 и 38 колдоговора – директора совхоза т. Масанчи привлечь к судебной ответственности. 2. Отделу зарплаты и производства в однодневный срок передать материалы прокурору УзССР. Так же передать прокуратуре материалы о поведении т. Масанчи для проведения расследования [20]. 3. За плохое состояние рабочего снабжения и развал подсобного хозяйства, так же привлечь к ответственности помощника директора по рабочему снабжению т. Абрамова [21].

Магаза Масанчи прекрасно осознал, что совершил тяжкое преступление и над его головой сгущается туча. Он покинул Ташкент и уехал в Алма-Ату. В апреле 1938 г. репрессирован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Выше уже отмечалось, что после поражения Дунганского восстания в Китае и тяжелейшего перехода через Тянь-Шанские горы на территории Казахстана первые беженцы-дунганы поселились в селе Каракуруз. Именем Магаза Масанчи названы село Каракуруз в Курдайском районе Таразской области, одна из центральных улиц в городе Алма-Ате.

В общем, заканчивая свое повествование, автор этих строк приходит к логическому выводу, что в большинстве случаев свои преступления ответственные работники карательного органа объясняли тем, что руководствовались приказами свыше. Можно напомнить в этой связи, что Международный воен-

ный трибунал в Нюрнберге в решениях, под которыми стоит и подпись представителя Советского Союза, указал, что приказы, противоречащие основным правилам морали, попирающие нравственные веления, на которых зиждется человеческое общество, разрушающие основы человеческого общежития, не могут служить ни моральным, ни юридическим оправданием для тех, что выполняет приказы.

Использованные источники и литература

1. Поярков Ф.В. Последний эпизод дунганского восстания. – Верный, 1901.
2. Их работы написаны в русле господствовавших в советское время идеологических установок и парадности показухи.
3. Очерки истории советских дунган. – Фрунзе, 1967. –С. 40.
4. Там же.
5. Октябрь в Казахстане. – М., -Алма-Ата, 1930. - С. 198-199.
6. «Дунганский полк», «Казахстанская правда», 3 сентября 1935 г.
7. «Казахстанская правда», 3 сентября 1935.
- 8 Ленин неоднократно говорил о необходимости «применения чрезвычайных мер» в деревне. Его страшные требования «Расстрел на месте».
9. Что дали большевики народу. – М., 1921. –С. 14-15.
10. Этот инквизиторский акт большевиков исходил из того положения, что среди кишлачного населения якобы скрывают басмачи (повстанцы).
11. ЦГАОР СССР, ф. 1334, оп. 1934, л. 5.
12. ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 763, л. 161.
13. Жизнь нашего фронта (полит управление Туркфронта), 1922, 12 мая.
14. ЦГА РУз Ф.18-и, оп.1, д.1816. л.17-20.
15. ЦГА РУз Ф.737, оп.1, д.1626. л.107; оп.1,д.1634,л.153.
16. ЦГА РУз Ф.737, оп.1, д.1626. л.107; оп.1,д.1634,л.153. Шала – неочищенный рис от шелухи.
17. ЦГА РУз Ф.737, оп.1, д.1626. л.107^{об}
18. СТО – Совет труда и обороны.
19. ЦГА РУз Ф.737, оп.1, д.1626. л.107^{об}
20. ЦГА РУз Ф.737, оп.1, д.1626. л.108.
21. ЦГА РУз Ф.737, оп.1, д.845^а. л.7.

Проведение государственной политики по проведению эвакуации в Узбекистан промышленных предприятий из прифронтовой полосы

Характер и результат войны предопределяет множество самых различных факторов, среди которых особую роль играет экономический. Хотя исход войны решается в военных сражениях противоборствующих сторон, но прежде, чем начать боевые действия, они ведут скрытую и открытую экономическую борьбу за то, чтобы организовать, накормить, обмундировать, вооружить и обучить армию. Война в экономической сфере начинается задолго до военных сражений и продолжается после ее окончания. Военные столкновения между государствами могут проходить эпизодически, но экономическая война идет непрерывно. В периоды военных столкновений она приобретает особое значение и принимает специфические формы. Так, целью СССР в экономической борьбе с Германией являлся срыв планов по ограблению страны и сокращению экономического потенциала противника. Поэтому все, что нельзя было эвакуировать в тыл, взрывалось, сжигалось и уничтожалось.

В силу сложившихся исторических обстоятельств, именно на западных территориях СССР была расположена основная масса заводов, фабрик, электростанций и т.п. Эвакуированное в УзССР оборудование и техника играли огромную роль в создании производственных мощностей в восточных регионах нашей страны. С другой стороны, фашистская Германия (в оккупированных европейских странах - Польша, Чехословакия, Австрия, Дания, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Норвегия, государства Балканского полуострова) на захваченных территориях бывшего Союза ССР, освоив промышленно-экономический, человеческий потенциал и природные ресурсы, хотела их превратить в свою экономическую базу. И используя этот огромный экономический потенциал, Германия намеревалась в кратчайшие сроки поработить СССР. Для срыва этих планов нам были необходимы чрезвычайные меры.

В первые же дни войны было принято постановление об эвакуации промышленных предприятий и других технических средств в восточные регионы Советского Союза с территорий их вероятного захвата противником. Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. призывала эвакуируемое население с западных территорий СССР «не оставлять врагу ни одного паровоза, ни килограмма хлеба, ни литра горючего» [1]. Конечно, несмотря на трудности полного и точного исполнения этого требования, данное обстоятельство вынуждало людей оставить врагу как можно меньше техники и ресурсов.

Вермахт (вооруженные силы Германии) за начальный этап ведения войны захватил огромные территории западной части СССР. Несмотря на отсутствие крупных промышленных объектов, в захваченных вермахтом Литве, большей части Латвии и Западной Украине, далее он мог захватить два крупных промышленных центра и уничтожить их с помощью авиации. Первым из них была центральная и юго-восточная Украина (Харьков, Днепропетровск, Кривой Рог, Николаев, Мариуполь и Донбасс), а вторым - Ленинград и Москва. Поэтому было принято решение эвакуировать с этих территорий промышленные предприятия и население в восточные районы страны. Созданный 24 июня 1941 года Эвакуационный Совет должен был возглавить процесс эвакуации населения и отправки техники, оборудования, продовольствия и других средств на Восток» [2].

Сохраненные предприятия были крайне важны для экономики. Без них невозможно было восстановить на восточных территориях за короткие сроки новые промышленные предприятия. Для строительства новых заводов на востоке СССР не хватало средств, техники, рабочей силы и строительных материалов. С другой стороны, без скорейшего создания производственных мощностей, фашистская Германия могла бы достаточно быстро добиться своих экономических и военных целей. Нам требовалось энергично осуществлять все этапы эвакуации в целях получения практической пользы для экономики страны. Нужно было быстро доставить до места назначения эвакуированные предприятия и другое материальное имущество и развернуть там деятельность новых предприятий и оборудования.

Со второй половины 1941 года из прифронтовых территорий на Восток были эвакуированы свыше 11 тысяч тракторов, имущества совхозов и колхозов, а также около 10 млн. человек. Большая ответственность за перемещение людей и имущества легла на работников железных дорог. В процесс эвакуации были задействованы около 1,5 млн. железнодорожных вагонов [3]. Одной из первоочередных задач начального периода войны, которые пришлось решать Узбекистану, являлась задача ускоренного ввода в строй эвакуированных из западных территорий Советского Союза различных промышленных предприятий. Процесс перебазирования предприятий был трудоёмким и сложным [4]. Уже с середины 1942 года в Средней Азии были введены в действия часть предприятий. Во второй половине 1942 г. еще продолжалось налаживание производства на вновь поступивших предприятиях. В организации бесперебойной эвакуации огромное значение имели прочная материально-техническая база железнодорожной системы, а также выполнение поставленных целей работниками железных дорог.

В 40-х годах XX века Средняя Азия и другие части Советского Союза соединялись между собой, в основном, двумя железнодорожными системами: Ташкентско-Оренбургской и Турксибской. Также имелась возможность выхода на Каспийское море через железную дорогу Ташкент-Красноводск. Война поставила перед железнодорожной системой страны новые ответственные задачи. Железнодорожный транспорт должен был бесперебойно обеспечивать доставку новых военных частей, вооружения, техники и продовольствия на фронт; а также должен был эвакуировать фабрики и заводы, их оборудование, станки, сырьевую базу и готовую продукцию из захватываемых фашистской Германией территорий. Причём, оборудование каждой из фабрик и заводов имело большие объёмы. Например, в эвакуации в Ташкент оборудования завода им. Чкалова участвовало 18 эшелонов, каждый состоящий примерно из ста вагонов [5.с.15].

Для достижения быстрых результатов по эвакуации необходимо было перестроить всю работу железнодорожной системы страны на новый лад. Однако в целом уже сократилось количество квалифицированных машинистов-механиков из-за

мобилизации многих из них на фронт. Кроме того, не хватало паровозов, горючего. Несвоевременная доставка вооружения и продовольствия или их потеря в пути наносила огромный вред государственной обороноспособности и разрушала планы по эвакуации. Поэтому особое внимание стало уделяться усилению дисциплины на железных дорогах. В ноябре 1941 года состоялся пленум Верховного Суда СССР. На пленуме обсуждались именно эти вопросы, и было принято решение усилить ответственность за нарушение трудовой дисциплины работниками транспорта. В частности, за прогул или самовольное оставление рабочего места, за поломку транспортных средств и так далее. Возникновение несчастных случаев на железных дорогах каралось лишением свободы сроком до 10 лет. В довоенный период вышеперечисленные нарушители приговаривались к принудительным работам на 6 месяцев с удержанием денежных вычетов (штрафов) из заработной платы до 25%.

15 апреля 1943 года вышло постановление Президиума Верховного Совета, где было объявлено о переходе железных дорог на военное положение. Работники железных дорог считались мобилизованными и несли ответственность наравне с военнослужащими. Военное положение обязывало неукоснительно соблюдать трудовую дисциплину. При правонарушениях со стороны работников железных дорог, их дела рассматривали военные трибуналы. С июля по ноябрь 1941 года было перебазировано на Восток в общей сложности не менее 1523 промышленных предприятий. Из них - 1360 крупных заводов: 226 - в Поволжье, 667 - на Урал, 244 - в Западную Сибирь, 78 - в Восточную Сибирь, 308 - в Среднюю Азию и Казахстан.

Непосредственно в Узбекистан было эвакуировано более 100 крупных промышленных предприятий: Ленинградский завод текстильных машин, Ростсельмаш, «Красный Аксай», Сумской компрессорный и Днепропетровский карборундовый заводы «Электрокабель», Сталинградский химкомбинат, московские заводы «Подъемник», «Электростанок», авиационный завод им. В. Чкалова и др. Было создано 47 новых промышленных предприятий, увеличилась мощность местных заводов. В декабре 1941 года в Ташкенте действовало 137 предприятий, из них 64 выпу-

скали военную продукцию [6]. В Ташкенте и Ташкентской области разместились 55 предприятий, в Самаркандской области – 14 заводов и фабрик, в Ферганской долине – 22 предприятия, в Бухарской области – 2. Ввод в эксплуатацию эвакуированных предприятий был проведен в крайне сжатые сроки. Так, в декабре 1941 года из подмосковного города Химки в Ташкент был перебазирован авиационный завод. 17 железнодорожных эшелонов с оборудованием и людьми сквозь бомбежки фашистских стервятников в течение нескольких недель добирались до столицы Узбекистана. Так, за 1942–1945 годы в столице Узбекистана произвели 2 258 новых самолетов Ли-2, созданных на основе американского «Дугласа». Вклад ташкентских самолетостроителей в победу над немецкими захватчиками огромен [7].

За короткое время в невероятном аврале была выполнена истинно грандиозная работа. Прибывающее оборудование размещалось на открытых площадках, а уже потом строилось само здание цеха. Сборка самолетов была начата сразу по прибытии первых эшелонов из поступающих деталей, узлов и агрегатов в ангаре на аэродроме. Заготовительные и механические цеха начинали работать под открытым небом. Работа шла круглосуточно. Официально был установлен 12 часовой рабочий день, но большинство рабочих выполняли сверхурочную норму.

Были ужесточены санкции к нарушителям трудовой дисциплины, самовольный уход с предприятия рассматривался как дезертирство и карался законом. В конце июля исполнительными органами союзных и автономных республик с целью перераспределения рабочей силы в интересах военного производства было предоставлено право перевода рабочих на другую работу без их согласия. Была учреждена трудовая повинность, на основе которой все взрослое население могло быть мобилизовано на особо срочные работы,

В феврале 1942 года все мужчины с 16 до 55 лет и женщины с 16 до 45 лет были объявлены подлежащими мобилизации на работу в промышленности. Однако эти меры не могли в должной мере обеспечить приток мужчин в производство, так как большинство их были на фронте. Основным резервом для народного хозяйства стали подростки и женщины. Тысячи жен-

щин добровольно шли на производство и успешно осваивали профессии, считавшиеся прежде мужскими. Только в Ташкенте в первые месяцы войны на заводах и фабриках стало работать более 20 тысяч женщин. 300 домохозяйек станции Урсатьевской стали осваивать профессии путевых обходчиков. Не считаясь с трудностями, люди самоотверженно трудились во имя приближения победы [8.с.129].

Эвакуацию промышленных предприятий в вышеперечисленные районы можно было объяснить и с военной, и с экономической точки зрения. С военной стороны учитывался тот факт, что в эти районы страны в ближайшее время вражеская армия и авиация не смогли бы дойти. С экономической же стороны, учитывался экономический потенциал региона, принимающего эти предприятия, степень довоенного развития их инфраструктуры и кадрового обеспечения.

Ускорению ввода в действие эвакуированных в республики предприятий способствовали наличие на их территориях идентичных отраслей промышленности. Причем, в ряде случаев прибывшее оборудование распределялось между несколькими заводами и фабриками, или целиком сливалось с местными предприятиями, как это было с текстильными и обувными фабриками. При размещении эвакуированных предприятий учитывались и сложившаяся специализация республик, и перспективы их дальнейшего послевоенного развития [9.с.157].

Из перевезенных в Узбекистан оборудования некоторых заводов и фабрик, большая часть приходилась на сельскохозяйственное, тяжелое и среднее машиностроение, электротехническую промышленность и чуть менее половины - на отрасли легкой и пищевой промышленности. Если бы республика не располагала собственной индустриальной базой, включающей достаточно широкой комплекс отраслей, то вряд ли бы удалось разместить, ввести в действие и быстро освоить столь сложное оборудование.

Экономика Узбекистана, как и во всех других союзных республиках в целом, была перестроена на военной лад уже к середине 1942 г. Однако гораздо больше времени потребовалось, чтобы там создать и наладить новые межотраслевые и межрай-

онные экономические связи. К концу 1942 года в республиках уже функционировало слаженное, подчиненное задачам войны производство.

С перебазированием в Узбекистан многих предприятий тяжелой, легкой и пищевой промышленности было положено начало созданию новых отраслей промышленности, развитие которых увязывалось с экономикой республик. Эвакуированные предприятия по составу были самого разнообразного профиля и отраслей: тяжелой, легкой и пищевой индустрии [10.с.45]. В республике возникла такая отрасль легкой промышленности, как трикотажная, а также прядильное, чулочное и зеркальное производства.

В процессе размещения эвакуированного оборудования, республикам и тыловым районам приходилось преодолевать многие трудности, связанные с прибытием лишь части персонала (от до 1/2) эвакуированных предприятий и не полностью в ряде случаев укомплектованного оборудования, с недостатком транспортных средств и производственных площадей. В Узбекской ССР для перебазированных сюда предприятий из других районов страны было предоставлено из имеющихся производственных площадей 400 тыс. кв. метров и дополнительно построено 200 тыс. кв. метров [10.с.45].

Эвакуация промышленных предприятий в республики Средней Азии, в том числе и в Узбекистан, в годы Второй мировой войны и скорейшее возобновление их производственной деятельности усилила военную мощь СССР. В результате ввода в действие перебазированных предприятий и расширения производства республиканской индустрии, промышленная продукция Казахстана и Средней Азии в 1942 г. увеличилась в 1,2 раза, а в 1943 г. – в 1,4 раза по сравнению с 1940 г. [10.с.45].

Чрезвычайно важно было и то, что в республике возрастал объем производства тех отраслей, продукция которых имела первостепенное оборонное значение, такие, например, как цветная металлургия, машиностроение и др.

Особые трудности в военное время пришлось испытать Узбекистану в обеспечении промышленности энергетическими ресурсами. Производство электроэнергии и топливных ресур-

сов отставало по темпам роста от быстрого развития промышленного, в том числе и военного производства. Нарращивание энергетических ресурсов осуществлялось путем строительства новых угольных шахт, электростанций и разработки новых нефтяных месторождений, но при крайне ограниченных материальных возможностях. Поэтому за расходом топлива и электроэнергии устанавливался строгий контроль, сокращались до минимума расходы электроэнергии и топлива на бытовые нужды. Недостаток топлива и электроэнергии вызывал подчас приостановление в работе производственных мощностей и мешал выполнению планов некоторых предприятий, особенно предприятий местной промышленности.

В ходе перестройки промышленности на военный лад и при вводе в эксплуатацию эвакуированных промышленных предприятий, в Узбекистане неизбежно возникали отдельные производственные диспропорции. Одним из важнейших факторов преодоления подобных диспропорций являлось новое промышленное строительство. В связи с уходом части взрослого населения на фронт и вводом в действие большого количества перемещенных производственных предприятий, тыловым республикам и районам предстояло решить трудную задачу - пополнить промышленность новыми кадрами рабочих. И чтобы обеспечить промышленность кадрами, пришлось привлекать к работе на производстве не только городское, но и сельское население. Эвакуация многих промышленных объектов и населения с территорий, захватываемых противником, осуществленная в годы Второй мировой войны, является по своей сути огромным организационным и производственным мероприятием. Не случайно, маршал Г.К. Жуков выразил мнение, что «эвакуацию можно причислить к крупным сражениям Второй мировой войны».

И несмотря на то, что процесс эвакуации 1941-1942 годов осуществлялся с грубыми нарушениями, с применением силы и с потерями, он достиг своей основной цели. В результате, произошло сохранение мирного населения от фашистских захватчиков, переселение на восток страны промышленных и сельскохозяйственных предприятий и новая организация их

производственной деятельности. Так или иначе, но данная эвакуация времен войны, осуществлённая притом в короткие сроки, остается одним из самых значительных явлений 1940-х годов - и не только в плане техническом и экономическом, но и в культурном и социальном плане.

Использованные источники и литература

1. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР // Новая и новейшая история. - Москва, 2006. - № 6.
2. Кацва Л. Подвиг тыла // История. - Москва, 1999. - № 45.
3. Вторая Мировая война: краткая история. - Москва: Наука, 1985.
4. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - Москва: Наука, 1970.
5. Голованов А.А. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом: часть II / А.А. Голованов, Н.М. Саидов. - Самарканд: СамДУ, 2006. – С.15.
6. Письма о Ташкенте. <https://mytashkent.uz/2018/09/23/uz-at-war/>
<https://nuz.uz/k-velikooy-pobede/5344-tashkentskiy-tyl-by1-frontom.html>
7. Верт А. Россия в войне 1941-1945. - Москва: Воениздат, 1967. – С.129
8. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - Москва: Наука, 1970. – С.157.
9. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.: в 6 т. - Москва: Воениздат, 1961. - Т. 1. – С.45.
10. Калымбетов Ж. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за развитие промышленности и транспорта в годы Великой Отечественной войны. - Ташкент: Фан, 1966. – С.45

ГЛАВА IV. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Ваисова Н. А.

Согдийские купцы и торговцы в истории государственности Узбекистана

Согдийцы сыграли большую роль в истории государственности Узбекистана. Древняя Согдиана, была одной из крупных историко-культурных областей, расположенных между реками Амударья и Сырдарья. Она всегда оказывала сильное влияние на соседние государственные образования и играла весьма важную роль в их жизни. Историки древнего Востока называли эту страну «сердцем Центральной Азии».

В центре этой историко-культурной области располагался Самарканд- крупнейший политико-административный центр Согда, ядром которого являлся бассейн Зарафшана.

Согдийская проблематика имеет решающее значение для понимания исторического процесса государственности по всей Средней Азии, поскольку Согд - это центральная область, а в VI—VIII вв. и наиболее развитая часть этого обширного региона, в котором согдийцы были в наибольшей степени народом горожан.

Экономическая и культурная деятельность согдийцев распространилась далеко за пределы собственно Согда, основными землями которого были территории по р. Зеравшан с центром в Самарканде. В более широком смысле слова в Согд включались и владения Кеш и Нахшеб в долине Кашка-Дарьи. Наряду с Самаркандским Согдом источники упоминают Бухарский, который, видимо, зависел от Самаркандского в начале VII в. [1] Влияние согдийского языка, письменности и культуры не ограничивалось этой территорией. В первой половине VII в. китайский путешественник Сюань Цзян отметил, что вся территория от города Суяба на р. Чу до Кеша именовалась Согдом и там говорили на согдийском языке. Здесь безусловно речь идет не о государстве Согд, а о границах массового расселения согдийцев

в Средней Азии. Начавшийся еще в древности процесс согдийской колонизации земель на северо-востоке от Самаркандского Согда наиболее интенсивно проходил в раннем средневековье.

Территориально близкие к Согду Уструшана и Чач особенно тесно были с ним связаны. Обширные согдийские колонии были в долинах р. Чу и Таласа, где еще в XI в. сохранялся согдийский язык. Во всех этих регионах происходило взаимодействие согдийской культуры с местными. Согдийская письменность в эпоху раннего средневековья имела широкое распространение как в тех землях, где говорили по-согдийски, так и там, где господствовали другие языки. Известны согдоязычные легенды на монетах Хорезма, Тохаристана, Ферганы, не говоря уже о Чаче, Уструшане и Семиречье. Согдийский язык был языком международного общения, что объясняется как широкой торговой и колонизационной деятельностью согдийцев, так и важной ролью согдийцев в административном аппарате тюркских каганатов. [2] Согдийские колонии известны на территории Восточного Туркестана, Центральной Азии и Западного Китая. Они различны по своему характеру - от целых владений до отдельных деревень. Много согдийцев было в городах Восточного Туркестана и Китая.

Сведения об истории раннесредневекового Согда содержатся в письменных источниках на нескольких языках. Китайское посольство, посетившее Среднюю Азию в середине V в., упоминает государство со столицей в Самарканде. В китайских источниках речь идет также о том, что во второй половине IV в. в некоем государстве Судэ, по-видимому, Согде, захватили власть кочевники, причем можно думать, что речь идет о хионитах. Правление основанной ими династии, видимо, продолжалось в первой половине V в. Из государства Судэ, а затем после 479 г. из государства Самарканд, регулярно направлялись в Китай посольства. После 510 г. посольства шли уже из государства эфталитов. Вероятно, все эти посольства представляли собой прежде всего торговые караваны согдийских купцов, а разница в их наименовании связана с изменениями в политическом статусе Согда. К 510 г. можно отнести окончательное подчинение Согда эфталитам, ядро государства которых находилось южнее.

[3] В 60-х гг. VI в. эфталиты были разгромлены тюрками и Ираном. Согд вошел в состав первого тюркского каганата, сохраняя, однако внутреннюю автономию. Создание тюркского каганата сыграло большую роль в развитии согдийской торговли. Тюрки проникали в согдийскую среду. Известны династийные браки между тюрками и согдийцами, правители согдийских княжеств тюркского происхождения. Имеются археологические свидетельства пребывания тюрков на территории Согда.

В середине VII в. согдийские княжества стали фактически независимыми, номинально признавая суверенитет танской империи. Согд делился на несколько владений. В письменных источниках упоминаются в Самаркандском Согде, кроме Самарканда, Кабудан, Иштихан и Маймург, в долине Кашка-Дарьи - Кеш и Нахшеб. Все эти владения в какой-то мере зависели от Самаркандского Согда. В Бухарском Согде кроме самой Бухары отмечаются еще Пайкенд, Вардана. [4]

Экономическая структура согдийского города определялась взаимоотношениями производительного и непроизводительного населения. Городские ремесленники свободно реализовывали на рынке продукт своего труда, но они зависели от городских землевладельцев, сдававших в аренду лавки и мастерские. Таким образом, рядовое торгово-ремесленное население всецело зависело от городской знати, часть которой получала основной доход от эксплуатации деревни. И в городе, и в деревне господствовала знать, но господство это осуществлялось по-разному. Если в городе существовала экономическая зависимость, то в деревне, по-видимому, большую роль играло внеэкономическое принуждение. Согдийцы, благодаря международной торговле и колонизационной деятельности, были связаны со всем культурным миром того времени.

Имеется много исторических данных, свидетельствующих о согдийских городах и согдийцах, обеспечивающих реализацию экономических и культурных функций международной трассы Великого Шелкового пути. Согдийцы- купцы действовали не только в пределах своего государства, но и далеко за его пределами. Согдийцы проникли в глубь Центральной Азии, и их колонизация шла вдоль торговых путей.

Так, самой заметной общиной переселенцев в Западном Китае, были согдийцы чья родина находилась в Самарканде и окружающих его городах нынешнего Узбекистана. Их колонии сформировались практически в каждом китайском городе, где согдийские старосты - сабао надзирали над делами в местных общинах. Часть согдийских переселенцев представляли купцы: их персонажи появляются в литературных произведениях настолько часто, что возник навязчивый образ богатого купца. Согдийские купцы и на самом деле занимались ювелирным изделиями и драгоценными камнями, которые отличались двумя товарными преимуществами: они стоили дорого, а весили мало. Только вот факт существования такого стереотипа совсем не означает его соответствия действительности. Нету утверждения того, что торговля вдоль Шёлкового пути процветала настолько, что позволила обогатиться тысячам согдийцев, населявшим историческую столицу Чанань. Среди тысяч согдийцев поселившихся в китайских городах при династии Тан, купцы составляли меньшинство. [9] Историческая столица Чанань, в наши дни носящая названия Сиань, знаменита своими произведениями искусства Шёлкового пути. Самой богатой находкой следовало бы назвать клад деревни Хэцзя, в котором сохранилось больше сотни прекрасных золотых и серебряных сосудов, украшенных изображениями на китайские и западные сюжеты. При их пристальном изучении многие из этих предметов оказываются местного изготовления стараниями либо согдийцев в изгнании, либо китайскими ремесленниками, перенявшими согдийские оформительские сюжеты. Бесспорным остаётся только лишь то, что драгоценные камни для их украшения ввозили из зарубежных стран: их не составляло труда перевозить по сухопутным тропам благодаря малому весу и размеру.

В 630г., когда китайский монах Сюань Цзан покинул Турфан (расположенный на северном маршруте Шелкового пути, идущем в обход пустыни Такламакан, город Турфан служил мостом между китайским и иранским миром), он выбрал самый оживлённый путь на Запад. После остановки в Куче он преодолел Тянь-Шаньские горы, посетил кагана западных тюрков на северо- западной окраине озера Иссык-Куль, что

на территории нынешней Киргизии, и продолжил путь к Самарканду, расположенному в современном Узбекистане. [10]

В своих подробных путевых заметках о посещении разных стран под названием «Путешествие в западный край во времена Великой Династии Тан» Сюань Цзан дал набросок основных черт жизни согдийцев. [11] Сюаньцзан сформулировал укоренившееся среди китайцев представления о согдийцах так: «Обычай у этого народа неустойчивые и мудрёные... хочется им богатства: отцы с сыновьями в равной степени гоняются за барышом.» [12] Составители официальной истории династии Тан повторили такое предубеждение в своём описании того, как согдийцы воспитывали из своих сыновей купцов: «Когда у них рождался сын, они намазывали ему рот мёдом и покрывали ладони клеем, чтобы по мере роста и взросления он произносил льстивые речи и хватал монеты рукам так крепко, как будто они приклеивались к ним... Они отличаются ловкостью в деле, любят наживу и отправляются за границу в возрасте 20 лет. Их можно встретить везде, где светит эта самая нажива».

Одно из самых подробных описаний торговли согдийцев вдоль Шёлкового пути даётся в восьми согдийских старинных письмах, сохранившихся в потерянном почтовом мешке поблизости от Дуньхуана. В этих письмах, отнесённых к 313 или 314г., упоминаются конкретные товары: шерстяное и льняное полотно, мускус, косметические свинцовые белила, бумага, серебро, и предположительно шёлк. Размеры партий товара указаны совсем небольшие от полутора до 40 кг, то есть такие, что подходят для мелкомасштабной торговли силами вожатого верблюжьего каравана.

Гораздо чаще доказательством торговли здесь служат тысячи бронзовых монет, обнаруженных в этом городе. Многие из них представляются мелочью, брошенной или забытой на базарной площади. К тому же на протяжении VI в. Здесь в меньших масштабах имели хождения серебряные монеты империи Сасанидов. Древнейшие монеты местной чеканки относятся ко второй половине VIIв. Можно предположить, что центральные власти предоставили местным владельцам мастерских право на изготовление монет. В VII столетии, на которое пришлось мак-

симальное расширение контактов между Согдианой и Китаем, жители Пенджикента пользовались бронзовыми монетами той же формы, что и китайские монеты, - круглыми монетами с квадратным отверстием. На них можно найти китайские иероглифы, а можно и не найти. Как в Турфане, жители Пенджикента иногда пользовались золотыми монетами. Между 1947 и 1995 гг. археологи нашли две настоящие золотые монеты Византийской империи и шесть очень грубых их подделок. Пять из них, найденных в домах, служат доказательством того, что эти монеты и подделки использовались в качестве денег. [13]

Среди раскопанных домов, которых насчитывается больше 130, встречаются жилища как простых людей, так и очень состоятельных горожан. Стены домов этих наиболее состоятельных горожан украшены рисунками от потолка до пола на нескольких уровнях. При всём разнообразии сюжетов рисунков, изображённых на стенах домов граждан Пенджикента, на них практически отсутствуют сцены из жизни купцов. Археологи считают один из домов с рисунком роскошного банкета домом купца, который проживал совсем рядом с базарной площадью. Единственным указанием на то, что на картине изображены гости-купцы, а не аристократы, называют то, что вместо обычного меча у одного из гостей на поясе висит чёрный кошелёк. [14] Купцов к тому же не видно на масштабном и прекрасно исполненном наборе фресок, обнаруженном на месте раскопок дворца Афрасиаба в Самарканде и дающем зрительное представление о политической ситуации в этом городе того времени.

Во второй половине VII в. после завоевания Ирана арабы начали наступление на Среднюю Азию и, в том числе на Согд. В начале VIII в. Арабы подчинили согдийские княжества. Но власть арабов была непрочной. Происходили восстания, которые арабам было трудно подавить. В результате почти непрерывных войн с 719 по 739 гг. страна пришла в глубокий упадок.

С 705 по 715 г. завоеванием Согдианы занимался арабский полководец Кутейба ибн муслим и в 712 году он покорил Самарканд. Самая большая часть документов на согдийском языке, обнаруженная на территории Согдианы, относится как раз к этому периоду истории. В 1933 году на горе Муг расположенной в 120

км восточнее Самарканда на территории Таджикистана советские археологи обнаружили редчайший тайник с почти сотней документов. [5] В этих документах содержатся единственные в своём роде сообщения об исламском нашествии.

Как объясняет в своих мемуарах великий советский арабист И.Ю. Крачковский (1883-1951), ключом к установлению времени появления документов может служить всего лишь один документ на арабском языке. [6]

Письмо Деваштича арабскому правителю Хорасана аль-Джерри составлено на безупречном арабском языке, то есть можно предположить, что он пользовался услугами писаря. Называя себя «мавлдой», или клиентом этого правителя, он предлагает отправить к нему безопасности ради двух сыновей предыдущего хана Самарканда-Тархуна. [7] Прочитав это письмо И.Ю. Крачковский вспомнил о том, что великий историк Ат-Табари упоминал в своих трудах о попавшем в немилость дворянине Самарканда по имени Дивашни, оказывавшем сопротивление арабскому вторжению в 721-722 гг. В свете такой догадки руководство Академии общественных наук Ленинграда отправило в Таджикистан экспедицию во главе с ведущим советским специалистом по Согдиане А.А.Фрейманом (1879-1968). В ноябре 1933 г Фрейман на протяжении двух недель руководил специалистами из Академии, наук, которые вели раскопки, давшие многие интересные свидетельства о согдийцах, их социально-экономической жизни, поселениях и городах. [8]

В 722 году обстоятельства коренным образом переменялись, летописец Ат-Табари сообщает о том, что согдийцы распались на две группы. Большая по численности группа в составе не меньше 5тыс. человек отправилась в Фергану, куда их не пустили, и арабские солдаты устроили им резню. Гораздо меньшая группа, быть может из сотни семей, осталась с Деваштичем и попыталась найти убежище за стенами крепости на горе Муг. [15]

В ходе завоевания арабами только купцы из той большой группы могли позволить себе заплатить выкуп и получить жизнь из рук захватчиков их территории. Главной заботой для покоренных арабами народов Средней Азии стали налоги. Многие согдийцы в результате бежали на тюркские территории или в Китай.

Согдийские города-государства были поглощены могущественной империей халифов. Согдийцы сменили веру, а затем и язык, только отдельные элементы их культурной традиции унаследовала новая исламская цивилизация, утвердившаяся в Мавераннахре и Хорасане в конце VIII - IX вв.

Использованные источники и литература

1. Распопова В.Д Раннесредневековый согдийский город. Санкт – Петербург. 1993г.

2. Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Согдийский город в начале средних веков. (Итоги и методы исследования древнего Пенджикента). // СА, 1981, № 2, -С. 92-110

3. Там же...

4. Значение археологии для критики нумизматического источника. //Бартольдовские чтения, 1984, год 7, М., – С. 73-74.

5. Документы с горы Муг изданы тремя томами: Фрейман АА. Описание публикации и исследование документов с горы Муг: Согдийские документы с горы Муг-1. М.: Издательство восточной литературы, 1962; Лившиц В.А. Юридические документы и письма: Согдийские письма с горы Муг-2. М.: издательства восточной литературы, 1962; Боголюбов М.Н. , смирнова О.А. Хозяйственные документы: документы с горы Муг-3. М.: Издательство восточной литературы, 1963. В.А. Лившиц осуществил издание этих документов в виде книги «Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семеречье». СПб. Филологический факультет Санкт- Петербургского государственного университета, 2008.

6. Крачковский И.Я. Письмо из Согдианы (1934) (A Letter From Sogdiana 1934/) // Среди арабских манускриптов: Мемуары библиотек и людей. (Among Arabic Manuscripts Memories of Libraries and Men) / Пер. Т.Минорской. - Лейден: Brill, 1953. – С 142–150.

7. Перевод этого письма у Ричарда Фрая в Tarxun and Central Asian History// Harvard Journal of Asiatic Studies 14 (1951). С 105-129.

8. Фрейман А.А. Согдийские документы с горы Муг.- Ленинград, 1934г., – С1. и 7.

9. Сохранилась эпитафия, посвящённая всего одному купцу. Жун Синьцзян, Чжан Чжицин. Cong Samaergan dao Changan- Suterren zai Zhongguo de wenhua yishu [От Самарканда до Чанани: Культурные следы согдийцев в Китае]. Пекин: Beijing Tushuguan Chubanshe, 2004.С.137

10. Сиратори К. Исследование Сутэ...– С. 81-145

11. Сюаньцзан. Da Tang Xiyu ji jiaozhua[Аннотрированное со знаками препинания издания дневников, посвящённых Западным областям и написанных во времена правления великой династии Тан] // Под ред. Цзи Сяньлиня, - Пекин 1985 С 73-74.

12. Сюаньцзан. Da Tang Xiyu ji С 72

13. Распопова В.Д. Золотые монеты и браслеты из Пенджаба. Под ред. Мишеля Аларма и Деборы Климбург-Сальтер. Вена1999г.С 453460

14. Вессьер Э. де ла Согдийские купцы... Санкт-Петербург: Эрмитаж 2005г., С.162

15. Зеймаль Е.В. Политическая история Среднеазиатского Междуречья (The Political History of Transoxiana)// The Cambridge History of Iran. Т.3 The Seleucid Parthian and Sasanian Periods // Под ред. Есана Яршатера (Ehsan Yarshater). Ч. 1. Нью-Йорк: Cambridge University Press, 1983. С 259-260.

Торговые пути в истории становления и развития государственности: Хорезм на Великом Шелковом пути

Хорезм уникальный самобытный регион, внесший свой особый вклад в историю развития государственности Узбекистана, издревле участвовал в развитии и становлении региональной, межрегиональной и трансконтинентальной торговли на Великом Шелковом пути.

Фундаментальный вклад в разработку проблемы изучения вклада Хорезма в историю Великого Шелкового пути внесли такие узбекистанские ученые как Д.А. Алимова, Ю.Ф. Буряков, М.Ш. Кдырниязов, Э.В. Ртвеладзе и другие [1].

Хорезм являлся одним из ключевых центров мировой торговли, где рыночные отношения существовали с ранних времен, но по различным причинам то терял свое значение, то вновь обретал его. Торговля чаще всего зависела от превратностей политической обстановки.

Еще задолго до нашей эры через Южный Хорезм по т. н. «Золотому пути», контролировавшемуся Ахеменидами, в их столицу поступали золото, сердолик, лазурит и соли.

Сведения о «Царской дороге» из Мидии на восток через Каспийские ворота к парфам, затем хорасмиям и далее до Бактра содержатся в трудах выдающегося путешественника и морехода Скилака, жившего во второй половине VI в. д. н. э., а также в трудах Геродота, Гекатея, Ктесия [2.с.9].

Известно также, что Кангюй, составной частью которого был Хорезм активно торговал с Китаем.

Об обширных торговых и культурных связях Хорезма свидетельствует ряд памятников материальной культуры.

В частности, в Каваткалинском оазисе в Хорезме была найдено изображение руки с зажатым в пальцах шариком и змеей на запястье, относящееся к I – II в. н.э. Это символ Сабазия – фракийского божества плодородия, широко распространённого в Риме.

На Кампыртепа (Сурхандарьинская обл.) обнаружена керамика из Хорезма с круговой росписью [3.с.66-67].

В определении роли Хорезма в мировой торговле, важное значение имеют не только данные археологии, но и письменных источников, которые свидетельствуют о взаимоотношениях Хорезма с Мавераннахром. В различные исторические эпохи средневековья Хорезм, как и другие области Мавераннахра, попадал под господство Караханидов (999-1130), Сельджукидов (1130-1157), Хорезмшахов (1156-1220), монголов (1120-1388) и Темуридов (1388-1506). Это способствовало культурно-экономическому влиянию Мавераннахра на Хорезм. Огромную роль здесь играли основные центры Мавераннахра - Самарканд и Бухара. Став крупными торгово-ремесленными центрами и являвшиеся важными торговыми пунктами Евразии, на торговой трассе из Китая в Европу, Бухара, Самарканд и Хорезм были связаны общностью культурного развития.

Войдя в состав монгольских государств (улус Чагатай и Джучи), Хорезм был в центре евразийской торговли. Еще в домонгольское время купцы были активными участниками караванной торговли. В письменных источниках встречаются имена купцов, происхождение которых связано с Хорезмом. Среди них Махмуд Ялавач (ум. 1254 г.), хорезмиец, торговый аристократ, откупщик и наместник Мавераннахра в 1227-1238 гг.

Хорезмийские торговцы вели караванную торговлю предметами роскоши, тканями, фарфором, драгоценностями, экзотическими товарами с Мавераннахром, Ираном, Сирией, Китаем, Русью и Западной Европой.

Крым и Восточная Европа были связаны с Хорезмом древними караванными дорогами. По сообщению Ибн Арабшаха, в эпоху Золотой Орды «доезжали караваны из Хорезма на телегах спокойно до Крыма» [4.с.460]. В монгольское время в рамках международной торговли, наряду с другими среднеазиатскими купцами, у хорезмийцев появилась возможность торговать с Западной Европой. Этому также способствовали интересы Европейских феодальных государств. Дальние ойкумены Евразии, неведомая экзотика, стремление к религиозному господству, наконец, интерес к прибыльной торговле подхлестнул миссионеров и купцов Западной Европы в страны Центральной Азии. Они, добираясь на территорию Мавераннахра, Хорезма, Золотой

Орды, создавали опорные базы подворья и убежища (колонии) в окрестностях стольных городов. Такие пункты францисканцев, по свидетельству Джованни Мариньолли (1338-1358) и Эломазина (1336), были и в Ургенче. Это подтверждается и по рассказам Шихабаддина Ибн Фазламаха ал-Омари. Он пишет: «В Хорезме (Ургенч) 100-домов еврейских, 100 домов христианских» [5.с.242].

Необходимо отметить, что присутствие евреев и христиан в Хорезме фиксируется археологическими и письменными источниками с IV-V вв. н.э. Абу Райхан Беруни в «Памятниках минувших поколений» говорит о наличии христианской митрополии в Хорезме. С. П. Толстов упоминает, что Хорезмская епископская кафедра входила в состав Хазарской митрополии [6.с.76].

По легенде именно сын еврея-иудаиста Нарсе, по легенде, основал Кят – древнюю столицу Хорезма, а библейский Сим, сын Ноя основал Хиву. Среди советников Афригидов - хорезмийских правителей доарабского времени были евреи.

Важным товаром для вывоза в Европу в это время был шёлк-сырец. Нотариальные акты, составленные в 1289-1290 г. в Старом Крыму, говорят о том, что генуэзские торговцы Андрей Спиноло, Бонвассалино и Персиваль Ломеллина отправляли из Кафы в Геную шелк «сагусмасна» («хорезмийский») и «огганинум» («ургенчестский») [7.с.242].

Значение Хорезма в XIII-XIV вв. в международной торговле подчеркивает флорентиец Ф.Б. Пеголотти. В 30-40-х гг. XIII века в своем знаменитом труде «Практика торговли» он пишет: «Кто отправляется с товарами на Восток, тому следует пройти в Органчи, так как там идет бойкая торговля. ... Нет смысла забираться в глубь Азии, что в столице Хорезма Органче можно купить все интересные для европейского рынка товары». Он упоминает также базар Кайсарийа, представлявший собой гостинный двор (караван-сарай), где под государственную гарантию купцы оставляли свои товары. Кроме того, Хорезм привлекал итальянских купцов тем, что здесь можно было приобрести за ткани (сукно, генуэзская парча) «серебро и идти дальше в Китай».

Кочевники средневековья поддерживали постоянные экономические связи с оседлыми земледельческими районами. Пись-

менные источники, относящие к средневековому Хорезму, отражают торговлю продуктами животноводства, вывоза овчины и каракуля. Ибн Хаукаль, «Худуд ал-Алам» сообщают об экспорте каракуля из Хорезма. То же можно сказать и в период монгольской эпохи. Ибн Батута рассказывает, что в Хорезме в качестве дара приобрел дорогую меховую шубу. Арабские авторы Ибн Абдизахр (1221-1293) и Рукнаддин Бейбарс в своих трудах упоминают в числе подарков египетского султана к Беркехану (1256-1266) о «седлах хорезмских и к ним подушках». Кочевники пригоняли на его базары скот, привозили кожу, шерсть, получая взамен рис, хлеб, ткань и металлические изделия».

В горах Султануиздага добывали и обрабатывали на вывоз драгоценные и полудрагоценные камни - бирюзу, сердолик, аметист.

В XIII-XV вв. через Хорезм проходил важнейший путь с Востока на Запад, существовали три сухопутные трассы евроазиатской торговли. Первая следовала по маршруту из городов Малой Азии, Южного Каспия (Шираз - Тебриз) - Каракумы - Хорезм - Мавераннахр. По этой трассе в 1249 г. проследовал в Монголию Андре де Лонжюмо, возглавлявший дипломатическое посольство французского короля Людовика IX (1214-1270). В январе 1249 г. Лонжюмо выехал из Никозии, следуя через Акку, Антиохию, Мосул вышел на южной берег Каспия, прибыл в Хорезм и направился в Семиричье.

Западные купцы чаще посещали Хорезм с северо-запада. Дорога следовала по маршруту Тана-Сарай-Устюрт-Ургенч-Отрар-Алмалык далее в Китай. В эпоху Золотой Орды она была «оживленной». Через нее проезжали П.Карпини (1246), М. Поло (1260), Ибн Батута (1333), Эломозин (1336), Дж. Мариньолли (1338), испанец Пасхали (1338). Южная часть дороги ответвлялась в Ургенче и направлялась в Мавераннахар (Бухару, Самарканд), Семиречье, Монголию и в Китай. Этот путь, несмотря на протяженность (только из Азова до Ургенча 45 дней пути по суше), привлекал купцов благоустроенностью и безопасностью.

Две причины побуждали в это время европейских купцов на поиски новых путей сбыта далеко на Востоке. Во-первых, вздо-

рожение китайских товаров из-за наценок и налогов во время перевозки через мусульманские земли. Во-вторых, установление Монгольской империей относительного мира, упростившего поездки через степи. Это был период, когда Шелковый путь в равной степени был открыт как для западных купцов (Марко Поло и др.), так и для религиозных миссий (Джованни дель Плано Карпини, Гийом Рубрук, Андре Лонжюмо, Джованни Монтекорвино и др.).

Международной торговле Хорезма с Мавераннахром и Восточной Европой способствовали и водные пути. По словам агента флорентийской торговой фирмы Ф.Б. Пегалотти, путь из Золотой Орды в Хорезм был комбинированным, купцы передвигались частью водным путем, частью - сухопутным. Он и его спутники, прибыв в Сарай, спустились по Волге до ее устья и морем прибыли в Сарайчик. Раньше в 1338 г. по этому маршруту продвигался на Ургенч и далее до Алмалыка испанец Пасхалии. Этот водный путь был известен и в последующие века, его знали европейцы в XVI в. В 1558 г. А. Дженкинсон, проезжая через восточные берега Каспийского моря - Устюрт-Хорезм частично использовал водный путь.

Роль кочевников в торговле с Хорезмом специально отмечает анонимный автор «Худуд ал-Алама». Описывая столицу Хорезма Кят, он сообщает: «Кят главный из городов Хорезма, ворота в Туркестан гузский, складочное место товаров тюрок, место стечения купцов из Туркестана, Мавераннахра и области хазаров». Ещё большую роль играла вторая столица – Джурджания – Гургандж. Отсюда караваны направлялись к хазарам и в Хорасан. Ал-Максиди называет более 40 видов товаров, вывозившихся из Хорезма. Часть их была промежуточной, шедшая в виде транзитных товаров из оазисов к кочевникам. Наиболее массовыми из них были хлопчатобумажные и шелковые ткани и одежда. Географ ал-Истахри сообщает о столице Хорезма, что в ней производится множество одежды из хлопка и шерсти, которая вывозится в отдаленные места и, что большая часть их богатств от торговли с тюрками и разведения скота. «К ним попадает большая часть рабов из славян, хазар и соседних с ними тюркских народов, а также часть степных лисиц, соболей, бобров

и других». Арабский путешественник ал-Гарнати, возвращаясь из Руси и Булгарии через Хорезм, сообщает о многих городах, селениях, рустаках и крепостях Хорезма, о его фруктах, которых он не видел ни в одной другой стране. Особенно он выделяет дыни «вкуснее и прекраснее сахара и сотового меда, с зеленой коркой и черными крапинками, а внутренность её красная как сердолик, очень сладкая, которые подвешивают в домах на всю зиму и продают их на базарах. А также есть сорта винограда вроде фиников, красного и белого цвета, который подвешивают на зиму, и он дешев. Есть также яблоки, и груши, и гранаты, они украшают ими лавки все время, особенно весной, и кажется человеку, что они только что сорваны в саду».

Широко был известен хорезмийский талькохлорит, шедший на изготовление каменных котлов, самоцветы – использовавшиеся на украшения и конечно продукция из кожи и шерсти.

Ещё большое внимание торговой роли Хорезма уделяет ал-Макдиси. По его данным, «именно из Хорезма идут на рынки соболя, серые белки, горностаи, степные лисицы, куницы, бобры, лисицы, крашенные зайцы, козы, воск, стрелы, белая кора тополя, колпаки, рыбий клей и рыбы зубы, бобровая струя, амбра, кимухт (сорт кожи), мед, лесные орехи, соколы, мечи, кольчуги, береза, рабы из славян, бараны, коровы – все это от булгар. И в нем производится виноград, много изюма, печенье, кунжут, полосатые одежды, ковры, одеяла, прекрасная парча (для подарков), покрывала «мульхум», замки, цветные одежды, луки, которые могут натягивать только самые сильные люди, особый сыр, сыворотки, рыба. Суда там строятся и отделяются».

Хорезмийские воины сопровождали караваны через огузскую степь, служили в гвардии при европейских дворах, где было много и купцов из Хорезма.

Наиболее подробно Хорезм описан арабским путешественником Ибн Батутой, который посетил эту страну в 1334 г. Ибн Батута, проезжая из Золотой Орды в столицу Хорезма Куния Ургенч характеризует его как «самый значительный, красивый и величавый город тюрок с прекрасными базарами, широкими улицами. Из-за большого числа жителей он кажется волнуемым морем». Попав на рынок, он даже растерялся и лишь по-

сле долгих усилий смог выбраться. Сообщает он также о речной торговле по Джейхуну, «когда за 10 дней суда привозят в Хорезм ячмень и пшеницу даже из Термеза».

Ибн Батута свидетельствует о торговых связях Хорезма с Ираном, Ираком, поскольку видел иранские и иракские сосуды в домах жителей Ургенча - городского кази Абухафса Омара ал-Бакри и наместника Хорезма, эмира Кутлуг-Темура, который будучи родственником Узбек-хана, в своё время был наместником Хорасана и Крыма.

Среди хорезмских товаров он упоминает прекрасные дыни со сладкой красной мякотью, которые режут, сушат и вывозят даже в Индию, где Ибн Батуту угощал такой дыней султан.

Плано Карпини, посланник Иннокентия IV к великому хану в Каракорум (1245-1247), описывал Ургенч как богатый многолюдный город.

В составе Золотой Орды Хорезм играл важнейшую политическую, экономическую и культурную роль. Столица Хорезма Гургандж (Куны-Ургенч) являлась одним из самых больших городов Золотой Орды. Через нее проходили важнейшие торговые дороги Евразии, связывая Хорезм со многими странами Востока и Запада. Особую роль играли китайские товары, в том числе изделия из фарфора и селадона, а также зеркала, о чем свидетельствуют их находки в Хорезме.

Хорезм оказал влияние на сложение определенных типов глазурованной керамики и художественного декора в городах Золотой Орды. Немаловажная роль принадлежит Хорезму и в сложении мусульманской архитектуры в городах Золотой Орды.

Велика роль Хорезма и в исламизации Золотой Орды, распространении здесь учения Наджмиддина Кубро.

Начиная с 70-х годов XIII в., в Хорезме происходил подъем экономики, ремесел, сельского хозяйства, торговли. В это время, в частности, осуществляется чеканка собственной монеты, которая затем продолжалась на протяжении всего конца XIII-XIV вв., причем чеканили не только медные, но и золотые монеты.

Хорезм, Золотая Орда, Руси, Поволжье, Крым, Северный Кавказ, Дешт-и Кипчак, Хулагида, Китай Европейские страны и даже Египет были вовлечены в орбиту торговых отношений на

Великом Шелковом пути. Одним из факторов развития торговли в Хорезме XIII-XV вв. служили постоянные стабильные цены, по сравнению с европейскими городами Золотой Орды.

Гургандж, становится основным торговым центром Золотой Орды. Он обслуживал международную торговлю, играя роль транзитного пункта на караванных путях. В городе были караван-сарай, сочетавшие функции гостиниц и складских помещений. Для купцов-иностранцев организовывались специальные рынки наиболее ходовых товаров. На обслуживании торговых караванов работали люди многих профессий – переводчики, менялы, погонщики верблюдов, охранники караванов, сборщики налогов и т.д.

Правители стимулировали межконтинентальную торговлю и товарообмен металла, шерстяной и шелковой материи, шелка и хлопка, ковров и кожи, предметов роскоши, соли, хлеба, коней и прочего между Поволжьем, Средней Азией, Китаем, Кавказом, Ираном, Восточной и Западной Европой.

Товарооборот достиг во второй половине XIII и XIV в. невиданной доселе интенсивности.

Хива была известным торговым пунктом, возможно, главным центром земледельческого округа Южного Хорезма. Хива как крупный город Хорезма упоминается у Хамдалла-ха Мустоуфи-и Казвини (1281-1349), Ибн Фадлаллахаал-Омари (1287-1349).

Ал-Истахри, ал Мукаддаси характеризуют Хиву, как город на большой торговой дороге между Мервом и Гурганжом.

Одним из трех крупных городов Хорезма по разным источникам был Хазарасп («Тысяча лошадей»). Именно сюда кочевники пригоняли лошадей для продажи. Это была могучая неприступная крепость и красивый богатый торговый город на Амударье, стоявший на речном торговом пути в Маргиану и Бактрию, и на сухопутном пути в Согд. Из Хазараспа караваны уходили в Хиву.

Роль городов Хорезма и среди них не в последнюю очередь Хивы, возрастает с расцветом северной ветви Великого шелкового пути, который прошел через Самарканд, Бухару и Хорезм и, обогнув с севера Каспийское море, прошел на Кавказ и далее в Константинополь.

По этому пути развиваются связи с государствами Средиземноморья, Кавказа, Европы, идут трассы в города Великой Болгарии, Золотой Орды, в Русские княжества. По этому пути растекались китайские и согдийские шелка и золотошвейные ткани, одежды из шерсти, и хлопчатой бумаги, защитные доспехи и наступательные оружие: славившиеся на всем Востоке хорезмийские луки, чачские воинские сёдла, ферганские мечи из булатной стали; ковровые изделия и цветные кошмы, прекрасная посуда из керамики и стекла с тончайшими украшениями, и один из главных товаров – высокопробная серебряная монета, разошедшаяся от Испании до Швеции и Норвегии, от Киевской Руси до Новгорода. Расцветают ремёсла, растёт внутренняя торговля.

В результате военных походов Амира Темура против Тохтамыша основная торговая магистраль, соединяющая Запад и Восток, переместилась с севера через Дашт-и Кипчак на юг через города Средней Азии в Китай. В связи с этим значительно ослабла и роль Гурганджа (Куны-Ургенча) как одного из крупнейших торговых центров на Северном пути. Однако уже в конце 1391 г. Амир Темура отправил сына Джанги кавчина Мусаке, чтобы восстановить Хорезм, с чем связано и возрождение его экономической мощи.

При Амуре Темуре Хорезм в составе Мавераннахра, сохранил свое былое значение и по-прежнему оставался крупным торговым центром в Евразии, через него шел поток товаров из внутренних областей Мавераннахра и на внешние рынки. Как и прежде, торговые караваны шли от Ургенча через Арало-Каспий в Сарайчик и к столице Золотой Орды - Сараю. В это же время продолжали развиваться связи Хорезма с Китаем. Археологические материалы свидетельствуют о ввозе в Хорезм китайских керамических изделий поздней Минской эпохи (1368-1644). Большое число сосудов XV в. из Китая найдено при раскопках Ташкалы (1952г.) и Хивы (1984-1985гг.). Данные археологии подтверждаются письменными свидетельствами. В труде Хафиз- и Абру «Зубдат ат-таварих» упоминается о китайском посольстве в Герат, посетившем также правителей Самарканда, Ширази и амира Шах Малика, наместника Хорезма. А по

свидетельству Абдурразака Самарканди, в состав темуридского посольства, посетившего Пекин в 1420- 1421 гг. был включен представитель Шах-Малика.

Таким образом, стоявший на выгодных пересечениях путей из степных кочевий в оазисы и из дальних стран в Мавераннахр Хорезм играл большую роль как транзитный центр торговли и дипломатической активности. Он представлял собой как бы северные ворота Мавераннахра, откуда открывались пути к кочевникам Великой степи в северные государства – Хазарию, Булгарию, города Руси, Европу.

Использованные источники и литература

1. Хорезм в истории государственности Узбекистана. /Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Алимова. – Ташкент: УМФЖ, 2013; Буряков Ю.Ф., Грицина А. Мавераннахр на Великом Шелковом пути. – Самарканд-Бишкек, 2006; Ртвеладзе Э.В. Великий Шелковый путь. – Т.: ЎзМЭ, 1999; Кдырнязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезм в XIII-XIV вв. //АД. Самарканд, 2005.

2. Буряков Ю.Ф., Грицина А. Мавераннахр на Великом Шелковом пути. – Самарканд-Бишкек, 2006. – с.9.

3. Ртвеладзе Э.В. Великий Шелковый путь. – Т.: ЎзМЭ, 1999. – с.66-67.

4. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. – М.– Л., 1956. - С.460;

5. Кдырнязов М.Ш. Культура Хорезма в XIII-XIV вв. – Самарканд: «Zarafshon», 2005.– с. 242.

6. Ртвеладзе Ю.Ф. Указ. соч. – с.76.

7. Кдырнязов М.Ш. Указ. соч. – с. 242.

8. Кдырнязов М.Ш. Указ.соч. – с.243.

9. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. М.-Л., 1956. – С.313.

10 Кдырнязов М.Ш. Указ.соч. – с.243.

11. Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. – С.314-317.

12. Ртвеладзе Э.В. Великий Шелковый путь в средневековье // Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. Сб.тез.докл. межд.конф. – Ташкент – Самарканд: Изд-во РНПЦ Имама Бухари, 2007. – С. 34-37.

Кдырнязов М.Ш. Указ. соч. - С. 244.

13. Буряков Ю.Ф., Грицина А. Мавераннахр на Великом Шелковом пути. – Самарканд-Бишкек, 2006. –с.62-63.
14. Макдиси. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1. – М.-Л., 1939. – с. 202.
15. Ибрагимов Н. Ибн Батута и его путешествия по Средней Азии. – Москва, 1988. –С. 73-78.
16. Буряков Ю.Ф., Грицина А. Мавераннахр на Великом Шелковом пути. – Самарканд-Бишкек, 2006. –с.49.
17. Вактурская Н. К вопросу о культурных связях средневекового Хорезма с Китаем // Материалы второго совещания археологов, этнографов Средней Азии. М.; Л., 1955. С. 271-277.
18. Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // Советская Археология. 1971. № 1. – С. 127-139.
19. Кдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезм в XIII-XIV вв. //АД. Самарканд, 2005.– с.241.
20. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. – М.-Л., 1950. – С.141-179.
21. Федоров-Давыдов Г.А. Из истории денежного обращения средневекового Хорезма // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С.218-226
22. «Подарок созерцающим» странствия Ибн Батуты. /Каталог выставки. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитаж, 2015. – с. 359-364.
23. Хорезм в истории государственности Узбекистана. /Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Алимова. – Ташкент: УМФЖ, 2013. – с.143.
24. Амир Темур в мировой истории./Отв. ред. Х. Кароматов. – Т.: Шарк, 2001. –102-103.

**Межгосударственные отношения России и
Средней Азии и торговля чаем
(в XVI-XIX вв.)**

История чая, богатейшая история, уходящая корнями в древние времена. Действительно, сегодня чай занимает второе место в мире после воды, и трудно отыскать такой уголок на Земле, где не любили бы напиток.

Первое упоминание о чае восходит к глубокой древности. О том, как был обнаружен дикорастущий чай, рассказывают легенды Китая, Индии, Японии. Название «чай» — происходит из китайского языка. «Чай» по-китайски означает «молодой листочек», такое название закрепилось в IV-V в. н.э., когда в Китае сформировалась культура чаепития и укрепилась традиция производить чайный напиток только из своих молодых листочков. Все другие народы мира заимствовали свои наименования чая у китайцев. В Средней Азии сейчас чай называют «чай» или «чой».

Вначале выращивание чайного дерева хранилось в строгом секрете и под угрозой смертной казни, никому не разрешалось разглашать способ его хранения. Китайские императоры не желали делиться секретом удивительного напитка с чужестранцами.

Об этом упоминает А.Р.Беруни в своей книге «Китаб ас-сайдана фи-т-тиб», «место пребывания китайского царя (императора) находится в городе Йанджу, посередине которого протекает большая река... Доходы от этих мест идут в государственную казну. Купля и продажа запрещена там всем, за исключения царя. У них (в Китае) есть такой закон, если кто-либо без разрешения и указания царя купит или продаст чай, или похитит его, то этого вора убивают и его мясо съедают. Доходы с упомянутых нами выше мест принадлежат этому царю» [1, 336].

В эпоху династии Тан (618-906 гг. н.э.) чай приобретает статус элитного национального напитка и распространяется исключительно в кругу китайской аристократии. В это же период Китай начинает вести чайную торговлю по Шелковому пути, так о

существовании чая впервые узнают жители Индии, Восточного Туркестана, Средней Азии.

С середины VIII века получила большое распространение торговля чаем. Эта новая мода пить чай захватила не только китайцев, но и уйгуров и другие народы Средней Азии [4,45].

Ренессанс торговли чая пришелся на время правления китайской династии Мин (1368-1644), когда для приготовления чая стали употреблять цельные листья чая, варка чая заменилась завариванием, а сама культура чаепития приобрела массовое значение. Потоки чая хлынули в Среднюю Азию и на Ближний Восток.

По данным «Мин шу лу» («Записки о событиях в годы правления минских императора»), в период между 1368 и 1398 годами посольства от Амира Темура прибывали в Китай девять раз. За период 1403 по 1449 г. (время правления минских императоров Юнлэ, Хужи, Сюаньдэ и Чжэнтун) в Китай прибыли 33 посольские миссии из Самарканда и 14- из Герата, три – из Бадахшана, два – из Андхоя и по одному из Ходжента, Андижана и Маргилана [5, 124]. Все посольства увозили в Мавераннахр шелк, чай и другие китайские товары.

В ту же эпоху во время правления в Средней Азии Шахруха и Улугбека среди различных товаров главной статьей китайского экспорта в Среднюю Азию продолжал оставаться чай, который меняли на породистых лошадей. Это подтверждается сведениями из китайских источников. Так, в «Мин шу лу» сказано: «В начале (династии) Мин на востоке (страны) были рынки, (где торговали) лошадьми, на западе же чаем». Эти рынки использовались на покрытия расходов на (содержание) военных гарнизонов в пограничных провинциях» [6, 36].

В течение XVI — первой половины XIX вв. русско-среднеазиатские отношения осуществлялись по трем направлениям: через Поволжье (Астрахань и Нижегородскую ярмарку), Приуралье (Оренбург и Троицк) и Западную Сибирь. Русское правительство было крайне заинтересовано в развитии тесного сотрудничества со Средней Азией. В свою очередь и узбекские ханы, следуя интересам торгово-ремесленных кругов, предпринимали значительные шаги в деле укрепления торговли с России-

ей. Однако феодальная раздробленность и ограбления караванов сильно тормозили регулярное развитие торговли.

Русское правительство осуществляло важные мероприятия, направленные на развитие торговли с узбекскими ханствами. Примером этому может служить история чайных торговых отношений, которой и посвящена данная статья. Среднеазиатским купцам, ведшим посредническую торговлю со Средней Азией, Кашгарией, Индией и Китаем, предоставлялись всевозможные льготы. Поощрялось переселение выходцев из Средней Азии на территорию Западной Сибири.

Русское правительство, поощряя торговлю, преследовало политические цели. Так, если в конце XVI—первой четверти XVIII вв. оно делало упор в основном на укрепление своих позиций в Тобольске, Таре, Тюмени и Томске, то в дальнейшем — и на Иртышской линии. С 60-х годов XVIII в. среднеазиатским купцам было предоставлено право вести торговлю главным образом на Иртышской линии и Ирбитской ярмарке [3, 3].

К началу XVII в. в Сибири сложились благоприятные условия для деятельности среднеазиатских купцов. Покровительство царя способствовало появлению в Сибири и узбекских послов, целью которых было развитие торговых отношений с Россией. Правительство разрешило среднеазиатским выходцам селиться на территории Сибири. Так, в Тобольске, Тюмени, Таре образовались поселения выходцев из Средней Азии. Добровольно принявшие подданство русского государства, они в официальных документах назывались по месту жительства: «тобольские юртовские бухарцы» и «тюменские юртовские бухарцы» [3, 26]. Среднеазиатские купцы, временно посещавшие Сибирь по торговым делам, именовались «приезжими бухарцами». По утверждению Г. Н. Потанина, бухарцы разъезжали по всей территории Сибири и отлично знали ее состояние [3, 3].

В XVII в. Тобольск играл важную роль в развитии торговых отношений между Средней Азией и Сибирью. Он был узлом местных и транзитных дорог, соединявших его с городами Тобольского разряда, европейской и азиатской частями России, со Средней Азией, Джунгарией, Монголией и Китаем. Купцы прибывали из Средней Азии с большими и малыми караванами, во

главе каждого из них стоял каравайбаши, который в таможенных книгах назывался «караванной головой». В книгах отмечается, что в общей сложности, по неполным данным, за 1639—1672 гг. численность людей, прибывших в Тобольск с торговыми караванами, составила более 450 человек [3, 33-34].

Среднеазиатские торговые караваны обычно появлялись в Тобольске в осенние месяцы – в октябре (23,6 %), сентябре (21 %) и ноябре (18,4 %). В феврале, мае, июне, августе и декабре караваны приходили в Тобольск реже. И совсем их не было в январе, марте, апреле и июне. Подобное распределение прихода в Тобольск среднеазиатских торговых караванов по месяцам было связано со стремлением бухарских купцов миновать среднеазиатские пустыни и казахские степи до наступления в них летнего зноя и зимней стужи и поспеть в Тобольск ко временны в них массового приезда в него торговцев из Азиатской и Европейской России. В обратный путь среднеазиатские купцы отправлялись обычно в марте, проторговав в Тобольске всю зиму [2, 172].

В течение 1654-1670 гг. приезжие бухарские купцы торговали чаем. Вывозимые чаи составляли 1654-55 гг. – 1,5 п., 1657-58 гг. 7,5 п., 1668-1669 гг. 4,5 п., 1670-1671 гг. – 8 п. [2, 177].

В течение 1654-1670 гг. российскими торговыми людьми в Сибирь через Тобольск ввозился восточные товары, как бумага хлопчатая, бумага «шитый», чай, ремень, бадьян составлял 1654-55 гг. – 14 п., 1655-56 гг. – 9,75 п., 1669-70 гг. – 11,25 п., 1686-87 гг. – 3,5 п., 1703 г. – 1,5 п. [3, 179]. Приведенные данные отражают деятельность отдельных представителей российского купечества и юртовских бухарцев.

В XVII в. чай считался одним из продовольственно-лекарственных товаров, которые импортировались из Китая. Трава – чай впервые появившаяся на тобольском рынке в 1654 г. не сходила с него до конца века, но ввозилась она спорадически и в небольшом количестве.

Интересен ассортимент товаров, привезенных в сентябре 1660 г. бухарским караваном, включая в себе торговцах чаем. Так, купец Ш.Абизов — 960 китаек, 20 фатишек, 20 полукисейшек, 15 камок китайских, 4 пуда чаю травы; Б.Бозогоров — 440 китаек, 8 пудов чаю травы; О.Шатмаков — 240 китаек, 8 пудов чаю тра-

вы; К.Улугчаков — 140 китаек, 4 пуда чаю травы; Я.Курманов — 20 зенденей дюменди, 100 аршин бязи узкой, 40 мерлушек, 1 пуд бумаги хлопчатой, 3 пуда чая и 20 кож яшировых. Таким образом, ассортимент товаров сентябрьского каравана был более богатый, чем предыдущие, за счет чая и др. [3, 33-34].

Также в 1674 г. в тобольской таможенной книге отмечалось, что «приехали из Бухар к соли Ямышеву озеру, а из соли на государевых соляных дощанках приплыли в Тобольск приезжие бухарцы Шомамет Нуррашихов с товарищи 7 человек». Он привез разных родов тканей, а у других купцов было 280 китаек больших, 20 бязей китайских, 4 пуда травы чаю, 20 чашек ценинных, 12 блюд ценинных и др. [3,49-50].

Такие же караваны прибывали в 8 декабря 1684 года прибыл караван, груженный исключительно китайскими товарами—1600 концов китайки средней и малой, 380 доб разных цветов, 2 пуда чая зеленого, 600 бахч чая черного.

По-видимому, приезжие бухарцы, привозившие как китайские, так и среднеазиатские товары, относились к той категории купцов, которые играли посредническую роль в торговле Средней Азии с Россией и Китаем. Отсюда и смешанный ассортимент предметов торговли.

Кроме того, приезжим бухарцам запрещалось вывозить на свою родину деньги. Им вменялось на них приобретать русские товары. Российское правительство предписывало взять под строгий контроль деятельность приезжих бухарцев, чтобы они торговали только в отведенном им месте. Последняя мера была направлена на то, чтобы не допустить контрабандной или беспошлинной торговли.

В российском ввозе в Тобольск с Ямышевской ярмарки основное место принадлежало китайским, турфанским, яркендским и бухарским тканям. Остальные товары, как пушнина, одежда, хлопчатая бумага, чай, бадьян, ясырь занимали во ввозе небольшое место.

Господствующее положение среди восточных товаров, ввозимых в Тобольск российскими купцами с Яшмышевской ярмарки в 1668-1703 гг., занимали китайские (китайки, дабы, камки, луданы, атласы, бархаты, бумажные кушаки, чай, бадьян). На до-

лю китайских товаров в стоимостном отношении приходилось: в 1668-69 гг. – 79,8 % (358 руб.), 1683-84 гг. 51,8 % (1913 руб.), 1686-87 гг. 76,8 % (1775 руб.), 1703 г. – 94,1 % (628 руб.) [2, 199].

Китайские товары на Ямышевский ярмарке были не всегда. В 1688-1699 гг. в связи с военными действиями между монгольскими властями, в которых небезучастную позицию занимала Цинская империя, китайские товары на Ямышевскую ярмарку не поступали.

Торговые пути из Тобольск из Китая по Туркестанской дороге, входили, как это видно из тобольских таможенных книг 1639-1695 гг., хлопчатобумажные ткани, готовая одежда и продовольственно-лекарственные травы – чай, копытчатый и черенковый ревень. Иных китайских товаров в Тобольск по Туркестанской дороге в 1639-1695 гг. не ввозились [2, 201].

Как отметил О.Н.Вилков, в таможенных книгах есть вести о том, что в роли импортеров китайских товаров в Тобольск по Туркестанской дороге выступали казанские татары, тобольские служилые люди, служилые татары, посадские люди, юртовские бухарцы и среднеазиатские купцы. Другие категории российско-го и среднеазиатского населения китайских товаров в Тобольск по Туркестанской дороге не ввозили [2, 201].

В импортере китайских товаров в Тобольск по Туркестанской дороге господствующее положение и по количеству самих импортеров, и по стоимости ввозимых ими китайских товаров занимало среднеазиатское, а не российское купечество.

Удельный вес среднеазиатского купечества в импорте китайских товаров [2, 202]

Годы	1639-40	1644-45	1649-50	1654-55	1655-56	1657-58	1669-70	1694-95
Число среднеазиатских купцов	14	4	6	11	7	4	2	2
% к общему числу импортеров	87,5	80,0	60,0	78,7	100,0	80,0	100,0	100,0

Стоимость импортированных ими товаров руб.	138	18	359	3830	2259	965	43	282
% к общей стоимости импортированных товаров	79,3	69,2	58,3	90,3	100,0	99,4	100,0	100,0

Из российских торговцев китайские товары в Тобольск по Туркестанской дороге привозило в течение XVII в. преимущественно тобольское (азиатское), а не казанское (европейское) купечество. Если тобольчанами китайских товаров было доставлено на 692 руб., то казанцами – только на 32 руб. Важно отметить, что среди самих тобольчан наиболее часто и на большие суммы являли китайские товары посадские люди и юртовские бухарцы.

Собственно русское купечество ввозе китайских товаров по Туркестанской дороге до 50-х годов XVII в. не участвовало, его роль в импорте начинается возрастать с 1654-55 гг.

Интенсивность торгового движения с китайскими товарами по этой дороге в течение 1639-1695 гг. снизилась. Если в 1639-40 гг. по этой дороге пришло в Тобольск с китайскими товарами 14 чел., то в 1694-95 гг. уже только 2 чел.

Сокращение торгового движения с китайскими товарами по Туркестанской дороге отчасти было связано с переносом торгового движения на другие пути. Как отметил О.Н.Вилков, если в 1639-40 гг. на долю Туркестанской дороги приходилось 100 % всех поступающих в Тобольск китайских товаров, то в 1658-1703 гг. стоимость привезенных по ней товаров не поднималась уже выше 1,1 % [2, 202].

Таким образом, во второй половине XVII в. Туркестанская дорога утратила почти всякое значение для торговых связей Тобольска с Китаем, но, естественно, сохранила свою роль в развитии экономических связей Средней Азии и Россией.

В первой половине XVIII в. стала усиленно развиваться торговля с Китаем в Селенгинске и Нерчинске, а также через Ямышево озеро и крепости Семипалатинск, Петропавловск, Усть-

Каменогорск и Бухтарминск, расположенные по Иртышской линии. Однако несмотря на то, что Тобольск, Тара, Тюмень и Томск утратили свое былое значение в торговых отношениях со Средней Азией и Джунгарией, сюда, хотя и реже, прибывали приезжие бухарцы с товарами.

В таможенных книгах 1713 г. в Тобольск отмечено о приезде среднеазиатских купцов. В 30 декабря 1712 г. из Средней Азии Т.Хиджиным было привезено 680 зенденей и выбоек, 160 тюней китайки складной, 11 пудов чаю зеленого, 200 бахчей чаю черного, 10 мерлушек; Сеитовым — 90 тюней китайки складной, 15 поставов камок, 50 бахчей чаю черного, 5 пудов 25 фунтов чаю зеленого, 30 кушаков полущелковых; М.Мабадаевым, Б.Шемаметовым, Н.Бадаевым, Ч.Тайрым — 2960 зенденей, выбоек и бязей, 160 тюней китайки складной, 145 бахчей чаю черного [3, 74].

В начале XVIII в. русское правительство приступило к созданию оборонно-стратегических пунктов по верхнему Иртышу в целях обеспечения безопасности границ от вторжения кочевников и укрепления политических и экономических связей со Средней Азией, Казахстаном и Джунгарией. Образовалась укрепленная Иртышская линия на протяжении 888 верст, где к середине XVIII в. было зарегистрировано пять крепостей, как Омская в 1715 г., Железинская в 1717 г., Ямышевская в 1715 г., Семипалатинская в 1718 г. и Усть-Каменогорская в 1720 г. Крепости находились друг от друга на расстоянии 220 верст и более [3, 83].

Таким образом, весьма оживленная торговля через Ямышево озеро продолжалась и в начале XVIII в. В 30—40 годах XVIII в. среднеазиатская торговля в Ямышевской крепости значительно возросла.

Чай, как ассортимент русских товаров, распространялся на обширной территории Средней Азии, Казахстана и Джунгарии, наиболее полное представление можно составить по данным о купеческом караване, который прибыл от имени джунгарского правителя. Но этот караван, возглавлявшийся бухарцем Юсупом Ходжой, возвратился 18 июля 1746 г. из Тобольска на Ямышево озеро, где приобретенные 492 тюка русских товаров и в нём

были зафиксированы чай: 786 кирпичей чаю, 37 чинов чаю [3, 88].

Следовательно, ассортимент русских товаров включал в себя более 10 наименований, среди них был и кирпичные чаи. Бухарцы вывозили и китайские чай, что свидетельствовало о доставке его из Китая в Сибирь в довольно значительном количестве.

В середине XVIII в. цинские захватчики разгромили Джунгарию и овладели Восточным Туркестаном. В результате торговли на Иртышской линии значительно сократилась. С 60-х годов XVIII в. она вновь стала оживляться.

Среднеазиатские купцы привозили также китайские товары, как зеленый и черный чай в ямбах. В 1792 г. китайских товаров было привезено на 824 руб. Общая таможенная стоимость всех этих товаров, привезенных в Семипалатинск в указанный год, составила 5860 руб [, 92-93].

В XVIII в. в связи с ростом торговых связей Средней Азии с населенными пунктами Иртышской линии, в частности, с Семипалатинском, в отличие от «бухарцев» появляется новое, самостоятельное название «ташкентцы». В Семипалатинске, Петропавловске и других местах Сибирской линии возникают поселения ташкентцев, которые пользовались всеми льготами, предоставленными бухарцам.

Ташкентские купцы закупали в Кашгаре чай черный, чай кирпичный, чай зеленый и другие товары и везли через Ямышевскую и Семипалатинскую крепости в Сибирь . Торговля была меновая и денежная [7, 137]. Чай считался в числе среднеазиатских товаров, который считался транзитным товаром, поскольку привозился в Ташкент из Индии или Китая.

Одним из важных мероприятий администрации явилось открытие в конце 1870—начале 1871 г. ярмарки в Ташкенте. На осеннюю ярмарку, состоявшуюся в 1872 г. (с 3 октября по 1 ноября) прибыли купцы из Оренбурга, Троицка, Семипалатинска, Петропавловска, Акмолинска, Коканда, Бухары, Самарканда, Семиреченска, Ходжента и других районов Средней Азии и Казахстана.

Чай, сахар, напитки и проч., как ассортимент русских товаров через Оренбург, Троицк и Сибирь ввозились в Ташкент в 1869

г. 574127 руб., 1871 г. 851951 руб., 1873 г. 799505 руб., 1874 г. 434793 руб. [3, 138]. Чай являлся транзитным товаром для России. Межгосударственные связи между Средней Азией и Сибирью, в XVI—XIX вв. получили свое дальнейшее развитие. Русское государство осуществляло важные мероприятия, обеспечивавшие регулярное и интенсивное развертывание торговых связей. Большое значение имело поощрение русским правительством среднеазиатской торговли. Среднеазиатское купечество, сосредоточив в своих руках торговлю с Казахстаном, Джунгарией, Кашгарией, Китаем и Индией, играло посредническую роль в связях России с этими странами.

Среди восточных товаров, ввозимых в Тобольск, важное место занимали китайские товары, в том числе чай. Чай впервые появился в Сибири 1654 г. благодаря среднеазиатскими купцами. Он стал транзитным товаром для среднеазиатских и русских купцов и ввозился в XVIII вв. бухарскими и ташкентскими купцами. В XIX веке чай стал основным ассортиментом русских товаров везшихся через Оренбург, Троицк и Сибирь в Ташкент на ярмарках.

Использованные источники и литература

1. Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Том IV. Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сайдана фи-т-тиб). – Т.: «Фан», 1973.
2. Вилков О.Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII веке. – М., 1967.
3. Зияев Х. Экономические связи с Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. – Т.: «Фан», 1983.
4. Кобзева О.П., Тухтабеков К.А. Очерки по истории торговли и предпринимательства в Узбекистане. Т., 2008, - С. 45.
5. Буриев О., Колганов А. Об одном участке Шелкового пути. // На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути/ Под ред. Пугаченковой Г.А. – Т.: ФАН, 1990. – С. 124.
6. Мартынов А.С. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседив древности и средневековье. – М.: Наука, 1970. – С. 36.
7. Юнусходжаева М.Ю. Роль Ташкента в торговле России и Восточного Туркестана во второй половине XVIII в. // Позднефеодальный город Средней Азии. / Под ред. Мукминовой Р.Г. – Т.: ФАН, 1990. – С. 137.

**Из истории российско-бухарских отношений в
XVIII- середине XIX вв.**

Российско-бухарские дипломатические и торговые отношения были заложены в XVI веке, в основном в период правления Ивана Грозного и Абдуллахана II и развивались до середины XIX можно сказать относительно дружелюбно.

Хотя Я.В.Ханыков в «Пояснительной записке» писал, что торговый путь в Россию с берегов Джейхуна был известен уже с VIII века, о чем свидетельствовали найденные в России монеты из разных городов Мавераннахра [1, с.282], но активно эти связи стали развиваться, как было сказано с XVI века.

Для России Бухарское ханство представляло интерес, как важный потребитель российских товаров и как проводник, с помощью которого товары проникали в Афганистан и в Индию. В свою очередь бухарцы, с выгодой продавали или меняли свои ремесленные изделия на предметы первой необходимости, которые они не могли получить из других стран. Поэтому характер взаимоотношений между странами был более миролюбивый, чем скажем с двумя другими ханствами Кокандским и Хивинским.

Кроме этих обстоятельств, способствовавших дружбе двух народов, было и еще одно, устранявшие причины многих разногласий. Бухара, подобно Хиве или Коканду, никогда не соприкасалась границей с Россией, следовательно, здесь не могло быть и поводов к тем мелким пограничным спорам и разбоям, которыми беспокоили два других ханства.

Однако и в отношениях с Бухарой, в разные периоды и при разных ханах дипломатические отношения складывались неоднозначно. На эти отношения влияли порой как внешние условия и взаимоотношения России с Хивинским ханством, Персией и Турцией, так и внутренняя обстановка в самом Бухарском ханстве.

Именно, примером таких взаимоотношений является посольство ФлориоБеневени, отправленное Петром I в Бухару по

просьбе бухарского хана Абулфайз-хана в 1721 году. Посольство состояло из 8 человек, и значительного военного конвоя. Цели и задачи посольства определялись в секретной «Инструкции секретарю ориентальной экспедиции Флорио Беневени» от 13 июля 1718г., состоящей из 7 пунктов [2, с.132].

Главной задачей Ф.Беневени было всестороннее и детальное изучение положения дел в Бухарском ханстве и во всем прилежащем регионе: экономических и военных, гражданских и дипломатических, выяснение географических особенностей региона, рудных запасов и т.д.

Несмотря на заинтересованность в среднеазиатском золоте и торговых путях в Среднюю Азию и далее в Индию, после трагической гибели экспедиции Бековича-Черкасского в Хиве и неудачи экспедиции Бухгольца администрация Петра I, стала действовать более осторожно, понимая невозможность достижения своих целей в краткосрочной перспективе, сложность этого предприятия и его зависимость от действий среднеазиатских ханств.

Выехав из Москвы в начале осени, Ф. Беневени в ноябре 1718г. достиг Астрахани, там он принимает решение следовать в Бухарское ханство не через Хивинское ханство, а через Персию. Путь через Хиву представлялся слишком опасным, в связи с разрывом отношений между Россией и Хивинским ханством, последовавшим после гибели экспедиции Бековича-Черкасского.

Только в конце июля Ф.Беневени и Топчи-баши с сопровождающими их лицами пристали к персидскому берегу, проплыв расстояние в 500 верст. Однако в Персии посольство было задержано более чем на год. Отношение ширванского хана и его чиновников к посольству Беневени было далеко недружелюбным. Как пишет автор книги: «Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом»- А.Попов, по всей видимости причиной задержки посольства были враждебные отношения Персии к Бухаре и в беспокойной обстановке при дворе самого персидского шаха [3, с.272].

В Шемахе русское посольство понесло и человеческие потери- взбунтовавшиеся крестьяне убили на дороге к пристани Низовой переводчика посольства Павла Дмитриева, три чело-

века погибло в перестрелке с иранскими солдатами. Наконец в ноябре посольство прибыло в Тегеран, где Беневени был приветливо встречен шахом Ихтимат-Девлятом. Однако очень скоро в результате дворцовых интриг Ихтимат-Девлят был смещен. Это привело к тому, что русский посол был принят новым персидским шахом лишь 12 декабря 1720 г., и лишь в мае 1721 г. посольство покинуло Тегеран, и наконец направилось в Бухару. В ноябре 1721 г. посольство во главе с Беневени достигло Бухары, где ему была устроена торжественная встреча. Однако приезд русского посланника в Бухару вызвал недовольство отдельных видных эмиров при ханском дворе, опасавшихся, что русское влияние в Бухаре приведет к ограничению их привилегий.

Надо отметить, что в этот период на бухарском престоле восседал безвольный, не способный к управлению государством Абулфайз-хан, который не мог или не хотел противостоять царящей в стране политической раздробленности.

Во время пребывания в Бухаре Беневени не удалось серьезно обсудить с Абулфайз-ханом задачи своего посольства, связанные с заключением «оборонительного альянса», развитием взаимовыгодной торговли и присылкой русской гвардии для его охраны. Однако более чем за три года пребывания в Бухаре Ф.Беневени удалось собрать много сведений о внутри и внешнеполитическом положении Бухарского и Хивинского ханств, а также о рудных месторождениях в крае. Ф.Беневени получил данные о месторождениях золота, серебра, различных металлов и минералов в Средней Азии.

Беневени принял решение возвращаться в Россию через Хиву, куда его настойчиво приглашал Шергази-хан, обещая хорошо встретить и проводить до Астрахани.

8 апреля 1725г. Ф.Беневени тайно бежал в Хиву, оставив на знакомого русского купца все свое имущество в Бухаре. В Хиве посол был задержан под разными предлогами до августа, и только в сентябре, уже после смерти Петра I, ему удалось вернуться в Астрахань.

Посольство Ф.Беневени находилось в Бухаре в тот период (1721-1725гг.), когда политическая децентрализация, расстройство государственных дел в ханстве достигло своего апогея. Это

естественно не могло не сказаться на результатах деятельности русского посла. Однако в XVIII веке это было единственное официальное посольство России в Бухарское ханство.

По мере продвижения России к югу от реки Урал, дипломатические и торговые отношения с Бухарой начали приобретать более серьезное значение. Начиная с XIX века учащается посылка в Бухару российских чиновников и дипломатических миссий, например в 1802 году в Бухару был отправлен поручик Гавердовский, который в 1803г. прибыл в Оренбург, а 2 июля русский караван двинулся в путь. Вся группа вместе с казаками насчитывала около 50 человек. В г.Орске она объединилась с караваном русских купцов. После двухмесячного пребывания в пути, в безводной степи Муз-Тиль, на караван напали казахи-чикменцы и почти полностью его разграбили. Гавердовскому удалось спасти лишь дипломатические документы. Таким образом, первый опыт российского правительства с вооруженным караваном оказался неудачным. В 1809г. был отправлен офицер башкирского войска Субханкулов, а в 1820 – посольство статского советника Негри. Состав посольства А.Негри был достаточно солидным. В него вошли военные: капитан Е.Мейендорф и поручик В.Вольховский, инженеры Тафаев и Артюхов, которые получили задание составить маршруты путей и общую генеральную карту дороги в Бухару и обратно, а также был включен крупный ученый- натуралист Э.Эверсман. Хотя цель его путешествия была чисто научная – изучение «малоизвестных земель верхней Азии», но и ему вменялось в обязанность исследовать и объяснить, «какие части Азии наиболее заслуживают нашего внимания по торговым выгодам, кои представляют для России, и какие сведения могут быть для нас полезны». [4. с.79]

20 декабря 1820г. миссия вступила в Бухару и была принята во дворе Хайдар-ханом. И эмир, и его приближенные подчеркнули взаимную заинтересованность в безопасном движении караванов, обещая, что будут охранять своими войсками до Сырдарьи выходящие из ханства торговые караваны, а оттуда до Сибирской линии их должен сопровождать русский конвой.

В начале XIX века в Бухару отправлялось еще несколько российских миссий и караванов, но далеко не все они были

успешными. Так, например, в 1824 году оренбургские купцы в сопровождении военной части под руководством полковника С. Циолковского направлялись в Бухару, однако в январе 1825 г. караван наталкивается на сопротивление войск Хивы. Хивинский чиновник потребовал, чтобы караван отправился не в Бухару, а в Хиву. Это создало угрозу российско-бухарской торговле. В 1834г. в Бухаре побывал – ориенталист Демезон, в 1835 – прапорщик Виткевич.

Более или менее стабильными взаимоотношения России с Бухарой были налажены в период нахождения у власти в Бухаре хана Насруллы (1826-1860 гг.)

О дружеских взаимоотношениях России с Бухарой в этот период можно судить и о переписке того периода, приведем пример письма Оренбургского военного губернатора, генерал-адъютанта Перовского к Бухарскому эмиру Насрулле, от 6 октября 1836 года: «Толковнику премудрости и закона, достопочтенному, всесовершенному, славному, великому эмиру, потомку всемилостивого хакана, сосредоточию наук, благоустройства и славы, рассаднику благоденствия посылаем искреннейшее почтение и горячее расположение. Да укрепит вас Бог Всевышний и Всеславный на престол владычества и благодати, охраняя от бурь тлетворных и злых судеб, и да ниспошлет вам долголетие.....» [5. с.4]

«Ко всему этому имею удовольствие присовокупить приятное, вероятно, для вашего благолепного державного высокостепенства известие, что посол ваш, по ходатайству моему, удостоился быть представленным Его Императорскому Величеству, и что подданные ваши, торговцы-бухарцы, имели счастье быть представленными Государю Императору при проезде его через Нижний Новгород, между тем как находившиеся там же хивинцы не удостоились этой чести» [6 с.6].

Так красноречиво и можно сказать даже в какой-то степени льстиво обращался военный губернатор Перовский к бухарскому эмиру Насрулле. Эмир Насрулла, в свою очередь также всячески выражал свои дружеские чувства к России и за период с 1830 до 1843 года отправил в Россию несколько миссий. В 1836 г. в Орскую крепость прибыл бухарский посланец Караулбеги-КурбанбекАшурбеков, со свитой в 15 человек и четырьмя

аргамаками, назначенными в дар Высочайшему двору.

По прибытию в столицу, посол представил от эмира на Высочайшее имя грамоту и письма от кушбеги к министру иностранных дел и директору Азиатского Департамента. Цель посольства, кроме дружеских изъявлений и желаний эмира упрочить политические и торговые связи с Россией, состояла еще в передаче российскому правительству следующих сведений: 1) что англичане из Индии в недавнем времени присылали к бухарцам своих агентов, убеждая заключить условия, по которым англичане стали бы доставлять в Бухару все нужные товары, самым выгодным для бухарцев образом; 2) что кабульский правитель, также присылал к бухарскому хану нарочного с предложением заключить оборонительный союз, чтобы действовать против общих врагов.

28 марта посол возвратился в Оренбург. Ему вручены были ответная грамота Государя к эмиру, письмо вице-канцлера к кушбеги и особая нота. Кроме официальных документов были переданы в дар для эмира и его сановников различные подарки: меха, сукно и хрусталь.

В 1838 году был отправлен новый посол – Балта-Кули Бек Рахметбеков, бывший уже ранее в России в 1830 г. Посол этот, кроме грамоты от эмира к государю, писем от сановников к министру иностранных дел, Перовскому и другим доставил в подарок двору слона, аргамака и несколько кашемировых шалей и, сверх того вывез трех русских пленных.

Перовский так описал этого посла: «это был старик самых ограниченных способностей». С какой же целью приезжал этот посол эмира Насруллы. Из ответной грамоты русского Императора явствует, что Насрулла просил прислать к его двору горного инженера для исследования руд и отыскания металлов и дорогих камней. Просьба эмира была удовлетворена, и по Высочайшему повелению, в апреле 1839 года, была отправлена в Бухару особая экспедиция, под руководством горного инженера – капитана Ковалевского [7.с.82].

Со стороны горного начальства на Ковалевского было возложено собрание сведений о геогностическом строении почвы Бухарии, горном ее богатстве, драгоценных металлах, об обработ-

ке хорасанской стали и прочее. От Министерства иностранных дел – дана была инструкция: исхлопотать уменьшение пошлин, взимаемых с русских торговцев, узнать мнение бухарского правительства относительно учреждения в Бухаре постоянного русского консульства, собрать сведения о количестве, качестве и ценности английских товаров, исхлопотать свободу русским пленным, узнать о возможности распространения торговых отношений России через Бухару с Афганистаном, собрать сведения статистические и топографические о Бухаре и сопредельных странах.

Однако эта миссия закончилась неудачно по ряду причин: население было встревожено военным походом 1839 Перовского в Хиву и враждебно было настроено ко всем русским. К тому же хивинцы настроили киргизов против экспедиции и пытались арестовать миссию. В ноябре 1839 года миссия с трудом вернулась обратно.

Несмотря на это, в 1840 Насрулла вновь отправляет в Россию своего посла Муллу Мукинбека Муххамед Сеидова, со свитой в 39 человек и с неизменными аргамаками. В этот раз свита была составлена особенно парадно. Кроме двух сыновей посла, разных дипломатических чиновников и прислужников, в ней находились три пажа, скороход и четыре музыканта.

Видимая цель посольства состояла в жалобе на коварные действия Хивы и в просьбах о покровительстве бухарским купцам и дозволения бухарским богомольцам проходить в Мекку через Россию, но видимо были и другие секретные поручения.

Посол прибыл в Петербург 18 октября и лишь 4 февраля 1841 года пустился в обратный путь, но не достиг Оренбурга. Преклонные лета, утомительная дорога, повлияло на его здоровье и 27 февраля в Нижнем Новгороде посол скончался. Сыновья его получили разрешение вывезти тело в Бухару, с принятием на счет российской казны издержек на бальзамирование и доставку в Оренбург. Оставшееся у посла имущество было описано и впоследствии доставлено в Бухару миссией майора К. Бутенева.

Миссия Бутенева была отправлена в Бухару в мае 1841 года. В состав миссии вошли: горный инженер штабс-капитан Бого-

словский, натуралист, кандидат Дерптского университета Леман, титулярный советник Н. Ханьков, переводчик Костромитинов, топограф Яковлев, два горных мастера и др. С миссией отправлялись дети и свита покойного Мукинбека.

На К. Бутенева были возложены сложные щекотливые поручения, они касались, например таких вопросов, как уменьшение пошлин с российских купцов, выдача русских пленных, получение у хана разрешения на приезд в Бухару русского чиновника, с тем чтобы впоследствии, при благоприятных обстоятельствах, заменить его постоянным агентом.

Кроме всего прочего английское правительство несколько раз просило содействия России к освобождению английского агента Стоддарта, находящегося в плену у Насруллы-хана. И Бутеневу было поручено похлопотать и за Стоддарта.

Миссии назначалось пребыть в Бухаре около года и вернуться с караваном будущей весной, в случае же дурного приема, агент должен был превозмочь трудности и вернуться в Россию без всяких переговоров.

Как писал генерал Перовский- миссии первоначально был оказан самый благосклонный прием и дано разрешение членам посольства исследовать Восточную Бухару, менее известную русским. Сам К.Бутенев был радушно встречен во дворце эмира Насруллы, ему и свите был выделен большой дом в Бухаре и даже английскому пленному Стоддарту было разрешено жить вместе с ними.

В сентябре-октябре 1841г. Насрулла начал войну с кокандским ханом Мадали, первоначально удачно, и кокандский хан согласился на все условия и признал себя вассалом Бухары. Но вскоре обстоятельства изменились, кокандский хан нарушил условия перемирия и завладел вновь потерянными городами, изменилась и ситуация англичан в Афганистане, которых постепенно стали оттуда вытеснять. В связи со всеми этими обстоятельствами меняется отношение Насруллы к миссии Бутенева. Переговоры не продвигались и можно сказать зашли в тупик. В апреле К. Бутенев со своей миссией был отправлен обратно.

Русских пленных, которых поначалу Насрулла отпустил с миссией, по дороге отобрали, а в 1842г. были казнены английские агенты Стоддарт и Конноли.

Так развивались дипломатические отношения Бухары с Россией в период пребывания у власти бухарского хана Насруллы.

Вскоре, как мы знаем началось наступление войск Царской России в Туркестан и после захвата Ак-Мечети, Туркестана, Аулие-Аты, Чимкента, Ташкента и других городов, принадлежащих Кокандскому ханству, ареной последующих столкновений должна была стать территория Бухарского ханства. Однако сидящий в этот период бухарский эмир Музаффар, беспечный и пассивный по своей натуре, долго не предпринимал решительных действий. В 1866г. были захвачены города Бухарского эмирата – Ходжент, Джизак, позднее Ура-Тюбе, Каттакурган и Самарканд. 23 июня 1868 г. был подписан мирный договор. Эмир Музаффар был оставлен на престоле как вассал русского государства. Так Бухарское ханство утратило свою самостоятельность.

Использованные источники и литература

1. Я.В.Ханьков. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства. Записки Императорского Русского Географического общества. Кн.V.1851. с.282.
2. Гуломов Х.Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII- первой половине XIX века. Т.:» Фан»,2005, С.132.
3. Попов А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. //Записки ИРГО. Кн. IX.1853, С. 272
4. Гуломов Х.Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII- первой половине XIX века. Т.:» Фан»,2005, С.132.Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. М.1974, с.79
5. Н.Залесов. Туркестанский сборник. Т. 382. С.4.
6. Там же.С.6.
7. Гуломов Х. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII- первой половине XIX века. Т.:» Фан», 2005, С.82.

Из истории занятости населения Узбекистана

Известно, что труд в любом обществе всегда был важнейшим фактором исторического развития, а вопросы занятости и безработицы остаются самыми острыми и злободневными социально-экономическими проблемами, вызывающими особое, повышенное внимание не только государственных деятелей, но и исследователей. Государственная политика занятости зависит от многих факторов, но в первую очередь от государственного устройства, поставленных и решаемых политических и социально-экономических задач, а также используемых форм и методов достижения намеченных целей.

Безработица, как и любое социально – экономическое явление, имеет свое положительное и отрицательное влияние на экономику. Первое состоит в том, что, создавая угрозу потерять работу или же остаться без работы, безработица действительно заставляет человека лучше работать. Поэтому можно сказать, что она оказывает положительное влияние на развитие производства. В определенной мере она позитивно сказывается и на правовом регулировании труда. В некоторых развитых странах одним из средств сокращения безработицы или предотвращения ее дальнейшего роста явилось сокращения рабочей недели, снижение возраста выхода на пенсию, удлинение сроков обучения. Мы придерживаемся того мнения, что при эффективном функционировании экономики безработица в определенных допустимых пределах не является социальным злом и не становится источником социальной напряженности. Более того, наличие резервов труда в виде прослойки временно безработных является одним из условий нормального функционирования рыночной экономики. Для экономики в целом резерв трудоспособного населения просто необходим, иначе невозможны быстрые структурные изменения в народном хозяйстве, открытие новых производств или перепрофилирование уже имеющихся.

Приведенные мысли еще раз подтверждают тезис о том, что

определенный уровень безработицы является составной частью эффективно функционирующей экономики.

Этим научно обоснованным идеям основывался и руководство Узбекистана. Первый Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов на совещании, посвященном вопросам социальной защиты населения в период рыночных отношений, отмечал: «Пора избавиться от неправильного представления, если часть людей останется без работы, то у нас будет много нищих. Государство никого не оставит в беде. Но при отсутствии безработных не изменится отношение к труду, не научатся люди ценить рабочее место. А судьба наших экономических реформ во многом зависит от этих моментов» [6, с 243].

В условиях командно – административной системы до начала реформ в Узбекистане осуществлялась политика всеобщности труда, обязательности работы в сфере общественного производства, результатом чего явилось неэффективное использование трудового потенциала республики, деформированная структура занятости, дефицит высококвалифицированных рабочих кадров, при наличии значительных резервов рабочей силы на селе. Рынок труда отождествлялся с сознательно поддерживаемой безработицей, со стихией массовых увольнений и, как следствие, рассматривался как антиобщественное явление.

В январе 1991года на IV сессии Верховного Совета СССР были приняты Основы законодательства Союза ССР и Республик «О занятости населения» [10]. На базе этих основ в Республиках стали разрабатываться аналогичные законы, которые должны были обеспечить защиту населения от безработицы в условиях перехода к рыночным отношениям.

Придавая исключительно важное значение решению проблем, связанных с демографическими особенностями республики, рациональным использованием трудовых ресурсов, повышением занятости и социальной защитой населения, 5 мая 1991 года Президентом Республики Узбекистан была издана Указ «О преобразовании государственного комитета Республики Узбекистан по труду и социальным вопросам в Министерство труда Республики Узбекистан» [13].

Этот Указ Президента - был новым реальным шагом на пути

решения проблем труда, занятости населения и его рационального использования, обеспечения социальной защищенности граждан. Только в Хорезмской области, в созданные 12 бирж труда в середине июля 1991 года в поисках работы обращались почти 18 тысяч человек. Работа была предложена шести тысячам, и были трудоустроены около тысячи человек [1].

С обретением Узбекистаном независимости в сентябре 1991 года стало возможным и необходимым проведение самостоятельной политики обновления и прогресса, стержнем которой является приоритет потребности и интересов человека, повышение его благосостояния, формирования новых демократических институтов власти, обеспечение гражданского мира согласия в обществе.

13 января 1992 года для смягчения негативных последствий безработицы был принят Закон «О занятости населения» [8]. Этот закон определил организационные, правовые и социально-экономические гарантии реализации прав человека на получение работы в условиях рыночной экономики и равноправия различных форм собственности. Всем своим содержанием Закон создает условия, обеспечивающие на основе норм Конституции Республики Узбекистан и международного права занятости населения.

Созданию необходимых условий для активной и плодотворной трудовой деятельности способствовал Закон «Об охране труда» принятый в мае 1993 года [9]. В нем была предусмотрена система социально – экономических, организационных, технических, гигиенических и лечебно – профилактических мероприятий и средств, обеспечивающих безопасность, сохранение здоровья и работоспособности человека в процессе труда.

На начальном этапе экономических реформ в Узбекистане наблюдалась четкая тенденция снижения удельного веса государственного сектора в общей численности занятого населения и увеличения доли в ней негосударственных структур. Так, только в 1993 году численность работающих государственных предприятиях, в организациях сократилось на 370 тыс. человек. Напротив, в негосударственном секторе численность работающих увеличилось по сравнению с 1992 годом на 315 тыс. человек

и составила 3,6 млн. человек или 50 процентов экономически активного населения [12].

Вопросы занятости, равно как и трудовых отношений, всегда относились к компетенции Министерства труда, независимо от того, как оно называлось. До 1993 года этими вопросами занимался Государственный комитет по труду и социальным вопросам, с 1993 по 1998 годы – Министерство труда, с 1999 по 2015 годы – Министерство труда и социальной защиты населения, с 2016 года – Министерство труда, с мая 2017 года – Министерство занятости и трудовых отношений.

С 2018 года Министерства занятости и трудовых отношений проводит по новой методике разработку баланса трудовых ресурсов, занятости и трудоустройства населения, исследование домохозяйств по вопросам занятости, а также определение численности населения, нуждающегося в трудоустройстве в соответствии с постановлением Кабинета Министров от 22 декабря 2017 года.

В июле-августе Республиканский научный центр занятости населения и охраны труда при Министерства занятости и трудовых отношений выполнил социологическое исследование в 62 городах и районах республики. Охвачено 310 органов самоуправления граждан, 3100 домохозяйств и 16425 граждан. По итогам проведенного исследования уровень безработицы составил 9,3% к экономически активному населению, что на 0,4 процентных пункта ниже, чем в первом квартале года (9,7%) [3].

Наиболее высокий уровень безработицы был зафиксирован в Ферганской (10%), Андижанской (9,9%) и Сурхандарьинской (9,9%) областях, наиболее низкий — в Ташкенте (7,8%). Уровень безработицы среди молодежи (до 30 лет) составил 15,9%, уровень безработицы среди женщин — 13,4%. Хотя цифра безработицы за первое полугодие 2018 года (9,3%) более высока по сравнению с аналогичным периодом 2017 года (5,2%), это не значит, что безработица выросла как таковая. Это значит, что изменилась методика подсчета и публикуются максимально точные цифры. Новая методика позволила наиболее полно учитывать лиц, нуждающихся в трудоустройстве.

Количество трудовых ресурсов страны составило 18,8 миллиона человек — прирост на 0,1% к показателю первого квартала. Количество экономически активного населения достигло 14,6 миллиона человек (снижение на 0,4%), а экономически неактивного населения — 4,2 миллиона человек (прирост на 1,9%). Число занятых в отраслях экономики достигло 13,2 миллиона человек (прирост на 0,2%). Количество занятых в официальном секторе экономики составило 5,3 миллиона человек (снижение на 0,6%), при этом отмечается рост показателей лиц, занятых в дехканских хозяйствах — на 69,4%, предпринимателей без образования юридического лица — на 13,8% одновременно со снижением показателей занятых в юридических лицах в отраслях экономики на 1,7%.

Совершенствование методологии исследования домохозяйств позволило определить более достоверные показатели занятых в неформальном секторе — 7,9 миллиона человек (59,8% от общего количества занятых). Из них занятых на временных разовых и сезонных работах — 1,6 миллиона человек, а также лиц, выехавших на работу за пределы республики, — 2,6 миллиона человек.

В январе-июне в органы по труду обратилось за трудоустройством 345,1 тысячи человек. Из них трудоустроено — 119,8 тысячи лиц, привлечено к общественным работам — 213,6 тысячи, направлено на профессиональное переобучение — 8553, назначено пособие по безработице 6065 лицам.

В январе 2019 года Республиканский научный центр занятости населения и охраны труда при министерстве провел масштабное социологическое обследование в 66 городах и районах республики, которым были охвачены 330 органов самоуправления граждан, 3 300 домохозяйств и 17 392 граждан.

По итогам подведения результатов обследования уровень безработицы составил 9,3% к экономически активному населению, что на 0,3 процентов выше, чем в январе-сентябре текущего года (9,0%).

В Кашкадарьинской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областях зафиксирован наиболее высокий уровень безработицы, составляющий 9,7%, наиболее низкий — в Ташкенте (7,9%). Количество населения, нуждающегося в трудоустройстве, составило 1 368,6 тыс. лиц.

Уровень безработицы среди молодежи (до 30 лет) составил 15,1%, среди молодежи в возрасте 16–25 лет превысил 17,0%, уровень женской безработицы составил 12,9%.

Количество трудовых ресурсов составило 18,8 млн. населения. Количество экономически активного населения достигло 14,6 млн. человек, а экономически неактивного населения — 4,1 млн.

Число занятых в отраслях экономики достигло 13,2 млн. человек. Количество занятых в официальном секторе экономики составило 5,4 млн человек.

При этом отмечается рост показателей работающих на рынках (торговля, обслуживание покупателей и продавцов, челночный бизнес) и торгующих вне рынков (с лотка, вне стационарных точек торговли), одновременно со снижением показателей выполняющих временные сезонные работы (93,4%), выехавших на работу за пределы республики (91,9%), а также занятых в дехканских хозяйствах (96,0%).

Совершенствование методологии обследования домохозяйств позволило определить более достоверные показатели занятых в неформальном секторе — 7,8 млн. чел. (59,3% от общего количества занятых), из них занятых на временных разовых и сезонных работах — 1,6 млн. человек, а также лиц, выехавших на работу за пределы республики — 2,3 млн человек.

В январе-декабре 2018 года в органы по труду обратилось за трудоустройством 626 480 лиц (среди которых молодежь в возрасте 16–30 лет составляет 245 225), из числа обратившихся трудоустроено — 255 539 лиц, привлечено к общественным работам — 355 869, направлено на профессиональное переобучение — 20 543, назначено пособие по безработице 14 477 лицам.

17 октября 2018 года Президент Узбекистана подписал Закон «О частных агентствах занятости», который вступил в силу со дня его официального опубликования. Документ был принят 6 сентября Законодательной палатой Олий Мажлиса и 27 сентября одобрен Сенатом [4].

Закон предусматривает увеличение и расширение возможностей трудоустройства населения, как на предприятиях страны, так и за рубежом, четкое регулирование механизмов взаимо-

действия государственных служб и частного сектора занятости, определение порядка и условий оказания услуг по трудоустройству, включая права и обязанности частных агентств занятости, предприятий и лиц, ищущих работу.

В своем докладе на торжественном собрании, посвященном 26-летию принятия Конституции Республики Узбекистан, Президент Шавкат Мирзиёев подчеркивал: «Нам нужно принять безотлагательные меры по обеспечению занятости населения и сокращению уровня безработицы.

Возникает вопрос: каково реальное число безработных в нашей стране? Какой процент населения занят в неофициальном секторе? Сколько наших соотечественников уехали за рубеж в поисках работы? Нам следует понять, что один безработный – это десять проблем. Если попытаться оценить потенциальный ущерб, наносимый семье, махалле, обществу, вы увидите, насколько острым является этот вопрос.

Весомая работа проделана в рамках принятых в нынешнем году программ «Каждая семья – предприниматель» и «Молодежь – наше будущее». Населению, особенно молодежи, предоставлены большие льготы в целях поддержки их инициатив, организации бизнеса. Мы будем оказывать им всестороннее содействие и в следующем году и возьмем под строгий контроль выполнение этих программ» [2].

Правительство Узбекистана принимает меры по сотрудничеству со странами, которые принимают трудовых мигрантов из Узбекистана. Так, в декабре 2017 года было принято Соглашение с Российской Федерацией о сотрудничестве в области внешней миграции – «Об организованном наборе и привлечении граждан Узбекистана для осуществления трудовой деятельности в России». Утверждена детально подготовленная «дорожная карта» по реализации планомерной работы в области трудовой миграции в сотрудничестве с Российской Федерацией. На сегодняшний день Агентство по внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений заключило договоры с Российской Федерацией, некоторыми европейскими странами, Японией и Южной Кореей. 22 ноября 2017 года Министерство занятости и трудовых отношений приняло делегацию МИД Республики

Филиппин, что является большим шагом в развитии миграционного законодательства на основе опыта этой страны [5].

В Республике Узбекистан принимаются конкретные и действенные меры, направленные на предупреждение и полное искоренение принудительного труда во всех сферах жизнедеятельности человека. Примером этому является Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 10 мая 2018 года № 349 «О дополнительных мерах по искоренению принудительного труда в Республике Узбекистан» [7].

В заключение можно сказать, что непрерывный рост трудовых ресурсов в Республике Узбекистан обязывает принять глубоко продуманную систему программ по обеспечению занятости населения. Принятые меры способствовали полному исключению детского труда, а также созданию достаточной нормативно-правовой базы для предупреждения и недопущения принудительного труда, что было высоко оценено мировым сообществом, в том числе МОТ, Всемирным банком и Европарламентом. Именно такая поддержка может служить для устойчивого роста национальной экономики, обеспечения гарантированной занятостью и повышения благосостояния населения.

Использованные источники и литература

1. Бекниёзов, О. Состояние занятости Хорезмской области. /О. Бекниёзов// Правда Востока. –1991. -№176. – С. 2.

2. «Всесторонне развитое поколение – основа великого будущего, созидательный труд народа – основа благополучной жизни, дружба и сотрудничество – гарантия процветания» Доклад Президента Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 26-летию принятия Конституции Республики Узбекистан [Электронный ресурс] URL: <http://uza.uz/ru/politics/vsestoronne-razvitoe-pokolenie-osnova-velikogo-budushchego-s-08-12-2018> (Дата обращения: 7.01.2019)

3. Газета.uz. Уровень безработицы составил 9,3%. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/10/04/employment/> (Дата обращения: 9.01.2019)

4. Закон Республики Узбекистан от 16.10.2018 г. N ЗРУ-501 О частных агентствах занятости// Национальная база данных законодательства (www.lex.uz), 17 октября 2018 г.// Газета «Народное слово» 17

октября 2018 г. // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2018 г., N 42, ст. 826.

5. Источник: <https://mehnat.uz/ru/newnews/view/1086>.

6. Каримов, И. А. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. [Текст] /И.А. Каримов. – Т.: Узбекистан, 1993. – С. 243.

7. О дополнительных мерах по искоренению принудительного труда в республике Узбекистан [Электронный ресурс]: Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 10.05.2018 №349 URL:http://lex.uz/docs/3730231?query=%D0%BE%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BD*%20%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%B0 (Дата обращения: 5.12.2018)

8. О занятости населения в Республике Узбекистан. [Электронный ресурс]: Закон Республики Узбекистан от 13.01 1992 №510-XII URL: <http://www.lex.uz/m/acts/9878> (Дата обращения: 7.01.2019)

9. Об охране труда [Электронный ресурс] Закон Республики Узбекистан от 6.05.1993 №839-XII – Режим доступа: URL: <http://www.lex.uz/docs/97258> (Дата обращения: 10.12.2018)

10. Основы законодательства Союза ССР и Республик «О занятости населения» // Правда Востока –1991. - № 24. – С. 2.

12. Текущий архив министерства Труда Республики Узбекистан. Д №1 л.14

13. Указ Президента Республики Узбекистан «О преобразовании государственного комитета Республики Узбекистан по труду и социальным вопросам в Министерство труда Республики Узбекистан»// Правда Востока –1991. – №102. – С. 1-2.

**Гендерные стереотипы: влияние на формирование
неравноценных социальных статусов и ролей
мужчин и женщин**

ООН в своих основополагающих документах, направленных на обеспечение устойчивого развития человеческой цивилизации, обуславливает необходимость достижения гендерного равенства прав и возможностей мужчин и женщин, устранения гендерных стереотипов с целью наиболее полной реализации их потенциала для общественного развития. Изучение проблем равенства прав и возможностей мужчин и женщин, гендерных стереотипов несомненно, вызывает интерес в современной гендерологии, поскольку именно в ней ярко отражается мировосприятие касательно гендерных отношений в обществе.

Гендерные стереотипы основываются на биологическом различии мужчин и женщин, разделении труда по гендерному принципу, которые в социальной жизни традиционно преобразуются в социальные ожидания в отношении моделей поведения «мужчин» и «женщин» под влиянием экономических условий, культурных, конфессиональных традиций и других социально значимых факторов, взаимно дополняющих друг друга.

Проявление гендерных стереотипов исторически относительно и многообразно. Здесь биологические различия становятся основой строгой иерархии, когда отрицается возможность равенства мужчины и женщины на биологическом уровне, когда мужское начало считается первостепенным, главным, позитивным, а женское - второстепенным, менее значимым, и поэтому всегда подчиненным «мужскому». Так как это воспринимается социумом, особенно традиционным обществом развивающихся стран, как естественное состояние, естественно данное, формируется и закрепляется гендерное неравенство во всех сферах жизнедеятельности мужчин и женщин. Виды деятельности, предопределенные гендерным разделением труда, сопровождаются формированием соответствующих обычаев и норм.

Многочисленные исследования, проведенные в разных регионах мира, убедительно доказывают, что в плане интеллектуального развития и способностей женщины и девочки не отстают от мужчин и мальчиков. Однако до сих пор во многих странах к женщинам не относятся как к равным с мужчинами, из-за чего они не получают равных прав, возможностей, которые считаются присущими мужчинам и мальчикам с рождения. Сложившиеся на этой почве гендерные стереотипы определяют их неравноценные социальные статусы, социальные роли и функции, ограничивая, в первую очередь, возможности женщин в образовании, профессиональной деятельности, доступе к власти и экономическим ресурсам, принижая их социальные и семейные роли. Сформированный обществом традиционный стереотип: мужчина-добытчик, кормилец, женщина домохозяйка приводит к пониманию мужской роли как общезначимой, доминирующей, общественно активной, а женской как выражающей нечто частное, семейное, подчиненное интересам мужчины.

Гендерные стереотипы обуславливают нормы поведения, строго определенные социальные роли исходя из принадлежности человека к мужскому или женскому полу и особенностей этнической культуры. Благодаря традиционной этнокультуре разных народов, системе образования и воспитания у детей в процессе взросления формируются определенные гендерные нормы, правила поведения, убеждения, ценности, представления о «настоящей мужчине» и «настоящей женщине», представляющие собой фактически систему власти и доминирования. Они влияют на сознание и самосознание мужчин и женщин, играют огромную роль в их отношениях, транслируются из поколения в поколение, формируя общественное сознание, убеждения в правильности такого неравнозначного деления, что находит свое отражение в разной форме в обычаях, традициях, религии, укладе жизни, морали, праве, мифах, художественных произведениях, историческом наследии народов. Традиционные гендерные стереотипы, касающегося места и роли мужчин и женщин в обществе, где женщина зависима от мужчины благополучно дожили до наших дней мало меняясь в течении тысячелетий. Труд как домашний, так и общественный, разделенный по признаку пола

традиционно низко оценивающий вклад женщин привел к доминированию мужчин в отношениях между полами, основой которых являлись дискриминация, сегрегация и неравнозначное разделение труда. Вследствие этого гендерные стереотипы уже на уровне домохозяйства определили доминирующие модели гендерного неравенства в зависимости от пола и этнокультуры общества. Гендерное разделение домашнего труда в семье предполагает традиционное разделение разновидностей домашнего труда на «мужской» и «женский», при котором большая доля домашнего труда становится женской обязанностью, значительно превышающей мужскую. Несмотря на растущую активность современных женщин в сфере оплачиваемого труда, тем не менее, неизменной остается неравномерное распределение домашнего труда в семье между мужчинами и женщинами.

Такое гендерное разделение домашнего труда характерно для всех стран мирового сообщества и оно связано с гендерными стереотипами, культурными предписаниями. В общественном сознании господствует неравный социальный статус мужчин и женщин, патриархальные доминанты: мужчина должен играть ведущую, активную роль в мире, обществе, семье, а женщина - подчиненную, пассивную, что отражается на результатах их деятельности. Общественное сознание и соответствующие им гендерные нормы, патриархальное разделение труда отводит женщине статус жены, матери и человека, ответственного за ведение домашнего хозяйства, рождение и воспитание детей. Большинство женщин, вынужденно отказываются от занятости в связи с необходимостью выполнять эту роль [1]. Таким образом сформированные традиционные гендерные роли, основой которых стали представления о том, какие профессии в каждом конкретном социуме относятся к «мужским» или «женским» превратились в набор ожидаемых норм поведения, виды деятельности, профессии для мужчин и женщин. Отклонение от такого гендерного стереотипа, предписанных обществом социальных и культурных ролей, норм поведения до сегодняшнего дня является господствующей формой гендерных отношений, расценивается как утрата «мужественности» у мужчин, «женственности» у женщин. Несмотря на широкое вовлечение со-

временных женщин в производство, изменение ее место в общественном разделении труда, на ее более независимое положение, активное участие в политической и экономической деятельности не привело к отказу исторически сложившегося стереотипа низкой оценке женщины в общественной жизни, заметному изменению традиционных гендерных установок. От этих гендерных стереотипов страдают оба пола, ибо свобода выбора индивида во всех областях деятельности, в том числе в сфере труда становится ограниченной, приводя во многих случаях даже торможению развития личности и мужчин, и женщин, общество в целом. На это обратили внимание авторы доклада Международной организации труда «Женщины в сфере труда: тенденции 2016 года» изучив данные по 178 странам. Они пришли к выводу, что неравенство между мужчинами и женщинами сохраняется во многих областях глобального рынка труда и за последние два десятилетия значительные успехи женщин в сфере образования не воплотились в соизмеримое улучшение их положения на рынке труда [2]. Согласно проведенному в 2016 году исследованию McKinsey Global Institute, гендерное равенство могло бы увеличить мировой ВВП на 12 триллионов долларов к 2025 году. Многочисленные исследования специалистов выявили, что быстрый экономический рост в ряде стран связан с увеличением занятости женщин в различных отраслях их экономики. Они подчеркивают, что чем выше уровень участия женщин в мировой экономике, тем лучше результаты как на уровне отдельно взятой компании, так и всего мира. Например, банк Credit Suisse провел в 2016 году исследование, изучив гендерную ситуацию в руководстве трех тысяч компаний. Выяснилось, что компании, руководство которых было смешанным, имели более высокие показатели на фондовом рынке[3]. В исследовании МВФ –за 2016 год, в котором изучались данные 2 млн компаний в 34 странах Европы, также делается вывод о том, что чем больше грамотных и компетентных профессионалов женщин занимают должности высших руководителей в советах директоров компаний, тем выше рентабельность фирм[4]. Однако многочисленные гендерные исследования, посвященные гендерным стереотипам выявили устойчивость представления о различиях между муж-

чинами и женщинами, о их месте в обществе, общественном производстве и управлении, где традиционно женщин меньше на всех уровнях, и прежде всего на властном уровне.

Гендерные стереотипы и гендерные представления оказывают влияние на рынок труда, где господствует разделение на мужские и женские профессии, мужские и женские сферы занятости, профили обучения на «женские» и «мужские». О таком разделении начинают упоминать еще в школьные годы, поэтому на подсознательном уровне дети делят предметы на те, которыми им по половому признаку заниматься «можно», и на те, которыми «нельзя» [5]. В семье тоже часто родители ориентируют девочек на профессии, более совместимые с семейной жизнью.

Данные гендерные нормы поддерживаются при помощи разных механизмов социального типа, в том числе и СМИ. Как показывают результаты Глобального мониторинга СМИ (2010), посвященного исследованию по гендерному освещению и представительству в СМИ в 108 странах мира, только 24% упоминаемых в средствах массовой информации людей составляют женщины. Только 13% всех репортажей посвящены женщинам. Женщины-репортеры делают 37% всех сюжетов. Женщины составляют менее 20% от всех интервьюируемых СМИ экспертов. 46% всех новостных сюжетов способствуют укреплению гендерных стереотипов. Лишь 6% всех сюжетов посвящено вопросам гендерного равенства или проблемам, связанным с ущемлением прав женщин [6]. Гендерные стереотипы оказывают негативное влияние и в сфере образования: по данным 2015 года в мире в целом данный индикатор составляет 95%. Только в 25 государствах женщины и мужчины имеют равный доступ к образованию. Однако в 22% стран отставание женщин усилилось с 2006 года. В 97 государствах в ВУЗы поступает больше женщин, чем мужчин, но только в 68 странах женщины составляют большинство квалифицированных работников, а большинство руководителей и политических лидеров - лишь в четырех [7]. Девочки реже получают начальное или среднее школьное образование, по сравнению с мальчиками хотя исследования показывают, что вложение средств в образование девочек положительно сказывается на экономическом положении страны.

По оценкам Всемирного банка (2018) убытки глобальной экономики из-за недоступности образования для девочек составляют 30 триллионов долларов в год [8]. В настоящее время серьезное внимание обращается на проблему малого представительства женщин в науке, непризнания женщин-ученых. В масштабном исследовании ЮНЕСКО «Доклад по науке: на пути к 2030 году» еще раз подчеркивается, что наука всё ещё по преимуществу является мужским миром. Как указано в исследовании, среди научных работников женщин-ученых намного меньше, чем мужчин. По данным ЮНЕСКО (2018) только три из десяти (28,8%) исследователей по всему миру были женщинами[9]. Женщины-учёные имеют меньший, чем мужчины, доступ к финансированию и хуже представлены в престижных университетах. Их по-прежнему сравнительно мало и на ответственных постах - как в административных советах, так и во главе университетов[10]. В докладе ВОЗ «Глобальная сеть кадровых ресурсов в области здравоохранения и движение «Женщины в глобальном здравоохранении» (2019), представленной Комиссии по положению женщин отмечается, что гендерное неравенство в кадровых ресурсах здравоохранения остается серьезной проблемой: женщины составляют 70% кадровых ресурсов здравоохранения, но лишь 25% занимают руководящие должности. Мужчины возглавляют 69% и являются председателями правления 80% глобальных организаций здравоохранения. Гендерное равенство в составе правления и старшего руководства обеспечивается, соответственно, лишь в 20% и 25% глобальных организаций здравоохранения. Этот гендерный дисбаланс на руководящих должностях обусловлен стереотипами, дискриминацией и неравенством возможностей [11]. В докладе Международного союза электросвязи (МСЭ) «Измерение цифрового развития: факты и цифры, 2019 год» отмечается:». В целом доля пользующихся в мире интернетом составляет 48% у женщин и 58% у мужчин. Больше мужчин, чем женщин используют интернет во всех регионах мира, за исключением Северной и Южной Америки, где в этом отношении практически достигнут паритет.» В докладе подчеркивается, что «цифровой гендерный разрыв» сократился на пространстве СНГ и Европы, но одновременно он растет

в Африке, арабских государствах и в Азиатско-Тихоокеанском регионе...Наибольшим он является в развивающихся странах, особенно в группе наименее развитых государств». В большинстве стран мира, включая Китай, Индию, Францию и Германию, всемирной сетью больше пользуются мужчины [12].

В исследовании Всемирного банка «Женщины, бизнес и закон – 2019: Десятилетие реформ», посвященной правам женщин и мужчин в 187 странах за последние десять лет по 35 аспектам подчеркивается, что в 131 стране мира осуществлены 274 реформы нормативно-правовой базы, способствовавшие расширению участия женщин в экономической жизни. 35 стран приняли меры правовой защиты от сексуальных домогательств на рабочих местах, и сегодня такой защитой пользуется почти на два миллиарда женщин больше, чем десять лет назад. Несмотря на такой прогресс в мире женщинам предоставляется лишь три четверти юридических прав, которыми обладают мужчины. 56 стран – во всех регионах и с самыми разными уровнями дохода – не провели за десять лет никаких реформ, направленных на упрочение равенства возможностей женщин. 6 стран – Бельгия, Дания, Латвия, Люксембург, Франция и Швеция – набрали максимальную сумму баллов – 100: это означает, что они предоставляют мужчинам и женщинам равные юридические права в исследуемых сферах [13]. Узбекистан набрал 70,63 балла и занял 127-е место. В вопросах свободы передвижения и владения имуществом, по данным экспертов, Узбекистан набрал 100 баллов. Худшие результаты относятся к сферам трудоустройства, зарплаты и выхода на пенсию – по 50 баллов в каждой [14].

Такое разделение в разных сферах наблюдается во многих странах. В исследовании Всемирного экономического форума (WEF), посвященной анализу Индекса гендерного разрыва (2019) в 153 странах подчеркивается, что при сохранении текущих тенденций, человечеству чтобы преодолеть гендерное неравенство потребуется еще 99,5 лет. Как следует из доклада, человечеству потребуется ещё 257 лет, чтобы достичь полноценного гендерного равенства в области экономики, около 95 лет в сфере политики [15].

Вопросы обеспечения гендерного равенства и преодоления гендерных стереотипов актуальны и для Узбекистана. Результаты социологических исследований показывают, что в государстве делается все возможное для создания необходимых условий для повышения социально-экономической и политико-правовой активности женщин. По мнению 81,5 процента респондентов, никто и никакое обстоятельство не препятствуют женщинам участвовать в работе общественных или политических организаций. Однако в обществе все еще не изжиты стереотипы в отношении женщин, их роли и место в семье, где главой является мужчина, которому принадлежит право принимать окончательные решения по ключевым вопросам [14]. Несмотря на значительный прогресс в вопросе увеличения числа женщин в новом парламенте Узбекистана гендерный разрыв в отдельных сферах, например, на уровне принятия решений, сохраняется на достаточно высоком уровне. Так, доля женщин среди руководителей организаций и предприятий составляет всего 11% (2018), среди судей 11% (2019), среди собственников земли 18% (2019), в Законодательной палате Олий Мажлиса 32% (2020) [16].

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, выступая на двадцатом пленарном заседании Сената Олий Мажлиса (2019) признал, что «из-за недостаточного внимания на протяжении долгих лет к нуждам и заботам женщин сегодня решение накопившихся социальных проблем в этой сфере, откровенно говоря, дается нелегко». «Меня волнует стереотип, укоренившийся в сознании наших людей. Обычно мы почитаем женщину прежде всего как мать, хранительницу семейного очага. Это, безусловно, правильно. Однако сегодня каждая женщина должна быть не пассивным наблюдателем, а активным и инициативным участником демократических преобразований, осуществляемых в стране» [17].

Ныне особо важное значение приобретает вопрос подготовки девочек и девушек к самостоятельной жизни, обучения их современным знаниям и профессиям, реализации их способностей и потенциала во всех областях жизнедеятельности.

Гендерная политика в республике направлена на устранение дискриминации по признаку пола, на достижение равенства прав, выгод, обязанностей и возможностей мужчин и женщин во всех

сферах жизнедеятельности общества, всестороннюю поддержку женщин. С целью регулирования общественных отношений в сфере обеспечения гарантий равных прав и возможностей мужчин и женщин, и предотвращения дискриминации по признаку пола, а также для обеспечения гарантий равных прав и возможностей мужчин и женщин в политической, социальной, экономической, трудовой, культурной и иных сферах жизнедеятельности общества в республике приняты законы “О гарантиях равных прав и возможностей для мужчин и женщин“, “О защите женщин от притеснений и насилия“(2019), подписано постановление Кабинета Министров «О мерах по совершенствованию системы защиты женщин и девушек от притеснения и насилия» (2020). В законе “О гарантиях равных прав и возможностей для мужчин и женщин“ прописана, что «государственная политика в сфере обеспечения равных прав и возможностей мужчин и женщин – целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества, направленная на обеспечение равенства полов», а «гендерные стереотипы это устойчивые представления общества о различиях в социальных ролях между мужчинами и женщинами, основанные на идее превосходства одного из полов» [18].

Таким образом, подводя итоги о влиянии гендерных стереотипов, сформированных в обществе через гендерные отношения, необходимо подчеркнуть, что сложившая асимметрия между полами не является результатом только биологических отличий, связанных с репродуктивной функцией. Она формируется, воспроизводится как принцип взаимодействия полов, создавая стереотипное представление о «женском» и «мужском» этнокультурой, этносоциальной жизнью, этнопрактикой взаимодействия полов. Существование скрытой гендерной дискриминации, так называемого «стеклянного потолка» приводят к гендерным диспропорциям в разных регионах мирового сообщества, препятствуют полной реализации личных жизненных целей как мужчин, так и женщин. Несмотря на кардинальные социальные изменения гендерные стереотипы как своеобразные барьеры продолжают существовать, оказывая негативное влияние на установление подлинного гендерного равенства, эгалитарного типа развития в современном обществе.

Сложившаяся ныне ситуация в мире такова, что она требует осознания проблемы и реальных действий, направленных на создание новой модели мира, основанной на принцип гендерного равенства прав и возможностей.

Использованные источники и литература

1. Гендерная дифференциация на рынке труда: тенденции и проблемы <http://mirperemen.net/2017/03/gendernaya-differenciaciya-na-rynke-truda-tendencii-i-problemy/>

2. Во многих областях глобального рынка труда сохраняется значительное гендерное неравенство, говорится в новом докладе МОТ <http://www.unrussia.ru/ru/un-in-russia/news/2016-03-15>

3. Женщины принесут миру триллионы долларов. Надо лишь подождать пару веков <https://www.genderperspectives.by/novosti/517-zhenshchiny-prinesut-miru-trilliony-dollarov-nado-lish-podozhdad-paru-vekov>

4. Гендерная дифференциация на рынке труда: тенденции и проблемы <http://mirperemen.net/2017/03/gendernaya-differenciaciya-na-rynke-truda-tendencii-i-problemy/>

5. Девушки и технические науки <http://heresyhub.com/o-feminizme-i-stereotipah/>

6. Новая роль ИКТ в решении гендерного вопроса http://iite.unesco.org/files/news/639083/Gender_ICT_Tokareva.pdf

7. Россия в 2015 году осталась на 75-м месте в индексе гендерного разрыва ВЭФ <http://www.interfax.ru/business/480154>

8. «Россиянки массово испугались конкуренции с мужчинами в работе» https://aqqarat.info/news/2018/11/19/9058427-rossiyanki_massovo_ispugalis_konkurencii.html

9. Женщин-ученых меньше, чем мужчин. Дело в дискриминации? Различиях полов? Или в чем-то еще? <https://issek.hse.ru/press/242524148.html>

10. Состояние науки. Как живут ученые на планете Земля: деньги, люди, публикации <https://issek.hse.ru/press/172216028.html>

11. 10 основных проблем в области обеспечения гендерного равенства в кадровых ресурсах здравоохранения <https://www.who.int/ru/news-room/feature-stories/detail/10-key-issues-in-ensuring-gender-equity-in-the-global-health-workforce>

12. Новые данные МСЭ свидетельствуют как о растущем распро-

странении интернета, так и о расширяющемся цифровом гендерном разрыве <https://www.itu.int/ru/mediacentre/Pages/2019-PR19.aspx>

13. Невзирая на достигнутый прогресс, женщины сталкиваются с ограничениями юридических прав, негативно сказывающимися на их участии в трудовой деятельности <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2019/02/27/despite-gains-women-face-setbacks-in-legal-rights-affecting-work>

14. Акмал Саидов. Гендерное равенство: удастся ли избежать социальных стереотипов. Правда Востока, 10 января 2020 года

15. Эксперты назвали сроки преодоления гендерного неравенства <https://tass.ru/obschestvo/7359647>

16. См. В Узбекистане могут изменить школьные учебники, чтобы устранить гендерные стереотипы <https://uzbek.review/ru/v-uzbekistane-mogut-izmenit-shkolnye-uchebniki-chtoby-ustranit-gendernye-stereotipy/>

17. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на двадцатом пленарном заседании Сената Олий Мажлиса <http://uza.uz/ru/documents/vystufjplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye-22-06-2019>

18. О гарантиях равных прав и возможностей для мужчин и женщин <https://lex.uz/ru/docs/4494873>

Государственная политика в сфере туризма в Узбекистане в годы независимости

Развитие индустрии туризма, как убедительно свидетельствует мировой опыт с середины XX века позволяет в относительно короткие исторические сроки достичь заметных положительных сдвигов в решении важных экономических и социальных задач государства. Сегодня туризм должен стать локомотивом развития регионов, связующим звеном между коммерческими интересами различных сфер бизнеса, приоритетами государственной политики и культурными потребностями общества.

Одним из важнейших условий устойчивого развития туризма является государственная поддержка.

Переход в конце 80-х годов к политике регионального хозрасчета и последовавшая за ней дезинтеграция хозяйственных связей, инфляция, распад советского государства и сложная политическая обстановка в среднеазиатском регионе привели к тому, что с 1990 года туристическая отрасль Узбекистана наравне с другими отраслями экономики вступила в затяжной кризис, но несмотря на это началось реформирование туристической сферы в стране.

С 1992 года Республика переходит на новый этап развития, в частности 27 июля 1992 года была создана национальная компания «Узбектуризм». Она включила в себя более 150 хозяйствующих субъектов, в частности республиканский совет по туризму и экскурсиям - ташкентское, самаркандское и бухарское отделения Госкоминтура СССР и молодежной туристской организации БМТ «Спутник». В 1993 году Кабинетом Министров Республики Узбекистан утвержден устав этой организации. В дальнейшем выходили постановления правительства, прямо и косвенно влияющие на национальный туризм.

Началось создание национальной туристской модели Узбекистана с учетом позитивного опыта Турции, Израиля, методических рекомендаций ВТО. Приоритетными направлениями стали: национальный внутренний туризм, международный туризм на

основе глобального проекта «Великий шелковый путь», сфера услуг и торговли, подготовка кадров и создание новых рабочих мест, программа разгосударствления.

Были разгосударствлены и приватизированы туристские объекты, многие из них сменили форму собственности и хозяйствования. Существенный сдвиг наметился и в номерном фонде: если за период 1991-95 гг. он в гостиницах возрос на 70 % и составил 9,8 тыс. мест, то к 1996 году снизился до 7,9 тыс. Это произошло из-за реконструкции номеров 1-й и 2-й категории и перевода их в «высший» разряд.

Таким образом, можно считать, что 1992 год явился началом первого этапа экономических реформ и началом третьего этапа в истории развития туризма, по существу заложившим основы новой экономики республики, когда была разработана национальная модель развития туризма. Этот этап наряду с предпосылками экономического подъема туристского обслуживания, породил ряд проблем, связанных с разработкой новых туристских маршрутов, улучшением обслуживания, расширением материально технической базы туризма, совершенствованием организационной структуры управления и другие, которые невозможно было решить в рамках только НК «Узбектуризм». Большую роль в этом сыграли Указ Первого Президента Узбекистана И.А.Каримова «О мерах по активизации участия республики Узбекистан в возрождении Великого шелкового пути и развитию международного туризма в республике» и постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по созданию современной инфраструктуры международного туризма в республике Узбекистан».

С 1 июля 1995 года министерством иностранных дел республики Узбекистан была установлена единая туристская виза, которая стала действительна на территории всей страны, за исключением тех объектов, которые определены законодательством как закрытые. Другим шагом в направлении развития туризма стало утверждение Кабинетом министров национальной программы «Мерос» направленной на сохранение и приумножение историко-культурного наследия - памятников, архитектурных сооружений, произведений искусства.

В этот же период было разработано положение о специальных открытых экономических зонах по международному туризму в Ташкенте, Самарканде, Бухаре и Хиве.

НК «Узбектуризм» с целью установления прямых связей с туроператорами открыла представительство в тех странах, с которыми Узбекистан имел прямые воздушные сообщения. В Германии (Франкфурт-на-майне), Великобритании (Лондон), США (Нью-Йорк), Объединенных Арабских Эмиратах (Шардж), России (Москва).

С 1999 года узбекский туризм вступил в новый этап экономических реформ - этап возрождения, который мог привести к увеличению экспортного потенциала, обеспечению стабильного притока валюты, туристов, частного капитала и инвестиции, которое было закреплено Постановлением Кабинета Министров «О совершенствовании организации туристических организаций» была реорганизована национальная компания «Узбектуризм» и создана ассоциация частных туристских организаций Узбекистана.

В республике началось формирование национального туризма на уровне мировых стандартов, реформирование инфраструктуры обслуживания, которая косвенно касается туризма, в частности, пограничной, таможенной, аэропортной служб, встречающих туристов из-за рубежа.

На наш взгляд, именно эти представления в мировоззрении туриста определили облик и статус государства. С другой стороны, туризм не требовал таких громадных финансовых влияний и инвестиций, как промышленность, строительная индустрия или сельское хозяйство.

Указ Первого Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова «О государственной программе развития туризма» не только создал политическую основу для укрепления позиции национального и международного туризма в стране, но и укрепил ее экономические основы. Этим документом туристским предприятиям предоставлялись дополнительные таможенные льготы. Более того, в дипломатических представительствах Узбекистана за рубежом вводилась должность советника по туризму. В августе 1999г. парламент страны принял закон

Республики Узбекистан «О туризме», что создало правовую основу функционирования этой отрасли экономики. Исходя из этого, перед национальной компанией НК «Узбектуризм» стала основная задача - дальнейшее развитие совершенствование туристского комплекса Узбекистана, его интегрирование в международную туристскую систему как высокоразвитой индустрии. Для этого, конечно, необходимо было постоянно корректировать стратегию и тактику реформ в этой сфере экономики.

С начала 2000-х годов в республике началось реформирование всех сфер жизнедеятельности нашего общества. Важные задачи назрели и перед туристской индустрией Узбекистана. На повестку дня вышли такие вопросы, как:

- повышение качества предоставляемых туристских услуг;
- диверсификация направлений, видов оказываемых услуг;
- совершенствование деятельности Национальной компании «Узбектуризм»;
- повышение эффективности работы субъектов туристской деятельности;
- дальнейшее развитие инфраструктуры туризма в стране, в т.ч. придорожной инфраструктуры и сервиса;
- подготовка кадров для туристской индустрии, отвечающих современным требованиям.

В 2003 году Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан № 497 от 11.11.2003 года утверждается Положение о лицензировании туристской деятельности.

Настоящее Положение определило порядок лицензирования туристской деятельности, в частности:

– к туристской деятельности стали относить деятельность по организации путешествий, экскурсий и связанных с ними услуг (туристские агентства, туроператоры, экскурсионные организации, гостиницы, кемпинги и прочие средства размещения, другие организации, специализирующиеся на туризме).

В целях повышения эффективности деятельности НК «Узбектуризм» было принято Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 360 от 28.07.2004 года «О дальнейшем совершенствовании деятельности Национальной компании «Узбектуризм».

В нем были определены задачи Национальной компании «Узбектуризм»:

- обеспечение проведения единой государственной политики в сфере туризма, содействие в формировании инфраструктуры туристских услуг;

- реализация государственных программ развития туризма, программ обеспечения защиты и безопасности туристов, межотраслевая и межрегиональная координация туристской деятельности;

- сертификация туристских услуг;

- осуществление рекламно-информационной политики в сфере туризма;

- привлечение иностранных кредитов и инвестиций в сферу развития туризма, развитие долгосрочных программ сотрудничества с зарубежными странами, а также иностранными компаниями;

- реализация комплекса мер по подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров для сферы туризма, содействие развитию отраслевой туристской науки.

В данном Постановлении Правительства Узбекистана были утверждены организационная структура, Положение о Национальной компании «Узбектуризм», дано согласие на предложение Национальной компании «Узбектуризм», Министерства экономики и Министерства финансов Республики Узбекистан о создании внебюджетного Фонда развития туризма, определив источниками его формирования туристический сбор, взимаемый с туристических фирм и гостиничных хозяйств за обслуживание туристов.

2005-2015 годы в истории туризма в Узбекистане призваны в качестве периода «структурных реформ». В этот период в целях более полного использования туристических возможностей Кабинетом Министров была принята «Государственная программа развития туризма в Узбекистане», рассчитанная на 2005-2010 и 2010-2015 годы. Эти программы определили нормативно-правовую базу туризма, инвестиционные и маркетинговые меры, приоритетные направления развития внутреннего туризма. Необходимо отметить, что в результате реализации Программы

развития сферы услуг и сервиса в 2006—2010 годах в 2006 году объем платных услуг, оказанных населению, возрос на 19,3%, на долю сферы услуг пришлось 39,5% созданного в республике валового внутреннего продукта, что значительно превысило установленные программой прогнозные параметры. Ускоренными темпами стали развиваться современные, прогрессивные виды услуг — телекоммуникационные услуги, сотовой телефонной связи, финансово-банковские услуги и по страхованию, туристско-экскурсионные и другие, а также в сфере услуг в 2006 году создано около 137 тыс. новых рабочих мест.

В то же время, учитывая серьезные изменения, которые произошли в развитии туризма в Узбекистане за период 2005-2010 годов, в 2014 году в данное Положение были внесены определенные дополнения и изменения.

В частности, было определено, что туристская деятельность будет осуществляться путем оказания следующих видов туристских услуг:

- гостиничные услуги
- туроператорские услуги
- экскурсионные услуги

Необходимо отметить, что одним из важных путей совершенствования туристской деятельности стала подготовка экскурсоводов, гидов-переводчиков, а также аттестация инструкторов-проводников.

С 2016 года туристическая отрасль поднялась на качественно новый этап развития. В 2016-2019 годах в целях развития туристической отрасли было принято более 30 нормативных правовых документа, имеющих отношение к отрасли. Правовые основы государственного регулирования туристической деятельности в Узбекистане закрепились в следующих нормативно-правовых актах:

– Об организации деятельности государственного комитета республики Узбекистан по развитию туризма

В частности, 6 декабря 2016 года был опубликован Указ Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева «О мерах по обеспечению ускоренного развития туристской отрасли Республики Узбекистан».

Указ создал благоприятные экономические и организационно-правовые условия для интенсивного развития туризма как стратегической отрасли экономики страны, наиболее полного и эффективного использования огромного туристского потенциала регионов, кардинального совершенствования управления туристской отраслью, создания и продвижения на мировые рынки национального туристского продукта, формирования положительного имиджа Узбекистана в сфере туризма. В частности, с 1 января 2017 года функции по лицензированию туристской деятельности были переданы от Кабинета Министров вновь созданному Госкомитету, при этом отменялось требование о получении лицензии гостиницами и другими местами проживания. Узбекистан, согласно Указу кардинально либерализовал свою визовую политику. В частности, с 1 апреля 2017 года была предусмотрена полная отмена визового режима для туристов из 15 государств, включая Австралию, Австрию, Великобританию, Германию, Данию, Испанию, Италию, Канаду, Люксембург, Нидерланды, Республику Корея, Сингапур, Финляндию, Швейцарию и Японию.

Для туристов из 12 государств, достигших возраста 55 лет, в том числе Бельгии, Индонезии, КНР (в составе туристских групп), Малайзии, США, Франции, Вьетнама, Израиля, Польши, Венгрии, Португалии и Чехии. Безвизовый режим был применен в отношении иностранных граждан, въезжающих в республику в туристических целях на срок не более 30 дней также отменены визы. Необходимо отметить, с 2020 года общее количество стран, граждане которых имеют право безвизового въезда в Узбекистан достигнет 86.

Указ предусматривал кардинально повысить качество и уровень оказания услуг в аэропортах, вокзалах и других пунктах пропуска через государственную границу.

После проведенных реформ в стране, Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев своим указом от 7 февраля утвердил Стратегию действий по пяти приоритетным направлениям развития страны в 2017—2021 годах. Проект стратегии был разработан по итогам комплексного изучения актуальных и волнующих население и предпринимателей вопросов, анализа

законодательства, правоприменительной практики и зарубежного опыта.

В целях реализации Стратегии Действий были разработаны и зарегистрированы два новых государственных стандарта - по терминологии туризма и требованиям безопасности гостиничных хозяйств туристической сферы нашей страны в соответствии с требованиями Международной организации по сертификации (ISO).

В целях обеспечения режима максимального благоприятствования, с созданием комфортной экономической, административной и правовой среды для ускоренного развития отечественной индустрии туризма, в том числе приоритетного задействования частного сектора, дальнейшего повышения его конкурентоспособности и качества предоставляемых услуг, расширения экономического потенциала регионов и их доходной базы, организации новых рабочих мест, а также активного и комплексного продвижения национального туристского продукта на мировых рынках на краткосрочную перспективу были приняты постановления Кабинета министров республики Узбекистан от 15 марта 2017 года №137 «О мерах по дальнейшей поддержке в развитии сферы туризма в республике Узбекистан», а также от 30 июня 2017 года №450 «О мерах по ускоренному развитию туристического потенциала города Самарканда в самаркандской области на 2017-2019 год»

Необходимо отметить, что в целях увеличения туристского потока в республику, трансформации въездного туризма в одну из важных отраслей национальной экономики, широкой пропаганды культурно-исторического наследия и природных богатств страны стали постановлениями Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева от 6 февраля 2018 года «О мерах по развитию въездного туризма, «О первоочередных мерах по развитию сферы туризма на 2018-2019 годы», постановление Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева от 28 июня 2018 года №пп3815 «О создании международного университета туризма «шелковый путь», Постановление Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева №пп-4095 от 5.01.2019 года «О мерах по ускоренному развитию туристской отрасли».

В данных нормативно-правовых актах определены основные стратегические направления развития сферы туризма, поставлены задачи. В частности, указом Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёевым №УП-5611 утверждена концепция развития сферы туризма в период до 2025 года с ежегодным принятием плана конкретных мероприятий по реализации концепции. Цели развития сферы туризма республики Узбекистан до 2025 года направлены на преобразование туризма в стратегическую отрасль национальной экономики и достижение ее целевых показателей согласно приложению, путем диверсификации и улучшения качества туристских услуг, совершенствования туристской инфраструктуры, в том числе за счет привлечения иностранных инвестиций, проведения эффективной рекламно-маркетинговой работы.

В долгосрочной перспективе планировалось туризм в Узбекистане не ограничивать достижениями в национальной экономике, а ставили цель выйти на региональный и мировой рынки туристских услуг как один из наиболее конкурентоспособных.

В целях существенного повышения эффективности проводимых реформ по формированию благоприятных экономических условий и предпосылок для развития национальной сферы туризма, а также во исполнение поручения Кабинета Министров Республики Узбекистан, Государственным комитетом по развитию туризма был разработан проект Концепции развития сферы туризма в Узбекистане на период до 2025 года.

Так же, Государственный комитет Узбекистана по развитию туризма разработал проект постановления президента, который предусматривает утверждение стратегии развития туризма до 2030 года.

Согласно документу, стратегию нужно было реализовать в шесть этапов, каждый из которых предусматривал бы утверждение отдельного двухлетнего плана конкретных мер по ее реализации в соответствии с определяемыми приоритетами развития сферы.

В рамках стратегии предусматривалось использование и развитие кластерного подхода, который является передовым и эффективным механизмом концентрации усилий, как органов

государственной власти, так и частных предпринимательских инициатив для создания туристской инфраструктуры.

В качестве основного механизма реализации стратегии в комитете рассматривали государственно-частное партнерство как наиболее перспективный способ объединения усилий органов государственной власти и частного бизнеса с целью создания объектов туристской инфраструктуры.

Необходимо отметить что, 16 апреля 2019 года состоялось очередное заседание законодательной палаты ОлийМажлиса. Депутаты рассмотрели ряд законопроектов, направленных на правовое обеспечение осуществляемых в нашей стране реформ.

Члены парламента рассмотрели в третьем чтении законопроекта «О туризме». Однако в действующий закон вносилось около 70% изменений и дополнений и поэтому проект был подготовлен к третьему чтению как новый закон «О туризме», в который вместе с тем, что можно отметить реформирование визового режима, поддержку предпринимательства в сфере туризма, реформы в подготовке кадров, были организованы красные и зеленые коридоры на таможнях и аэропортах. Актуальным стало строительство небольших отелей, на 80-100 человек.

За прошедший период в соответствии с поручениями главы нашего государства приняты программы, направленные на улучшение инфраструктуры туризма в Хорезмской, Бухарской, Самаркандской, Сурхандарьинской, Кашкадарьинской, Джизакской и Ферганской областях, организацию новых туристических маршрутов и широкую пропаганду туристического потенциала регионов. В частности, в Бухаре и Самарканде осуществляется работа по созданию круглосуточных турзон «Древняя Бухара» и «Самарканд-сити», которые будут заниматься обслуживанием туристов.

Разработаны и осуществляются комплексные меры по организации гостевых домов на территории Бостанлыкского, Паркентского и Ахангаран-Ангренского туристических кластеров в Ташкентской области. Необходимо отметить, что Правительство Узбекистана 31 декабря также утвердило постановление об ускоренном развитии туризма в Ташкентской области на 2019–2021 годы.

Согласно документу, для увеличения потока туристов в Ташкентскую область, создания для них благоприятных условий и повышения доходов местного населения в Бостанлыкском, Ахангаранском, Паркентском, Букинском, Чиназском, Зангиатинском районах и городе Ангрене будет создана необходимая инфраструктура на основе концепции «Золотое кольцо».

Каждый из указанных районов региона будет разрабатывать собственный туристический продукт, развивая тем самым разные направления туризма, отмечается в сообщении. Постепенно «Золотое кольцо» будет расширено и охватит другие районы области.

Концепция предусматривает разработку туристических маршрутов по направлению Зангиата — Чиназ — Бука — Ахангаран — Ангрэн — Паркент — Бостанлык, улучшение дорожной инфраструктуры в этих районах, создание в них национальных чайных домов и другие задачи. Постановление Президента нашей страны “О первоочередных мерах по развитию сферы туризма на 2018-2019 годы” от 16 августа 2017 года повысило на новый уровень работу в этом направлении.

В целях повышения эффективности проводимых реформ в сфере туризма и кардинального увеличения въезжающих иностранных граждан в республику путем решения имеющихся проблем туристической инфраструктуры, повышения качества предоставляемых услуг и активного продвижения национального туристского продукта на мировых рынках, усиления кадрового потенциала туристской отрасли, а также в соответствии с основными направлениями Концепции развития сферы туризма в Республике Узбекистан в 2019-2025 годах одобрила предложения Министерства транспорта и Государственного комитета Республики Узбекистан по развитию туризма о введении с 1 октября 2019 года согласно международным правовым нормам режима «Открытое небо» в международных аэропортах «Карши», «Нукус» и «Термез» с применением «пятой свободы воздуха», а также «Бухара» с применением «пятой свободы воздуха» при перевозке граждан иностранных государств.

В последние годы сфера туристического бизнеса выходит на качественно новый уровень правового обеспечения. Государ-

ственная политика в сфере туризма направлена на преобразование туристской отрасли в перспективе в один из локомотивов ускоренного комплексного развития регионов и их инфраструктуры, решение важнейших социально-экономических задач, увеличение рабочих мест, обеспечение диверсификации и развития регионов, повышение доходов, уровня и качества жизни населения, улучшение имиджа и инвестиционной привлекательности страны.

Следует сказать, что количество иностранных туристов, посещающих нашу страну, растет с каждым годом. В 2019 году Узбекистан посетили 6 748 500 туристов, тогда как в 2018 году этот показатель составил 5 346 200 человек, увеличившись на 26,2% по сравнению с аналогичным периодом 2018 года.

Наибольшее количество туристов приехало из региона Центральной Азии – 5 764 500 человек. Из стран СНГ приехали 495 600 туристов. Число посетителей из стран дальнего зарубежья составило 488 400 человек¹.

Большинство туристов прибыло из Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана, Российской Федерации, Турции, Афганистана, Китая, Республики Корея и Индии.

Также ожидается, что цели развития туристического сектора Республики Узбекистан в нашей стране в 2019 — 2025 годах будут достигнуты путем преобразования туризма в стратегический сектор национальной экономики, диверсификации и повышения качества туристских услуг, а также совершенствования туристской инфраструктуры, в том числе привлечения иностранных инвестиций и проведения эффективных мероприятий по развитию туризма.

Так приоритетными направлениями развития сферы туризма страны обозначены совершенствование нормативно-правовой базы в сфере туристской деятельности, имплементация международных норм и стандартов, направленных на создание благоприятных условий для развития туристской отрасли.

---

¹ Текущие архивы Государственного комитета по развитию туризма в Узбекистане.-2020

Использованные источники и литература

1. Салимова Б.Х., Хасанова Л.Г. Основы туризма. Тексты лекций. - Ташкент: ТГЭУ, 2005

2. Текущие архивы Государственного комитета по развитию туризма в Узбекистане. -2020

3. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-3217 16.08.2017 «О первоочередных мерах по развитию сферы туризма на 2018-2019 годы». См.офиц.сайт.: [https://www.lex.uz/docs/3311821\(07.02.2020\)](https://www.lex.uz/docs/3311821(07.02.2020))

4. Правда Востока.2019, боктябрь

Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан №1053 31.12.2019 «О бурном развитии туризма в ташкентской области на 2019-2021 годы// См.офиц.сайт.: [https://lex.uz/docs/4681338\(7.02.2020\)](https://lex.uz/docs/4681338(7.02.2020))

Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по созданию современной инфраструктуры международного туризма в республике Узбекистан от №210 03.06.1995.// [http://www.lex.uz/docs/428716\(дата обращения 13.07.2019\)](http://www.lex.uz/docs/428716(дата обращения 13.07.2019))

Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан 27.09.1996 г. N 338 « О поддержке международного благотворительно-го фонда «ОлтинМерос» («Золотое наследие») при общественном центре «Маънавият ва Маърифат»// [https://nrm.uz/\(дата обращ. 13.02.2020\)](https://nrm.uz/(дата обращ. 13.02.2020))

Александров А.Ю. Международный туризм. Учебное пособие для ВУЗов.- М: Аспект Пресс, 2004.

Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О совершенствовании организации деятельности туристических организаций от №346 08.08.1998// <http://www.lex.uz> (Дата обращ 12.02.2020)

Узбекистан примет стратегию развития туризма до 2030 года// [https://www.kun.uz\(Дата обращ 19.11.2019\)](https://www.kun.uz(Дата обращ 19.11.2019))

Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 497 от 11.11.2003 года «Об утверждении Положения о лицензировании туристской деятельности» // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2003. - № 21. - ст. 212.

Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 360 от 28.07.2004 года «О дальнейшем совершенствовании деятельности Национальной компании «Узбектуризм» // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2004. - № 30. - ст.346

ГЛАВА V. КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ И ИННОВАЦИИ КАК ОСНОВА ПРОЦВЕТАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Шокиров Т.С.

Религиозный фактор в формировании государственности Чагатайского улуса

Возникшая в XIII веке Монгольская империя стала самой большой державой в истории человечества, объединив под своим началом всю Великую степь, и взяв под свой контроль внушительную часть Азии. Несмотря на разрушительный характер монголов, сопровождаемый при сражениях и жестокость, после становления державы, оно являлось одним из самых религиозно – толерантных, что существовало в истории. Внутри государства мирно сосуществовали люди разных вер и религиозных взглядов. Торговля развивалась. Это был период, когда Шелковый путь был в равной степени открыт как для западных купцов (Марко Поло и др.), так и для религиозных миссий (Джованни Дель Плано Карпини, Гийом Рубрук, Андре Лонджомо, Джовани Монтекарвино) [1].

Но уже в середине XIII века начался медленный разлад и постепенная деградация взглядов, связанные с разделом государства на улусы и ассимиляции монгольских племен с местными населенными покоренных народов, а также адаптацией политики улусных ханов к потребностям жизнедеятельности своего улуса, обусловленного экономическими, географическими и культурными условиями, а также с требованиями знатных феодалов.

Вскоре после раздела империи на удельные улусы начались и междоусобные войны между ними, где сыграли свою роль и культурно-религиозный фактор в перемешке со стремлениями самих ханов. Оказавшись в относительной изоляции как друг от друга, так и от своей исторической родины Монголии, они стали сливаться со своим окружением. Китаизация при династии Юань или исламизация (шиитского толка) при хулагуидах (ильханах) могут служить ярким примером этого [2].

Чагатаиды испытывали непосредственное влияние ислама в меньшей степени, чем монголы в Иране, ильханы и немного дольше сохранили свои кочевые и племенные традиции. Эти факторы, по-видимому, и способствовали общей упадку городской жизни, сельского хозяйства и земледелия в Средней Азии и за пределами оазисов Мавераннахр и Восточного Туркестана [3]. В связи с такой синкретикой двух цивилизаций, А. Тойнби в классификации мировых цивилизаций назвал Среднеазиатскую цивилизацию оседло-кочевой [4].

В Чагатайском улусе разрыв с кочевническими традициями шел постепенно, и с переменным успехом. Можно выделить несколько волн попыток разрыва с кочевыми традициями, связанных с именами видных правителей.

Основатель и первый хан Чагатайского улуса Чагатай был скорее всего язычником – тенгрианцем[5], но получил в наследство от Чингизхана обширные земли от страны уйгуров на востоке, до Бухары и Самарканда на западе - то есть территории с городами[6], где подавляющее количество населения исповедовали Ислам. У него была зимняя резиденция (по Джувейни) Мераузик – Ила и летняя – Куяш (солнце), которые находились в долине Или. По Джемалю Карши, центральная часть его владений называлась Иль Аларгу, с главным городом Алмалык[7], а основная ставка его преемников по Джувейни называлась Улуг Иф или Улуг Ик, что в переводе означает «Великий Дом»[8]. Кроме того, он еще получил 8000 солдат(кибиток) из ядра всей монгольской армии Чингизхана, в то время как наследник Угедей и Отчигин Тулу по 5000, лишь Джочи получил 9000 солдат, так как сам должен был добыть себе улус[9], а по Рашид-ад-Дину число солдат дается 4000[10]. Трудно охарактеризовать его правление, так как сохранились очень противоречивые сведения относительно его самого и его Улуса под его началом, но исходя из того, что Чагатай являлся Хранителем Яссы и старшим в роду, который должен был надзирать над исполнением всех кочевых традиций, избегать конфронтации с обычаями оседлого мусульманского населения, которое составляло основное ядро Улуса, было невозможно, так как многие аспекты ислама противоречили с одатом и ясаком кочевников, которые часто приводили к

негодованием мусульман. В связи с этим многие мусульманские историки считали Чагатая врагом Ислама, а христиане, наоборот, другом, и даже христианином [11]. Так как традиции христианства не так противоречили обычаям кочевников, а их малочисленные диаспоры вряд ли могли достигать столь большого количества как мусульмане и ни в коем случае не предвещали угроз владычеству монголов, и в связи с тем вероятно Чагатай и покровительствовал им, хотя учитывая завет Чингизхана о нейтралитете вероисповедания, толерантности и непридержанности догматики какой-либо религии в государственных делах, и принимая в сведение эпитет Чагатай как Хранителя Яссы, мало вероятно, что в своей политике он особо возвышает какую-либо из сторон. Но Джужжани и Исфизари в своих трудах приводят несколько рассказов, где Чагатай давал по одному балышу, тому, кто извещал его о смерти какого-либо мусульманина, и что в его присутствии все должны были произносить имена мусульман с руганью[12].

Его фанатичное придерживание кочевых традиций и устоев монгольского народа привели к тому, что его личность тоже стала окутываться ареалом легенд и суеверий, при складывании культа Чингизхана и его потомков. Согласно разным поверьям первый огонь был высечен Чингизханом и раздут его женой Борте, высечен его отцом Есугеем и раздут Оэлун и опять высечен его сыном Чагатаем. Подвергшийся мифологизации Чагатай, хранитель родового очага имперской фамилии, после смерти был отождествлен с духом хозяина очага, а затем с божеством огня – Отханом, («от»-огонь, «хан»- хозяин) вообще [13].

Из вышесказанного можно почерпнуть, что об исламизации в период правления Чагатай и речи быть не могло, но несмотря на это, даже в его время можно наблюдать мелкие предпосылки оседания монголов и их медленной ассимиляции с местным населением. В период власти Чагатай наблюдается некоторые попытки создать новые населенные пункты и коммуникации. Чагатай около города Куяш устроил новое селение «Кутлуг» (счастливое)[14]. Также хорошо известны и другие начинания Чагатай по благоустройству Улуса. По его приказу заложена новая дорога по горным перевалам из Восточного Туркестана в

долину Или, которое включала 48 мостов, 8 тоннелей и другие сооружения. Кочевые резиденции хана Чагатая со временем превратились в крупные административные центры. К примеру, поселение Кутлуг в южном Казахстане, которое и по сей день существует [15]. Кроме того, при нем улусом управляли именно мусульманы такие как Махмуд Ялавач Харезми и Рукнад-Дин Хабаш Амид аль Кермани [16]. Таким образом можно сказать, что хотя сам Чагатай и не был приверженцем Ислама, или не покровительствовал ее распространению среди монголов, возможно даже и воспрепятствовал, все же процесс оседания на землю кочевников начался ещё при нем, несмотря на то что сам он придерживался кочевого образа жизни, а административными делами в улусе занимались мусульмане, что говорит о том что все же в какой то мере учитывались взгляды местной элиты, что возможно в дальнейшем послужит точкой опоры для полной исламизации и оседания на землю при следующих правителях.

Первым кто открыто принял ислам и перенес ставку в Мавераннахр (1266) в был хан Муборакшах, который к тому же являлся сыном Аргуны хатун (Эргене 1252-1261), которая происходила из уже отторченного племени ойрат [17], которая сама будучи буддистской покровительствовала распространению Ислама. Вероятно, таким образом Муборакшах хотел заручиться поддержкой местной аристократии, но это вызвало недовольство со стороны монголов в Монголии и Китае, и в том же году по приказу Хубилая был свергнут Баракханом [18]. Но вскоре Баракхан заключил союз с Кайду [19], принял ислам и перенес ставку в Мавераннахр в 1268 году, а в 1269 году объявил себя независимым ханом. Воевал с самим Кайдун, с Хулагуидом Абакаханом (1265-1282) и поддерживал лояльную к себе другую ветвь чагатаидов в Закавказье – Никударийскую орду [20], отправлял туда войска [21]. После его убийства в 1271 году, из-за его политики разрыва с кочевыми традициями, чагатайский улус опять вернулся к исходной точке и в добавок попал под сильное влияние дома угедеидов.

Следующим важным моментом, связанным с процессом отхода от кочевого образа жизни связан с ханом Кебеком, правившим сначала в 1309, а потом также в 1318- 1326 который несмотря

на то что сам был язычником, покровительствовал исламу и был сторонником оседлости[22], восстановил разрушенный Чингисханом Балх[23], построил дворец Карши и перенес свою ставку туда, провел успешные административные и денежные реформы в 1321 году[24]. Вовремя его правления стабильно развиваются экономика и дипломатические связи с соседними улусами, но в 1326 году хан Кебек был убит восставшими вассалами, и полный переход к оседлому образу жизни опять прервался. Процесс интеграции монголов в исламскую культуру пока был невозможен, если учесть, что Чагатаидские ханы в Семиречье все еще придерживались кочевнических устоев. Но следующий хан улуса Тармаширин (1326-1334) смог преуспеть в этом, и смог окончательно закрепить для своих подданных ислам как доминирующую религию, а оседлую культуру как образ жизни. Кроме того, он поддерживал хорошие дипломатические отношения с Китаем (империя Юань), с ханом Золотой Орды – Узбеком (1312 - 1341), Ираном (хулагуиды), а позже и с Делийским султанатом в Индии, что обеспечивало “надежные тылы”. Когда он, чтоб удовлетворить амбиции военачальников шел походом на северную Индию начиная с 1327 года [25]. По некоторым данным он прошелся по таким городам как Гуджарат, Сумнат и Сураат [26]. Его походы и обогащение войска давало довольно мощную поддержку со стороны армии, и чтобы заручиться поддержкой и местного духовенство видимо до этого бывший буддистом Тармаширин принимает ислам под именем Алладдин и переселившись в Мавераннахре перестает считаться с чагатаидами Семиречья. В период его правления монеты чеканились не только в Самарканде и в Бухаре, а также в Бадахшане, Отраре, Ходженте и Таразе. Начиная с 1330 года он сделал себе соправителем своего сына Санджара, на монетах чеканились имена обоих. В стране наблюдается стабильность в экономической, политической и культурной жизни.

Резкий рост авторитета Тармаширина среди местного населения после принятия ислама и лояльность армии в связи с успешными походами в Индию послужили достаточной поддержкой и для следующего шага: Тармаширин начиная с 1330 года перестал присутствовать в Курултае, который созывался раз в году,

и отменил праздник который проводился в честь Курултая, где все потомки дома Чингиза обсуждали «правильно ли» ведет политику нынешний хан.

Прекращение созыва курултая ознаменовал конец существовавшей частично в традиции монголов военной демократии и сделал Тармаширина абсолютным монархом, который, уже не считаясь с геронтократической или меритократической системой монголов, мог оставить трон своему сыну. Кроме этого, скорее всего разрыв с кочевничеством ярко выражался еще и в культурном плане. Наряду с исламизацией и тюркизация затронула многие аспекты культуры кочевой аристократии вплоть до разговорного языка улуса. Ибн Батута в своих трудах пишет, что, когда он встретился с Тармаширином, хан обратился к нему не по-монгольски, а по-тюркски [27]. Скорее всего именно эти события и послужили фундаментом в дальнейшем в 40-е годы XIV-века, когда чагатайский улус был разделен на восточный-кочевой и западный-оседлый части.

Слишком резкий разрыв с кочевыми традициями вызвал недовольство кочевых монголов восточной части улуса и привел к восстанию. В 1334-году Тармаширина предают его наместники в Бухаре и Балхе, он отступает в Кеш, где проигрывает битву при местечке Кузи Мундак, после чего был казнен и похоронен в Самарканде. Сразу же после его смерти в улусе начались междоусобицы и беспорядки, но Мавераннахр уже окончательно был отколот от кочевой части улуса.

Таким образом подводя итоги, мы можем констатировать что первым из чагатайских ханов кто принял ислам, был Муборакшах, но это событие не имело такой массовый характер среди кочевников, как например в Золотой Орде при правлении Берке (1257 - 1267). В период Барак хана замечается сдвиг, но тоже довольно относительной, при Кебекхане можно видеть покровительство религии и улаживание экономической и культурно-социальную жизнь улуса, восстановление сельского хозяйства. Но при этом, не считая его перенос столицы в Мавераннахр, нельзя сказать, что он полностью оборвал связь с кочевыми традициями.

Тармаширин, несомненно, использовал как плацдарм достижения своих предшественников, но он ускорил тенденцию раз-

лома кочевой культуры монголов Чагатайского улуса, и интеграции ислама в кочевую среду аристократии. Принявшие при нем мусульманство, уже никогда не оставляли его [28]. Правящая верхушка стала оседлой и даже во время смут после его смерти, правление нескольких кочевых ханов уже не смогли откатить этот процесс назад. Сосредоточение высшей власти в руках одного человека даёт ему возможность за время своего жизни провести такие переобразования, которые не смогли осуществить целые предыдущие поколения. А если этот человек к тому же незаурядного ума и энергии, он легко воспользуется предоставившимися ему возможностями, даже прихоти и капризы тирана могут оказаться полезными и разорвать цепь, которой обычаи столь сильно сковывают людей [29]. Пришедший к власти в 1348-году в Восточном Туркистане и Семиречье, то есть в кочевой части чагатайского улуса, Туглук Темур хан (1330-1348-1361-1363) тоже принял ислам и перенес свою ставку из Или в Аксу[30], и даже в 1361-году смог объединить весь чагатайский улус, причем без каких либо сражений. Некоторые местные феодалы (Ходжа Барлас) сбежали в Хорасан, а некоторые, коих в числе был, и Амир Темур вышли к нему на встречу и встретил с почестями. Принятие Туглук Темурханом ислама, несомненно, послужило преимуществом при подчинении отколовшиеся из-за противоречий на религиозной почве и традиций Мавераннахра. Кроме того по его инициативе новую религию приняло и его окружение, часть кочевой элиты. Это событие несомненно ознаменовало самый последний акт разрыва с прежними традициями кочевников.

С тех пор начинается эпоха новых государств, которые создав симбиоз культур оседлой и кочевой цивилизаций будут вышашается над обеими в лице империи Амира Темура, кочевых узбеков Абулхайрхана и Шейбанихана.

Использованные источники и литература

1. Кобзева О.П., Джалилов О.З. Узбекистан и Китай на возрождающемся шелковом пути - Ташкент 2015. - С - 27
2. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая Степь. Москва 2016. - С - 551

3. Босворт К.Э. Мусульманские династии. Москва Наука 1971. - С – 198
4. Toynbee A. A study of History. Oxford. 1975 p.72.
5. Эренжен Хара-Даван Чингизхан как полководец и его наследие». «Калмыцкое книжное издательство, Элиста. 1991.С-142.
6. Бартольд В.В. Сочинения. Т.2. Наука, Москва. 1964. с-538-539.
7. Там же. С-155.
8. Там же. С-533.
9. Данзан Л. Алтан тобчи («Золотое сказание») перевод Шастиной Н.П. «Памятники письменности Востока». Москва. 1973. С-186.
10. Рашид-ад-дин Сборник летописей. Т.2. Москва Лениниздат. 1952. С-94, 275.
11. Книга Марко Поло / Перевод старофранцузского текста И. П. Минаева; Редакция и вступительная статья И. П. Магидовича. — Москва: Государственное издательство географической литературы, 1955. С-77.
12. Бартольд В.В. Сочинения. Т.1., Москва: Наука. 1964. С-541
13. Валянская О.П. Женщина в мифах и легендах / Энциклопедический словарь. - Ташкент. 1992. С-205.
14. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья.: - Фрунзе. Киргизгосиздат 1943 С-45.
15. Вовк И.В. Политическая история постмонгольских государств XIII-XVIII вв. Джучидский и Чагатайский улусы. - Орск. 2011. С-12
16. Автор неизвестен. История Казахстана в персидских источниках. Т.1. Джамалы ал-Карши ал-Мулхакат би-с-сурах. Алматы Дайк Пресс. 2005. С-127.
17. Аргине хатун происходила из рода барласов и правила после смерти своего мужа Кара Хулегу (1247 - 1254) Чагатайским улусом от имени своего малолетнего сына Мубаракшаха в период с 1254 – 1260 года. См: Мирзо Улугбек Турт улус тарихи. Тошкент. Чулпон. Ред: Б. Ахмедов. 1994. С - 186
18. Баракхан – являлся Муборакшаху дядей по отцовской линии и правил в период с 1266 – 1271 год. См: Султанов Т.И. Чингизхан и чингизиды: судьба и власть. - Москва 1991. - С - 701
19. Кайду – алтайский хан угэдеид, подчинил себе Чагатайский улус. См: Мирзо Улугбек Турт улус тарихи. Тошкент. Чулпон нашриети. Ред: Б. Ахмедов. 1994. С - 188
20. Никударийская Орда была создана 1270 году Никудер огулом чагатаидом на территории Закавказья внутри государства хулагуидов,

было уничтожена Эмиром Темуром в XIV веке.

21. Мирзо Улугбек Турт улус тарихи. Тошкент. Чулпон нашриети. Ред: Б. Ахмедов. 1994. С - 189

22. Султанов Т.И. Чингисхан и чингизиды: судьба и власть Москва 1991. - С - 216

23. Мирзо Улугбек Турт улус тарихи. Тошкент. Чулпон. Ред: Б. Ахмедов. 1994. С - 193

24. Давидович Е.А. Денежное Хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформы Маъсудбека (XIIIвв.). - Москва: Наука, 1972. - С - 123

25. Гумилев А. Древняя Русь и Великая Степь. - Москва 2016. - С - 555

27. Мирзо Улугбек Турт улус тарихи. Ред: Б. Ахмедов. - Тошкент. Чулпон 1994.- С – 198

28. Гумилев А. Древняя Русь и Великая Степь. - Москва 2016. – С. - 555

29. Ибрагимов Н. Ибн Батута и его путешествие по Средней Азии. - Москва. Наука, 1988. - С – 85

30. Абулгази Бахадурхан Родословное древо тюрков // Ред: Р. Рахмоналиев - Москва-Ташкент-Бишкек, 1996. - С - 88

31. Фрейзер Дж. Золотая ветвь. – Москва, 1980. - С - 59

32. Кутлупов М. Монгольское государство в Восточном Туркестане // Сборник статей под ред: С.А. Тихвинского; Татаро-монголы в Азии и Европе. Москва: наука 1977. - С - 101

Государство и религиозные учреждения в Туркестанском крае

Туркестанское генерал - губернаторство во второй половине XIX века становится центром притяжения большой массы людей, которые приезжают на эту окраину Российской империи в целях лучшей жизни, солнца и тепла. Реформа 1861 года дала свободу крепостным крестьянам, но не обеспечила их землей. Огромная масса крестьян в целях получения земли направляется сюда и занимает лучшие участки, ранее принадлежавшие кочевым народам – киргизам и туркменам. В числе переселившихся было не малое количество людей служилых, чиновников и рабочих. Наряду с представителями славянских народов переселяются и представители многих других национальностей. В том числе немцы, армяне, евреи, поляки, татары и многие другие. Естественно, что среди них было немало и верующих людей. В Ташкенте - центре Туркестанского края начинают строиться православные церкви, римско-католический костел, евангелическо - лютеранская церковь, еврейские синагоги и др. Главной религиозной конфессией региона естественно был ислам. В Ташкенте было огромное количество мечетей и медресе. Мусульмане города проявляли веротерпимость к представителям других конфессий, и проживание в одном городе с ними приводило к взаимному обогащению их культур.

Российские авторы второй половины XIX начала XX века, такие как; Остроумов Н.П., Наливкин В.П., Гейер И.И., Добросмыслов А. И. и др. в своих трудах подробно описывают взаимоотношения представителей различных конфессий в Туркестане и, в частности, в Ташкенте. Так в работе Остроумова Н.П. «Сарты», написанной в 1896 году, говорится о том, что православные храмы в Ташкенте построены местными рабочими, и что построены они добротнo, под руководством российских инженеров. В процессе строительства местные рабочие усвоили новые методы работы, и познакомились с новыми инструментами [1].

Ряд документов Центрального Государственного архива Республики Узбекистан даёт нам очень интересный материал по мирному взаимодействию религиозных конфессий в Ташкенте и в целом в Туркестане. Это материалы фондов И-1(Канцелярия Туркестанского Генерал - губернатора), И-47(Учебное дело) и др.

Соприкосновение двух миров - исламского и христианского происходило естественно не просто. Первый Генерал- губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман считал, что влияние христианской религии на мусульманство окажет столь сильное влияние, что исламская религия постепенно утратит свои позиции [2]. Однако действительность оказалась гораздо сложнее. Исламские учреждения в Ташкенте и в целом по Туркестану с каждым годом все больше укреплялись и в количественном отношении увеличивались. Однако надо признать, что царская администрация в целом не оказывала серьезного вмешательства в религиозную жизнь народов региона. А в финансовом отношении местные мактабы, медресе и мечети находились вне помощи Российского государства, т.е. находили средства к существованию сами. Надо отметить, что в таком же положении находились и все другие религиозные конфессии, включая и христианские не православные.

Вернемся к истории появления в Ташкенте неисламских культовых сооружений.

Первая временная военная церковь имени «Святого Иосифа и Георгия» была построена в 1868 году в Ташкенте. Храм был построен из сырцового кирпича без колокольни и представлял из себя четырехугольную коробку [3]. Основательно эта церковь была перестроена в 1877 году. Перестройка храма и постройка колокольни была осуществлена по проектам Н.Ф. Ульянова, и выполнена инженером Шавровым. В 1909 году церковь возведена в степень соборной [4]. В начале XX века только в Ташкенте было 15 православных храмов [5].

Римско – католическая церковь была так же представлена в Ташкенте в конце XIX века. Отдельного храма не имелось. Богослужение совершалось в 1885 году в доме Владиславлева по улице Самаркандской. С 1905 года богослужение производилось в доме польского общества на Саларе, напротив кадетского корпуса [6].

С 1912 года начинается постройка Римско - католического костела в Ташкенте. Строительство костела по различным причинам затянулось на многие года [7]. Завершенный вид костел обрел в начале XXI века.

Армяно-Григорианская церковь в Ташкенте была открыта в 1908 году в доме Армянского общества по Кауфманскому проспекту. До этого времени для удовлетворения духовных нужд армян изредка приезжали в Туркестан священники с Кавказа [8].

В 1913 году общее число армян в Туркестане составляло 15 541 человек. Армянские церкви были построены так же в Асхабаде, Самарканде, Коканде и др. городах края [9].

Евангелическо- Лютеранская церковь так же имела свой приход в Ташкенте. Приход был утвержден в 12 января 1885 года, пастор был назначен в 1892 году. Строительство кирхи длилось в Ташкенте долгое время. Основной причиной являлась нехватка средств. К концу 1896 года здание кирхи было в целом готово, и в нем можно было совершать церковную службу. 3 октября 1899 года здание кирхи было освящено [10].

Присутствовавших гостей удивило, что служба проходила в основном на русском языке. Учитывая тот фактор, что прихожане не обладали достаточным знанием немецкого языка, управляющий Министерством Внутренних дел Российской империи подписывает разрешение от 26 сентября 1900 года совершать богослужение в Ташкентской кирхе на русском языке [11].

В Ташкенте находилось четыре еврейские синагоги. Первая синагога русских евреев начала действовать в начале 70х годов XIX века в русской части города (улица 12 тополей) [12].

Общественная синагога туземных евреев была построена в 1896 году. В Ташкенте имелась так же частная синагога Юсуфа Давыдова, построенная в 1890 году. Синагога размещалась «на давыдовской улице и освещалась электричеством» [13].

Российская администрация в целом оставила в неприкосновенности систему самоуправления туземных евреев, введя лишь дополнительно в каждой общине должность казенного раввина с функциями аналогичными таковым в еврейских общинах других частей России [14].

Больше всего в Ташкенте было мечетей. Всего было в начале XX века 333 больших и малых мечетей, из них 16 находилось в русской части города [15].

В самом начале вхождения Ташкента в состав Российской империи, были случаи, когда мусульмане хотели посещать православные храмы с целью ознакомления того, как проходила там служба.

Естественно, что мусульман поражали необычность православных церквей, церковный хор, исполнявший прекрасные песнопения, а также религиозная живопись которая поражала воображение местного населения.

10 декабря 1899 года Туркестанский Генерал – губернатор С.М.Духовской обращается с посланием к Епископу Туркестанскому и Ташкентскому Аркадию с просьбой: «В целях сближения нашего с жителями края, исключительно исповедующими мусульманство, было бы желательно, чтобы последним не возбранялось так же посещение, в случае выраженного ими желания, православных церквей для присутствия при Богослужении» [16].

В ответном послании, от 17 мая 1900 года, Епископ отвечает Туркестанскому Генерал – губернатору, что не в его власти принять решение поэтому не простому вопросу, и он должен обратиться в Правительственный Синод за разъяснением [17].

И только лишь 20 февраля 1901 года, был принят Указ Его императорского Величества, Самодержца Российского, в Правительственном Синоде. В Указе было сказано следующее: «Со стороны Синода не встречается препятствий к тому, чтобы Туркестанским епархиальным начальством было дозволено, по его усмотрению туземцам края мусульманам, посещать в их национальных костюмах, православные храмы во время богослужения, если от сего не предвидится по каким либо обстоятельствам, возможности... нарушения благопристойности» [18].

Как мы видим решение на первый взгляд не очень сложного вопроса, нашло свое решение только лишь с разрешения самого Российского императора.

К.П. Фон Кауфман (1867-1882гг), будучи первым начальником края, заложил основы социально- экономического и культурного развития края в российском понимании этого вопроса. В отношении Исламского вопроса была принята «политика

игнорирования», т.е. невмешательство во внутренние дела мусульманского духовенства, и полный отказ от финансирования исламских учебных заведений.

Однако отношение фон Кауфмана вообще к религии и к духовенству было не однозначно.

Известен факт, что епархия Русской православной церкви находилась не в Ташкенте- центре края а в городе Верном. По воспоминаниям современника, известного миссионера, ветерана учебного дела в Туркестане Н.П.Остроумова, именно фон Кауфман был против того, чтобы руководство православной епархии находилось в Ташкенте [19].

Начало деятельности Туркестанской епархии относится к 1872 году, когда в Верный приезжает первый епископ Софония, причем руководство православной епархии остается здесь до февраля 1917 года [20].

Фон Кауфман рассказал и о своем столкновении с покойным Туркестанским епископом Софонией из-за «венчания католиков в православной церкви» [21]. Он не скрывал своих натянутых отношений с покойным епископом, с которым не сошелся со дня первого приезда епископа в Ташкент [22].

К миссионерской деятельности православной церкви Генерал - Губернатор относился отрицательно. В Самарканде был случай крещения одной сартянки. Фон Кауфман определенно высказался, что «находит вообще стремление русских местных священников к прозелитизму несвоевременным. Для Русского православия не составляет большой находки окрестить случайную сартянку» [23]. Генерал-губернатор считал, что «путь к распространению Евангелия среди туземцев должна подготовить русская школа» [24].

Основная идея К.П. фон Кауфмана заключалась в том, что «необходимо воспитывать детей русских и туземцев вместе - для устранения вредного в экономическом и политическом отношениях обособления школ мусульманских от русских. Принять в основание не религиозное различие, а одни и те же правила, при помощи которых можно было бы детей православных жителей Туркестана и детей мусульман сделать одинаково полезными гражданами России...» [25].

Политика последующих начальников Туркестанского края в отношении религиозных дел была не продуманной и слабой.

При строительстве храмов в Ташкенте и в других местностях Туркестанского края большое значение имела личная заинтересованность руководителей краевой администрации и областей. Так именно из-за несогласия фон Кауфмана «потерпело неудачу первое прошение ташкентских католиков о строительстве каплицы (небольшой церкви), причем тот же Генерал- губернатор содействовал возведению в Ташкенте лютеранской кирхи» [26].

Туркестанский Генерал- губернатор А.В.Вревский и его преемник С.М.Духовской, напротив, помогли в продвижении в высшие инстанции ходатайства о постройке каплицы. Личное отношение начальника Закаспийской области видно и в деле о постройке асхабадского костела [27].

Интересна сама «лестница» сбора разрешений. «Прошение писалось на «Высочайшее имя» и подавалось губернатору. Он узнавал мнение местного православного епископа. Естественно, что православные иерархи чаще всего были не в восторге от предложения о строительстве католического храма» [28]. Так, епископ Туркестанский и Ташкентский Дмитрий писал военному губернатору Самаркандской области «...я полагаю, совершенно невозможно разрешить постройку в городе Самарканде костела до тех пор, пока этот город не имеет величественного православного собора» [29].

Еще одним из сложных вопросов межконфессиональных отношений в Российском Туркестане являлся вопрос о преподавании «Закона божьего» в государственных учебных заведениях.

Согласно положению об инославных учебных заведениях от 1871 г. и 31 мая 1872 года положения о городских училищах, «Закон божий» в указанных учебных заведениях для инородцев в Российской империи преподавать не разрешалось [30]. Понятно, когда это касалось мусульманского «Закона божьего». Но речь идет и о христианских конфессиях.

В начале XX века к Туркестанским Генерал - губернаторам обращаются представители армяно-григорианской, лютеранской, римско- католической церковью с просьбой разрешить проведение уроков «Закона божьего» их законоучителям, так как

дети их вероисповеданий на уроки православного законоучителя не ходят [31].

Были еще две просьбы. Разрешить вести уроки законоучителю на природном языке учащихся, и оплатить законоучителю плату за труд за счет государства [32].

Вопрос о языке преподавания был «Высочайше утвержден положением Комитета Министров от 17 апреля 1905года «Об укреплении начал веротерпимости»» [33]. Вопрос оплаты государство возлагает на сами учебные заведения. Но так как учебные заведения Туркестана в экономическом отношении были не в лучшем состоянии, платить за уроки «Закона Божьего» в правительственных школах, родителям перечисленных христианских конфессий пришлось из собственного кармана [34]. Особенно не довольны были таким положением представители армянского общества в Асхабаде, так как на Кавказе в учебных заведениях оплата законоучителя армянского «Закона Божьего» производилась за счет государства [35].

В более сложном положении находились представители иудейской религии - евреи. Для представителей этой конфессии был введен «Закон о черте оседлости», разрешающий расселяться в определенных областях и городах Туркестанского края. Второй закон был в определенной степени секретным и назывался «О пресечении вредной деятельности евреев с целью препятствий эксплуатации последними местного населения». Однако религиозные школы - иешувы евреями, как бухарскими, так и приезжими европейскими были в царское время все же открыты, и оплачивались родителями самих учащихся. Такими, вкратце были взаимоотношения представителей власти и религиозных учреждений в Туркестанском крае.

Использованные источники и литература

1. Остроумов Н.П. Сарты.-Ташкент.1896. С.113-114.
2. ЦГА РУз, Ф.И-1, ОП.27,Д1600а,Л 1.
3. Добросмыслов А.И.Ташкент в прошлом и настоящем.-Ташкент,1912. С.312.
4. Там же.
5. Там же.С.312-317.

6. Там же.С.320.
7. Подробнее см.: Жукова Л.И. К истории Римско- Католического костела в Ташкенте.; Спиридонова А.Л., Заславский В.Б.Католики в Туркестане.(конецXIX-начало XXвв). В сб.К истории христианства в Средней Азии. –Ташкент.1998.
8. Добросмыслов А.И.указ.соч. С.320.
9. Григорьянц А.А. Армянская Апостольская церковь в Средней Азии. В сб. К истории христианства в Средней Азии. –Ташкент.1998. С.201-203.
10. Кнауэр Н.Х. Евангелическо- Лютеранская церковь в Туркестане. В сб. К истории христианства в Средней Азии.-Ташкент.1998. С.240.
11. Там же.С.241.
12. Добросмыслов А.И. Указ.соч.С.321.
13. Там же.
14. Мухамедов Ш. Бухарские евреи (вопросы религии, истории, праздники и обычаи).Бухара.2007.С27.
15. Добросмыслов А.И.Указ.соч.С.321.
16. ЦГА РУз, Ф.И-1, ОП.18, Д.39, Л.1об.
17. Там же. Л.3.
18. Там же.Л.6об-7.
19. Н.П.Остроумов. « К.П.фон Кауфман». Ташкент.1889г.С.51.
20. Проскурин В.Н. Православие Семиречья в памятниках истории и культуры Казахстана. (XIX-XX вв.).В сб. К истории Христианства в Средней Азии. С.50.
21. Там же.С.81.
22. Там же.
23. Там же.С.107.
24. Там же.
25. Остроумов Н.П. . указ.соч.С.49.
26. Спиридонова Л.А. ,Заславская В.Б. Католики в Туркестане. С.215.
27. Там же.
28. Там же
29. Там же.
30. Остроумов Н.П. К.П.фон Кауфман.С.110.
31. ЦГА РУз, Ф. И-47,оп 1, д781.ЛЛ.1-28.
32. Там же.Л.24.
33. Там же.Л.23 .
34. Там же.Л.28.

Ислам и советское государство: взаимоотношения религии с властью в первые годы её существования

Отношение государства к религии, взаимоотношения власти и духовенства, роль конфессии в стране-эти насущные вопросы всегда были в поле зрения историков. Особенно это касается XX века, века катаклизмов и социальных потрясений.

Общество в Российской империи к началу XX века, до начала 1917 года было многоликим, многоконфессиональным, что являлось одной из самых отличительных особенностей огромного государства. Наряду с православием, которое исповедовало около 70% населения (в т.ч. старообрядцы), ислам исповедовало около 11% всего населения, в основном проживающие на территории Средней Азии, центральной части России, в Поволжье, на Северном Кавказе, Урале, в Сибири. В империи также проживали приверженцы иудаизма (более 4%), протестанты (4,85%), прочие-1% и т.д. Из этого следует, что к 1917 году абсолютное большинство населения страны составляли верующие [1]. Эта гигантская многоконфессиональная людская совокупность и являлась тем самым обществом, в котором к началу 1917 года назрели революционные, во многом противоречивые процессы.

В отношении Туркестанского края вышеперечисленные высказывания имеют ещё более актуальный характер. Ислам господствующая религия края, более тысячелетия занимал важное место в общественной жизни края. До 1917 года мусульманское духовенство-улема занимали самое авторитетное место в обществе коренного населения. Несмотря на ограничения имперской власти мусульманское духовенство принимало активное участие в общественно-экономической жизни края, они владели земельными участками, вакуфным имуществом, основная часть доходов поступала с медресе, мечетей, ханака и др. Имперская власть проводила осторожную политику по отношению к исламу, который имел огромное влияние и значение во всех сферах жизни народов Туркестанского края. Следует заметить, край, особенно её центральная часть - историческая территория между реками

Амударьи и Сырдарьи имела свою богатейшую историю, именно эта территория внесла огромную лепту в исламскую цивилизацию, где жили и творили великие ученые-богословы, известные своими произведениями во всем мусульманском мире. Древние города Мавераннахра—Бухара, Самарканд, Кеш, Хива и др. были центрами исламской цивилизации.

К 1917г. на территории Туркестанского генерал-губернаторства существовало и действовало 268 медресе, 1498 больших и 11230 малых мечетей. [2] В это же время в Бухарском эмирате вели свою деятельность 140 медресе, 360 мечетей, а в Хивинском ханстве 120 медресе. [3] Таким образом, ислам имел огромное значение в общественной жизни народов Туркистана.

В годы Первой мировой войны, особенно в 1916 г. ещё более обострились социально-политические отношения в крае. Ухудшилось экономическое положение, кризис охватил все отрасли производства, усилился процесс обнищания дехкан, обострились классовые противоречия. После национально-освободительного движения 1916 года, положение ещё более ухудшилось. К началу 1917 года расстановка политических сил в обществе в России, в том же Туркестане изменилось, преобладали антимонархические, буржуазно-демократические настроения, особенно в средних и нищих слоях населения, Подобные настроения наблюдались и в среде духовенства. А также следует отметить джадидов-просветителей. После февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., под влиянием революционно-демократически настроенных масс, учитывая недовольство нацменьшинств в разных уголках бывшей империи, изменилось отношение нового правительства Ф.Керенского, стоявшего во главе России к религии и религиозным верованиям. 20 марта 1917 года Временное правительство принимает постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» в котором была объявлена независимость всех церквей и отменены все прежние их привилегии. [4] Это был первый шаг на пути к принятию закона «О свободе совести», о необходимости разработки которого Временное правительство заявило, едва ли не сразу придя к власти. Поддержку Временному правительству оказали еврейские раввины, глава менонитских общин в России

Крекер, руководители российского баптизма и евангелийских христиан П.Павлов и И.Проханов, исламское духовенство. Например, в Казани, Тамбове, Самаре и других местах мусульманское духовенство организовало массовые молебствования в честь февральской революции, Временного правительства и т.д. и т.п. В Туркестанском крае тоже возросла общественно-политическая активность религиозных организаций, духовных лиц, особенно представителей национально-просветительского движения-джадидов, в котором было не мало духовных лиц. Таким образом, усилилось их проникновение на арену политической борьбы. Как было подчеркнуто выше, после победы февральской революции усилилась политическая активность местных джадидов, в рядах которых числилось немало прогрессивно настроенных духовных лиц ислама, ученые, преподаватели медресе и другие представители высших, особенно среднеобеспеченных слоев населения. Вскоре, по инициативе джадидов в Туркестанском крае были созданы различные организации, такие как «Шураи Исламия», «Мифтах ул маориф», «Маърифат ва шарият», «Талабалар», «Муаллимлар», «Шураи Улема» и другие, которые выходили в свет со своими прогрессивными идеями, инициативами, часто привлекали в свои ряды духовных лиц, улема, ишанов и др. [5]

14 июня 1917 года Временное правительство приняло закон «О свободе совести», где утверждались принципы свободы выбора гражданами любой религии, веротерпимость, возможность беспрепятственного отправления всяких религиозных культов, исключая изуверских. Однако, в законе было закреплено, главным образом лишь исключительное право граждан на исповедание религий и почти ничего не говорилось о праве быть атеистом, вести антирелигиозную пропаганду. [6] В законе были подтверждены права религиозных организаций на проведение широкой религиозно-общественной, проповеднической, благотворительной, педагогической деятельности при сохранении лояльности к существующему политическому строю. В составе Временного правительства было создано специальное министерство исповеданий. Этот шаг Временного правительства поддерживали многие представители духовенства различных религий.

После Октябрьского переворота изменилось отношение между властью и религией, между государством и духовенством. В первые дни советской власти уже происходили первые стычки с православной церковью, начались напряженные отношения с православным духовенством во главе с патриархом Тихоном.[7] Установившаяся новая власть, следуя программным установкам партии большевиков, стремясь как можно скорее применить их в сложившихся условиях разрушенных старых государственных структур бывшей империи, начала в спешном порядке осуществлять провозглашенные ею ранее принципы взаимоотношений пролетарского государства с церковью. Уже 2 ноября 1917 года была обнародована «Декларация прав народов России», подписанная В.И.Лениным и И.В.Сталиным, в которой церковь отторгалась от сфер гражданской и государственной жизни, отменялись все религиозные привилегии и ограничения. [8] Официальное отношение к исламу советская власть декларативным образом проявила в обращении от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. под названием «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанным председателем СНК России В.И.Лениным и Наркомом по делам национальностей И.В.Сталиным. В обращении «верования и обычаи советских мусульман их культовые и культурные учреждения» провозглашались «свободными» и «неприкосновенными». Лидеры большевиков призывали мусульман Востока оказать советской власти «сочувствие» и «поддержку» в борьбе «за освобождение угнетенных народов» от социального, в первую очередь империалистического гнета. [9] По просьбе верующих 9 декабря 1917 года СНК принял решение о выдаче из фондов Государственной публичной библиотеки краевому мусульманскому съезду Петроградского национального округа «священного Корана Османа». [10] Не без сочувствия отнесся СНК к съезду мусульман-коммунистов, проходившему в Москве 3-6 ноября 1917 года под руководством Султан-Галиева [11] Всего до конца 1917 года СНК России было издано 7 различных декретов и документов, относящихся к национальным и религиозным вопросам. В исламе этническая принадлежность не имела особенную значимость. Личность определяли по религиозному признаку, то есть принадлежность к исламу была неким надна-

циональным интегрирующим моментом. Следует заметить, что в имперский период в России издавна существовало деление населения на православных, магаметян и других.

В первые годы советская власть тоже использовала такую же терминологию в отношении классификации населения в документах, декретах, обращениях и др. Обращаясь к населению Средней Азии, Северного Кавказа, Поволжья использовали термин «мусульмане –трудящиеся Востока». За всей условностью такого терминологического обобщения народов, без сомнения стояло признание роли ислама в жизни всех народов, проживавших на территории его традиционного распространения. По сути, вся жизнь населения полностью регулировалась законами ислама. В Организациях, в движениях, на различных постах советского государства служило немало мусульман. Не случайно, поэтому, когда 17 января 1918 года декретом СНК за подписью В.И.Ленина и И.В.Сталина был учрежден специальный Комиссариат по делам мусульман, то его руководителем выдвинули члена Учредительного Собрания от Казанской губернии муллу Нур-Вахитова. Комиссариат по настоянию И.В.Сталина, с согласия В.И.Ленина вел свою деятельность при «Народном Комиссариате по национальным делам» и управлял делами мусульман, исключительно «внутренней России». [12] В то же время, руководствуясь идеологическими соображениями, с одной стороны, преследуя конкретные политические цели был обнародован Декрет от 20 января 1918 года по которому церковь отделялась от государства, а школа от церкви. [13] Естественно, этот документ вызвал негативную реакцию в различных конфессиональных кругах, в том числе и у мусульманских духовных лиц и их паствы. 23 января 1918 года декрет был опубликован под названием «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» Но уже вскоре после этого в «Собрании узаконений», сборнике правительственных документов №18 за 1918 год, декрет был опубликован под названием «Отделение церкви от государства и школы от церкви» [14] В условиях Гражданской войны, а в Туркестане это обуславливалось вооруженной повстанческой борьбой против советской власти реализация вышеназванного документа в мусульманской среде продвигалась крайне медленно. В приказе

Туркестанской АССР от 20 ноября 1918 года процесс отделения школы от религии в виде исключения и «недопонимания мусульманским населением вышеназванного документа» учеба в мусульманских школах продолжалась. [15] Политика «военного коммунизма», наступление на религию советским государством национально-демократической автономии-«Кокандского Мухториата», крайнее ухудшение экономического положения в крае, распространение инфекционных заболеваний, обнищание, небывалый голод, разруха, неопределенность, бесчинство уголовных шаек и многое другое привели к тому, что дальнейшей судьбе советской власти грозило большая опасность. К тому же основная часть Ферганской долины перешла в руки повстанческих сил. Поэтому удержание власти во многом определило достаточно гибкую и осторожную партийно-советскую политику. Советская власть в Туркестанском крае способствовала закрытию ряда мусульманских организаций, например, закрытие организации «Шурои Улема», в которых принимали участие видные деятели богословы и авторитетные духовные лица. В мае 1918 года была прекращена деятельность газеты «Аль-изах», вышеупомянутой организации и др., прекращено финансирование мусульманских школ (мактабов) из вакуфных средств. Начиная с 1918 года в период национализации вакуфных земель, относящихся к мечетям, медресе, ханака и др., усилилось недовольство мусульман, что подорвало авторитет советского государства. В конце 1917 начале 1918 годов в нескольких городах Туркестанского края в Ташкенте, Андижане, Самарканде состоялись митинги недовольных масс, особенно из-за мер религиозного ограничения, принятых советским государством. Прекращение деятельности Кокандской Автономии (Мухториат) в феврале 1918г. и подавления движений национальной буржуазии, обстрел города Коканда вызвало бурю протеста и без того недовольных народных масс политикой советского государства.

Необходимо отметить, что с середины 1918 года началась политика конфискации вакуфных земель в пользу государства. Исполнительные комитеты советской власти на местах, начиная с 1918 года начали менять управляющих вакфов на местах (мутавалли) угодными для власти людьми. Например, 19 июля

1919 года исполнительная власть Старого Маргелана (ферганская долина) ссылаясь на случаи взяточничества и использование средств в личных целях, заменила другим кандидатом с поста имама мечети Яраталык и мутавалли медресе Акюлбай. [16] Подобные случаи участились: в городе Намангане сняли с должности мутавалли мечети Айритам, обвиняя в «сокрытии доходов от вакфов». Такие же обвинения были выдвинуты против нескольких медресе и мечетей Ферганской долины, владеющих вакуфами. В течение 1918-1921 годов было конфисковано много вакуфных земель и имущества в Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областях.

Джадиды–просветители Туркестанского края, прогрессивные представители духовенства и другие высказывались против подобной политики советской власти. Один из видных представителей джадидов Мунаввар Кары Абдурашидханов (1878-1931гг.) выступая на курултае (съезд) представителей народного образования ТАССР 30 июля 1920 года в Ташкенте, раскритиковал политику советов по вопросу вакуфов и высказал свою точку зрения о вакуфном имуществе. Остановливаясь на вакуфах М.Абдурашидханов подчеркнул, что они имеют не только религиозный характер, но еще и веками служили экономической поддержкой образования. В документе, принятом ЦИК и СНК Туркестанской АССР -Земельном кодексе №353 от 17 ноября 1920 года говорится о том, что вакуфные земли будут конфисковываться в пользу государства. [17] Правда, в последствии, в годы НЭПа, точнее в 1922 году в июле месяце этот документ был пересмотрен. А в самой России политика проводилась несколько иначе. Основной целью советского государства изначально была православная церковь, которая во времена монархии была главной опорой власти. Именно 1919 год ознаменовался планомерным наступлением на православие. Организующим началом этого наступления явились решения и установки VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 года. Религиозному вопросу съезд уделил немало внимания. Перед работой съезда в ряде печатных изданий появились публикации известных деятелей РКП(б) с критикой «примиренческих позиций органов партийной пропаганды по вопросу о контрре-

волюционной роли церкви». Критически была оценена работа партии по выполнению решений ЦК РКП(б) от 19 мая 1918 года об усилении агитационно-пропагандистской работы в ответ «на возросшую агитацию духовенства». Было выдвинуто требование о включении религиозного вопроса в повестку дня съезда. Однако руководство ЦК РКП(б) не дало втянуть партию в дискуссию по такой, отнюдь не первостепенной для той ситуации теме. В программе РКП(б) принятой съездом ему был посвящен специальный раздел «В области религиозных сношений». [18] О принципах взаимоотношений государства и церкви шла речь и в резолюции съезда «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне». [19]

Таким образом, с начала 1917 года, особенно в первые годы советской власти взаимоотношения ислама с новой властью, мусульман с советским государством было сложным и противоречивым. С одной стороны советская власть с настороженностью относилась к исламу, с другой – начался планомерный процесс по принижению роли религии в обществе. Этот процесс тесно переплетался с политикой руководства Туркестанской АССР. Отвергая роль ислама в общественной жизни края в первые годы своего правления советская власть столкнулась со многими проблемами.

Использованные источники и литература

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Политлитература. 1991. С.10-11; О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М., 1981, С.64; Население СССР, 1987. Статистический сборник. М,1988., С.8.
2. Национальный Архив Республики Узбекистан. Фонд-47, 2-опись, 116-дело. 4-7 лист; там же Фонд-1, 18-опись, 29-дело, 564-565 лист.
3. Эргашев Б.Х. Идеология национально-освободительного движения в Бухарском эмирате. Т.:Фан, 1991, С.16.; Маткаримов М. Хоразм Республикаси давлат тузилиши, нозирлари ва иктисоди.Ургенч, 1993.С.19.
4. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Политлитература. 1991. С.13.

5. Салмонов А.М. Ўзбекистонда мусулмон диний муассаса ва ташкилотлар фаолияти тарихи (1917-1950 йиллар). Дисс.на соис. уч.степ. канд.ист.наук. на узб яз. Ташкент, 2008.С.26.
6. Алексеев В.А. Указ соч.С.17.
7. Кандидов Б. Контрреволюционная деятельность церкви в дни Октябрьской социалистической революции.//Антирелигиозник. 1937.№10.С.29; Всероссийский церковно-общественный вестник, 1917.№ 156. 1 декабря; Алексеев В.А. Указ соч. С.25-26.
8. Алексеев В.А. Указ соч. С.27
9. Декреты Советской власти.М.,1957.Т.1,С.113-115; Ислам и советское государство (1917-1936гг.) Сборник документов. Выпуск 2. сост.авт.пред. и прим.Д.Ю. Арапов М.,Изд.дом Марджани.2010.С.11, 19-20; Газета “Правда”, №-196 от 22 ноября 1917г.
10. Ислам и Советское государство.С.23
11. Алексеев В.А. Указ соч. С.32
12. Алексеев В.А. Указ соч. С.33-34.
13. Декреты Советской власти.М.,1957.Т.1,С.373-374; Ислам и советское государство.С.11
14. Мегружан Ф. Двадцатилетие декрета «Об отделении церкви от государства//Антирелигиозник, 1938.№1 С.26.
15. Национальный Архив Республики Узбекистан.Фонд-Р-34, 1-опись, 14-дело. 4- лист.
16. Салмонов А.М. Указ. дисс. С.35.
17. Салмонов А.М. Указ. дисс. С.36.
18. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970.Т.2 С.49.
19. Там же. С.83

Эволюция государства и модель культуры в Узбекистане в 1920-1930-х годах

История узбекской государственности является одной из актуальных тем современности. В разное время отдельные периоды истории государственности исследовали ученые-историки с последующей публикацией результатов научных исследований. История государственности советского периода, влияние на нее репрессивных механизмов власти является одной из малоизученных и актуальных вопросов современной исторической науки Узбекистана. В данном разделе мы затрагиваем некоторые вопросы, посвященные истории государственности в 1920-1930 гг.

20-е годы XX века стали периодом становления в Узбекистане, типа культуры, который можно охарактеризовать как противоречивый и переходный. Вместе с тем, в 30-е годы XX в., в процессе завершения эволюции советского государства, утвердилась модель культуры большевиков. В результате, пройдя через множество метаморфоз, культура оказалась крайне ослабленной как в плане своего общецивилизационного содержания, так и с точки зрения исконно национальных обычаев и традиций. На XII съезде РКП (б) в апреле 1923 г. Сталин говорил о необходимости охватить коммунистами все отрасли управления, особенно духовно-идеологический командный состав, при помощи которого партия держит в руках аппарат и осуществляет свое руководство. Одновременно выдвигались и требования к кадрам на руководящих постах: это должны быть “люди, умеющие осуществить директивы, могущие понять директиву, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие претворить их в жизнь” [1].

ЦК ВКП (б) сразу же после образования новых среднеазиатских республик сосредоточил энергичные усилия по предупреждению “опасности”, исходящей от угрозы “местного национализма”.

Центральная власть опасалась, что “контрреволюция”, и внутренняя, и внешняя, могут взять на вооружение сам факт

“национально-государственного размежевания” для развертывания “националистической пропаганды”, отторжения Средней Азии от советского государства. И надо сказать, что основания для беспокойства имелись. Во второй половине 20-х г. среди зарубежной эмиграции “усиливались, – как писалось в советской печати тех лет, – голоса идеологов пантюркизма” – Заки Валиди, Мустафы Чокая, М. Расул-Заде и др., сгруппировавшихся вокруг издававшегося в Константинополе журнала “Янги Туркистон”. Они резко критиковали национальную политику союзного руководства, аргументировано указывали на формальный характер провозглашения национальной государственности в среднеазиатских республиках.

В свою очередь, оживлялись оппозиционные настроения непосредственно в регионе, особенно в Узбекистане. Квалифицируя попытки местных прогрессивных сил обеспечить официально провозглашенное право на национально-государственную самостоятельность, как “националистическую контрреволюцию”, правящая политическая элита центра стремилась на первом этапе прежде всего идеологически их дискредитировать. В этих целях был изобретен надуманный тезис, будто бы “внутренняя контрреволюция повела работу по раздуванию национального антагонизма, в первую очередь между российским пролетариатом и местным дехканством”.

В частности, эту направленность “националистической пропаганды” отметил II съезд компартии Узбекистана (ноябрь 1925 г.). “Враждебные силы, подчеркивалось в его документах, пытались и пытаются удержаться во всех порах государственного аппарата и кое-где им еще удается держать под своим влиянием низовые советские аппараты. Их последней попыткой является усиление национально-шовинистической агитации, направленной против основ Советской власти на срыв союза дехканина с рабочим классом”[2].

Особенно острым нападкам подверглись в середине 20-х гг. джадиды. Туркестанские джадиды призывали к службе, правде и просвещению. Для них признаком прогресса и источником распространения знаний стала газета. Туркестанские прогрессисты в самом начале своей журналистской деятельности срав-

нивали газету с доктором, вылечивающим «болезни» общества [3]. Утвердилась схема, согласно которой “внешняя контрреволюция” в борьбе против советской власти взяла на вооружение идеи «панисламизма» [4] и «пантюркизма» [5], а внутренняя в лице торговой и промышленной национальной буржуазии идеологию джадидизма, пытаясь вдохнуть в нее новые силы.

Союзное партийное руководство, Средазбюро ЦК ВКП (б) настораживало, что определенные попытки защитить, поддержать джадидизм были сделаны даже членами партии. К примеру, уже на VII пленуме Средазбюро ЦК ВКП (б) (2-4 июля, 1925 г.), констатировавшего, что главным орудием борьбы контрреволюционных элементов является игра на национальных чувствах и попытки разложения советского аппарата с целью его дискредитирования, некоторые коммунисты попытались отвести удар от джадидизма. Указывая на то, что реформаторская часть духовенства представляет большую опасность, чем джадиды, они ставили перед партией альтернативу: поддерживать прогрессивную (реформаторскую авт.) часть духовенства или старых джадидов?

Большое внимание проблемам “идеологического противоборства” было уделено на III пленуме ЦК КП (б) Уз (14-19 мая 1926 г.), специально рассмотревшем вопрос “Очередные задачи на идеологическом фронте”. По сути, пленум определил и обосновал в свете “генеральной линии” ЦК ВКП (б) политику борьбы республиканской партийной организации с “буржуазно-националистической идеологией” за упрочение позиций “пролетарского мировоззрения”. В связи с этим предпринимались шаги по проведению агитационной пропагандистской работы с помощью «красных чайхан» [6] изб-читален, библиотек, громкочитален в городах и селах [7].

Актуальными с точки зрения разворачиваемого центром идеологического наступления стали его выводы о соотношении борющихся сил в республике, превращении идеологической сферы общественной жизни в арену “наиболее обостренной классовой борьбы; о решающих направлениях борьбы на идеологическом фронте-противодействие проникновению “буржуазно-националистической идеологии” в среду рабочего класса, дехканства и

особенно в ряды партии, оформление и закрепление перелома старой интеллигенции” в сторону советской власти, “разоблачение ложных позиций ее буржуазно-националистической верхушки”; усиление партийного руководства печатью, народным образованием, работой среди молодежи; воспитание и “закаливание интернациональных партийных кадров” [8].

Исходя из соответствующего идеологического анализа экономического и политического развития республики III пленум ЦК КП (б) Уз отметил, что ведущей тенденцией, которая “обеспечивает победу основной идеи переход к социализму”, является укрепление позиций “пролетарского государства”. С другой стороны, в условиях нэпа растут и укрепляются “враждебные силы”. Сопrotивление “национальной буржуазии”, хотя она “потерпела поражение в экономической и политической областях, продолжает оставаться серьезным”.

Охарактеризовав соотношение борющихся сил в республике и “вскрыв” причины “обострения классовой борьбы”, пленум обратил внимание на то, что особую остроту она приобрела в идеологической сфере общественной жизни, так как “национальная буржуазия усилила атаки” по завоеванию школ, печати и других идеологических командных высот.

В борьбе с “буржуазно-националистической идеологией” Средазбюро и подконтрольный ему ЦК КП (б) Уз выделили в то время две приоритетные проблемы: во-первых, выработка тактического подхода к национальной интеллигенции и, во-вторых, установление природы “националистических проявлений” в рядах компартии Узбекистана, их социальной и политической сущности.

В партийных документах тех лет указывалось, что наряду с “большой частью” интеллигенции, признавшей советскую власть и работавшей с ней, а также “колеблющейся частью”, которая не выступала против советской власти, но и не становилась на ее сторону, имелась еще и группа интеллигенции, открыто вставшая на путь “контрреволюционной борьбы”. По мнению коммунистических идеологов она социально была связана с “национальной буржуазией” и выражала “классовые интересы последней”, являясь “основным носителем буржуазной идеоло-

гии”. Добиваясь восстановления “господства национальной буржуазии”, эта “контрреволюционная интеллигенция” стремилась, якобы, укрепить свое влияние “на колеблющуюся ее часть”.

Особое внимание обращалось также на изменение тактики “буржуазной интеллигенции” по отношению к духовенству. Так, в документах III пленума ЦК КП (б) Уз подчеркивалось, что если до революции она, отстаивая интересы буржуазии в борьбе с “феодальными силами”, еще выступала против духовенства как главного их идеолога, то теперь “с целью объединения и упрочения антисоветских сил” идет на установление с ним прочного союза с целью использования его влияния на некоторые слои местного населения”[9].

Выдвинутый в соответствии с этим лозунг “Советски настроенную интеллигенцию (надо) закрепить за нами, колеблющуюся завоевать, а вредную, контрреволюционную сбить с наших командных постов” определили на тот момент основные направления работы партийной организации среди национальной интеллигенции [10].

В тесной связи с выдвинутой III пленумом ЦК КП (б) Уз задачей “самого широкого разоблачения перед трудящимися и близкой к советской власти интеллигенции ложных позиций верхушки буржуазно-националистической интеллигенции и попыток к смычке ее с духовенством, вскрывая при этом антисоветский контрреволюционный характер этой позиции”, была предпринята попытка дать оценку джадидизму. “Насущная потребность” в этом диктовалась участвовавшими случаями “смешения идеологии джадидизма с пролетарской идеологией, отождествления джадидизма с большевизмом”. В принятых III пленумом ЦК КП (б) Узбекистана решении четко указывалось на “полную непримиримость идеологии партии с идеологией джадидизма, полной их противоположности по классовым устремлениям и целям”. Более того, в соответствии с выполнением поставленной ЦК ВКП (б) задачей по большевизации партийной организации определялась необходимость решительной борьбы “с идеологией национальной буржуазии, с джадидизмом”[11].

В ходе, разворачиваемой в середине 20-х гг. кампании идеологического “развенчания” “буржуазного национализма” по-

литическому остракизму была подвергнута прежде всего “антипартийная платформа” “группы 18-ти” и так называемая “иногамовщина”.

Обращаясь к истории борьбы против “группы 18-ти”, следует отметить, что ее побудительной причиной послужило поданное 19 ноября 1925 г., накануне II съезда КП (б) Уз коллективное письмо в ЦК компартии Узбекистана 18-тью ответственными партийными и советскими работниками, среди которых находились Председатель СНК УзССР Ф. Ходжаев, Нарком внутренних дел Рахмат Рафиков, Нарком земледелия Хидыралиев и др. В своем заявлении они просили ввиду “создавшихся ненормальных условий для дружной и плодотворной работы” освободить их от занимаемых постов в Узбекистане и откомандировать в распоряжение ЦК РК (б). Вслед за письмом “18-ти” последовали аналогичные заявления от ряда руководящих работников на местах.

Участники “группы 18-ти” открыто не говорили об идеологическом и политическом давлении со стороны центра, не поднимали вопросы культурного строительства. Они предлагали остерегаться практики уравнительного землепользования в процессе намечаемой аграрной реформы, полнее использовать потенциал товарно-денежных отношений, бережнее относиться к зажиточному дехканству, повсеместно учитывать специфику и потребности края при осуществлении социалистических преобразований. Но даже такие, довольно умеренные предостережения, вызвали в центре негативную реакцию. Средазбюро ЦК ВКП (б) обвинил на своем заседании от 22 ноября 1925 г. членов группы в стремлении “сохранить байско-кулацкое землевладение”, “законсервировать феодальные порядки”, в уклоне в сторону “местного национализма”. В след за этим Президиум II съезда Компартии Узбекистана принял специальную резолюцию[12], в которой утверждалось, что по идеологии, “мелкобуржуазной по своей сути”, “группа 18-ти” носит “явно антипартийный, враждебный ленинизму” характер и представляет “исключительную опасность для единства партии, крепости диктатуры пролетариата в Узбекистане, представлявшим собою по преимуществу дехканскую страну”.

Борьба с идеологией “группы 18-ти” и в последующие годы оставалась в центре внимания союзных и республиканских партийных верхов, но особую остроту ей придало “разоблачение иногамовщины”.

Важно подчеркнуть, что Рахим Иногамов, являясь заведомо печатом ЦК КП(б) Уз, наиболее полно выразил царившие в то время оппозиционные настроения среди национальной интеллигенции по вопросам культурного строительства. Он и поддерживающая его группа ответственных национальных работников в лице Мавлянбекова, Исамухамедова, Шермухамедова, Бабаназарова и других выступили с обоснованной критикой национальной политики союзного руководства.

Свои взгляды Рахим Иногамов публично выразил в изданной в конце 1926 г. книге “Узбекская интеллигенция”. В ней проводилась мысль, что ведущую роль в развитии общества призвана играть не “диктатура партии”, а сам народ, духовно возглавляемый интеллигенцией. Отвергая приоритет классового подхода, он вслед за национальными просветителями прошлого, известными джадидами утверждал, что вся сила в знании, в духовном просвещении, основанном на органическом единстве вековых национальных культурно-гуманистических традиций и общечеловеческих гуманитарных ценностей.

Показательна в этом отношении оценка лидера зарубежной эмиграции М. Чокая, отметившего, что “группа узбеков, во главе с Рахимом Иногамовым, категорически требовала права узбеков на самоопределение, развязывание пути препятствий к полной и настоящей автономии и ликвидации опеки Среднеазиатского бюро над Туркестаном”.

Чрезвычайную опасность оппозиционных выступлений группы Р.Иногамова партийные верхи видели в его растущей поддержке как со стороны национальных коммунистов, так и широких слоев коренного населения. Секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б) И.А. Зеленский в своем письме, отправленном в январе 1927 г. в политбюро ЦК ВКП(б), откровенно признавался, что Иногамов и его единомышленники “... имеют серьезную опору в партии и массах. Они могут стать сильными, поскольку вокруг них начинают объединяться все партийные элементы”.

Средазбюро и ЦК ВКП (б) решительно подняли всю партийную организацию республики на борьбу против “иногамовщины” с целью твердого пресечения “националистических вылазок” ее сторонников. Уже 16 января 1927 г. ЦК КП (б) Узбекистана направил письмо “Всем областным и городским, районным комитетам КП (б) Уз”, в котором давалась политическая оценка “иногамовщины”, полученная на заседании Исполбюро ЦК КП (б) Узбекистана 12 декабря 1926 г[13]. В нем отмечалось, что политическая платформа “иногамовщины” широкое предоставление свободы слова всем, вплоть до “контрреволюционных буржуазных элементов”; отрицание “успехов социалистического строительства”; отрицание “руководящей роли союзного пролетариата (в лице партии авт.) в социалистическом строительстве в Узбекистане, приписывание ему колонизаторских функций”, взгляд на национальную интеллигенцию как на руководящую силу; “неверие в творческие силы партии” свидетельствуют об отходе группы Иногамова на “позиции классового врага”. Это “есть объективное выражение чаяний наших классовых противников, есть выражение мелкобуржуазной идеологии”. ЦК КП(б) Уз призвал все партийные организации республики дать решительный отпор новой формации “мелкобуржуазного уклona”.

Вместе с тем ЦК КП (б) Уз подчеркнул, что политическая платформа “иногамовщины”, являвшаяся воплощением “реакционных взглядов” на сущность национальной политики партии в условиях диктатуры пролетариата, имела “четкую националистическую направленность”. Эта оценка была развита в решениях XII пленума Средазбюро ЦК ВКП(б) (январь 1927 г)

Надо отметить, что борьба с “иногамовщиной”, достигшая кульминации в конце 1926-1927 гг., не только совпала по времени с “разоблачением”, “троцкистского-зиновьевского блока”, но и носила на себе отпечаток этой борьбы. Вскрытые XV конференцией ВКП (б) (26 октября 3 ноября 1926 г.) “принципиальная несостоятельность взглядов оппозиционного блока”, их “несовместимость” с “ленинизмом”, жесткая классово-политическая оценка дали толчок массовому “очистительному” походу, активизации идеологического наступления на всем со-

юзном пространстве. В Узбекистане объявленный партией в начале 1927 г. идеологический “Худжум’от” проходил под лозунгом “Мафкурамайдонидакураш” активное наступление на всех участках идеологической борьбы “нового со старым”. В контексте его осуществления предусматривалось, наряду с нарастающей чисткой партийных рядов, властно-управленческих органов, общественных организаций от “враждебных элементов”, предпринять энергичные усилия по интенсивному проращиванию “ростков социализма” во всей духовной сфере.

Использованные источники и литература

1. Двенадцатый съезд РКП (б) Стеногр.отчет. –М., 1968. –С. 62–63.
2. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т.1- с.219-221
3. Абдурашидов Зайнабиддин. Аннотированная библиография Туркестанских материалов в газете «Гаржуман» (1883-1917) TIASCentral Eurasian Research Series # 5 Graduate School Humanities and Sociology The university of Tokio. 2011
4. Панисламизм (др.греч. «Pan» - всё, и араб. Islam- ислам). Религиозно-политическая идеология в основе которой лежат представления: о духовном единстве мусульман всего мира вне зависимости от социальной, национальной или государственной принадлежности, о необходимости их политического объединения под властью высшего духовного главы (халифа).
5. Пантюркизм (син. пантуранизм) культурное политическое течение, идеология, распространенная в государствах, населенных тюркскими народами, в основе которых лежат идеи о необходимости их политической консолидации на основе этнической, культурной и языковой общности. Сформировалось во 2-ой половине XIX века.
6. ЦГА РУз, ф. р. – 34, оп.1, д. 2607, л.18, л.19
7. ЦГА РУз, ф. р. – 34, оп.1, д. 1903, л.57.
8. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т.1. –С.219–221.
9. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Т.1. –С.222–223.

10. Акмаль Икрамов. Избранные труды. Т.1.–Ташкент: Узбекистан. 1972. –С.263.

11. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях.. –С. 221.

12. II съезд КП (б) Узбекистана проходил в г. Самарканде с 22-30 ноября 1925 года.

13. Очерки по истории Коммунистической партии Узбекистана. «Узбекистан» Ташкент. 1964. с.178.

Государственная политика республики Узбекистан по обеспечению межнационального согласия и толерантности в обществе

Государственная политика Узбекистана в области национальных отношений (этнополитика) в широком смысле – это составная часть и специфический аспект политики в условиях многонационального, полиэтнического государства. Будучи включенной в общий контекст политики, она обладает известной самостоятельностью, и в этом качестве способна как ускорять, так и тормозить ход общественного, а значит и национального развития.

Этнополитика в узком смысле – это стратегический курс правительственных структур, политических партий, общественных движений полиэтнических государств в национальном вопросе, находящий своё закрепление в законодательных актах, специальных программах и других соответствующих документах.

Демократическая этнополитика опирается на следующие принципы:

равноправие этнических групп,

– межнациональное, межэтническое согласие и толерантность,

– запрет любых форм недемократического решения национального вопроса (национализм, расизм, фашизм, апартеид, сегрегация, депортации, принудительные миграции, насильственная ассимиляция и т.д.),

– поддержка прав меньшинств на сохранение этнической самобытности и своеобразия.

– сочетание этнонациональных и общегосударственных интересов,

Как отмечается в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации: «всякая теория превосходства, основанного на расовом различии, в научном отношении ложна, в моральном - предосудительна, а в социальном - несправедлива и опасна и что не может быть оправдания для ра-

совой дискриминации, где бы то ни было: ни в теории, ни на практике» [1].

Равноправие, консолидация, взаимодействие, совместное процветание всех этносов - таковы основные принципы этнополитики Республики Узбекистан. В Конституции и других законодательных актах Республики (Закон «О государственном языке», Закон «О гражданстве» и т.д.) [2] и отмечается: все граждане Республики Узбекистан, независимо от национальности равноправны; государство гарантирует законные права и интересы всех национальностей, запрещены дискриминация любой национальности, а также действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей.

В Указе Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции Государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений» подчеркивается, что «в современных условиях представители более 130 проживающих в стране наций и народностей, пользуясь предоставленными Конституцией и законами Республики Узбекистан одинаковыми правами и возможностями, плодотворно работают в различных отраслях экономики и социальной сфере, сферах науки и культуры, внося достойный вклад в процветание Родины и укрепление ее независимости, повышение авторитета и имиджа республики на международной арене». [3]

Государство выступает против национального шовинизма и национализма: каждая нация имеет право свободного применения и развития своего языка и культуры, имеет право на сохранение собственных верований, традиций, обрядов, обычаев. На Всеобщей Декларации прав человека отмечено, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира», «необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами». [4]

Широкомасштабные социальные реформы в современном Узбекистане требуют главного - заинтересованной поддержки, активного участия всего народа, каждого гражданина, независимо от его этнической, конфессиональной, социальной тендерной ненадежности. В этой связи особо ак-

туализируется проблема заинтересованности людей в своем настоящем и будущем. Большинство исследователей и экспертов отмечает стабильность и благоприятная динамика развития межэтнических отношений в нашей стране.

В реализации этнокультурных потребностей и интересов общества можно определить два органически связанных друг с другом направления в качестве главной и решающей цели. Одно из этих направлений основывается на укреплении этнических традиций, обычаев, развитии национального языка, этнических особенностей духовности, служащих сегодняшнему национальному развитию, на формировании этнически ориентированного мировоззрения и мышления. Второе направление опор, на общечеловеческие ценности и достижения мирового прогресса. Опираясь на эти идеи, принципы и направления, необходимо воспитывать молодёжь, развивать понимание ее собственных интересов и стремлений.

Узбекистан выгодно отличается от других стран стабильностью в межнациональных отношениях. С обретением независимости в Узбекистане возникла совершенно новая социально-политическая ситуация в развитии межнациональных отношений. Для обеспечения стабильности в нашей многонациональной стране в трудных условиях перехода к рыночным отношениям, становления новой узбекской государственности необходимо было с самого начала проводить взвешенную национальную политику, не ущемляющую права и интересы многочисленных этнических меньшинств в республике.

Узбекистан традиционно многонационален, полиэтничен. История взаимодействия различных этносов восходит здесь к глубокой древности. Веками живут рядом с узбеками таджики, казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, бухарские евреи, персы, арабы, уйгуры, дунгане и т.д. На протяжении длительного времени для этнических процессов и межэтнических отношений в Узбекистане характерны открытость, дружелюбие, добрососедство.

Большинство коренных этносов региона объединены глубокой хозяйственно-бытовой, языковой, конфессиональной, этнокультурной близостью.

Этническая мозаичность и культурное многообразие рассматриваются как богатейший прогрессивный потенциал, влиятельный рычаг строительства нового демократического правового государства и гражданского общества, социальной справедливости и межнационального согласия. Анализ тенденций развития межнациональных отношений за 28 лет независимости свидетельствует о собственном пути нашего государства в межэтнических отношениях. Он базируется на вековых традициях толерантности, взаимопонимания, дружелюбного и уважительного отношения к другим народам. Узбекистан гордится тем, что в исторической памяти нашего народа и государства нет позорных страниц проявления антисемитизма, расизма и других форм высокомерного и неуважительного отношения к другой нации, к другому народу.

Собственная государственная политика в области межнациональных отношений, цивилизованный и гуманистический подход к решению межнациональных проблем привел к стабильности в межнациональных отношениях, выгодно отличающих Узбекистан среди других государств. В сегодняшних условиях независимости определенно можно сделать вывод о том, что в республике претворяется в жизнь узбекистанская модель межнационального согласия.

На новом этапе развития Узбекистана, Президентом Республики Узбекистан Ш. Мирзиёевым, были приняты ряд документов еще более укрепляющие межнациональную стабильность в стране.

Принятие и реализация Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах, само время, в котором мы живем, необходимость осуществления взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики, направленной на укрепление независимости и суверенитета государства, создание вокруг страны пояса безопасности, стабильности и добрососедства, а также дальнейшего укрепления в сознании населения, особенно молодежи, гуманистических ценностей, сохранения и поддержки атмосферы взаимного согласия, уважения и взаимовыручки между различными национальностями требуют поднятия на качественно новый уровень работы, осуществляемой в этой сфере.

Указ Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева «О мерах по дальнейшему совершенствованию межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами» [5] направлен на дальнейшее обеспечение стабильности, мира и согласия в обществе, укрепление в сознании граждан чувства принадлежности к большой, единой многонациональной семье, всестороннюю поддержку и дальнейшее развитие деятельности национальных культурных центров и обществ дружбы, расширение культурно-просветительских связей с зарубежными странами. В частности, принципиальное значение имеет создание на базе Республиканского интернационального культурного центра и Совета обществ дружбы и культурно-просветительских связей с зарубежными странами Узбекистана Комитета по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Кабинете Министров Республики Узбекистан, при котором функционирует 138 национальных и культурных центров, 34 обществ дружбы с зарубежными странами.

На Комитет возлагается активное участие в решении задач по последовательной реализации государственной политики в области обеспечения межнационального согласия и толерантности в обществе, широкому разъяснению миролюбивой политики, достигнутых рубежей и успехов во всех сферах жизни страны, укреплению дружбы с мировым сообществом, в том числе с диаспорой соотечественников за рубежом.

Комитет реализовывает меры по стимулированию, координации и поощрению социальных инициатив, направленных на утверждение принципов межнационального согласия, дружбы и сплоченности, развитие культуры межнациональных отношений. Он оказывает практическую и методическую помощь национальным культурным центрам, поддерживает их инициативы, принимает меры по укреплению в сознании граждан независимо от их национальности, расы и религиозных убеждений чувства принадлежности к единой большой многонациональной семье, реализации принципа «Узбекистан - наш общий дом».

Особое внимание уделяется воспитанию молодежи в духе терпимости и толерантности, уважения национальных и общечеловеческих ценностей, сохранения и развития истории, куль-

туры, национальных традиций и обычаев. Это будет способствовать также формированию гармоничного и духовно развитого молодого поколения, обладающего идеологическим иммунитетом против догм национализма и экстремизма, преданного идеям независимости и защиты, продвижения национальных интересов Узбекистана.

На Комитет возложена функция представлять интересы национальных культурных центров и обществ дружбы в государственных органах, координировать их деятельность, оказывать содействие в сохранении и развитии самобытных национальных традиций, обычаев и обрядов, укрепление дружеских, равноправных и взаимовыгодных отношений с зарубежными странами. [6]

На новом этапе развития Узбекистана стабильность в межнациональных отношениях, толерантные отношения между представителями 130 национальностей становятся основой выполнения экономических, политических, духовно-культурных реформ в узбекистанском обществе. Узбекистан как страна исторической толерантности и культурного плюрализма характеризуется такими ключевыми свойствами:

- все этнические и религиозные группы, населяющие Узбекистан, чётко осознают его как свою Родину; полное согласие, понимание и взаимное уважение представителей различных национальных и конфессиональных групп;

- вне зависимости от своей национальной принадлежности граждане Узбекистана убеждены, что толерантность и межэтническое согласие - один из факторов стабильности и гражданского мира в Узбекистане;

- продвижение Узбекистана к демократическому правовому государству и социально ориентированной рыночной экономике непосредственно связаны с дальнейшим развитием и гармонизацией межэтнических и межконфессиональных отношений, взаимовыгодным партнерством титульной нации как лидера и национальных общин и общностей, их социальной солидарностью;

- условия для правового равенства, экономической и общественной свободы всех граждан вне зависимости от их национальной принадлежности;

– мощный потенциал стимулирования и ускорения процессов формирования общественного сознания составляет титульная нация совместно с другими этническими группами, а сложившиеся межнациональные отношения являются гарантом обеспечения мира и стабильности, достойной жизни каждой семьи;

– межэтническое и межконфессиональное согласие в Узбекистане в тесном сочетании с ростом национального самосознания и духовного возрождения узбекского, а также других народов является мощным импульсом обновления общества и его демократизации.

Можно с уверенностью утверждать, что в Узбекистане существует полиэтническая демократия, то есть независимая, суверенная политическая система, для которой характерны демократические институты принятия решений при наличии более ста этносов.

Вместе с тем, в условиях продолжающейся глобализации и трансформации международных и региональных отношений, усиления в мире экономических, политических, национальных, религиозных и других противоречий, возрастания противоборства в информационном и киберпространстве сохраняется ряд актуальных вопросов в сфере межнациональных отношений и дальнейшего развития дружественных связей с зарубежными странами, требующих своего решения в числе которых:

– дальнейшее повышение уровня взаимодействия государственных органов и организаций, местных органов исполнительной власти с институтами гражданского общества в сфере межнациональных отношений и дальнейшего развития дружественных связей с зарубежными странами;

– налаживание на местах системы и механизмов мониторинга состояния межнациональных отношений как основы для организации деятельности по раннему предупреждению и профилактике возможных разногласий и конфликтных ситуаций в обществе;

– реализация комплекса образовательных, информационных и культурно-просветительских мер по воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций народа Узбекистана;

– совершенствование работы по подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов государственных органов.

Исторический опыт толерантности и межнационального согласия в Узбекистане заслуживает внимание, может быть изучен и использован в практической деятельности других государств. Между тем, глобализация, интеграционные, миграционные процессы ставят на повестку дня новые проблемы и задачи. Основными направлениями государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений на современном этапе является:

– совершенствование механизмов взаимодействия государственных органов и организаций, местных органов исполнительной власти с институтами гражданского общества, в том числе средствами массовой информации, при осуществлении государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений дальнейшего развития дружественных связей с зарубежными странами;

– создание дополнительных социально-экономических условий для эффективной реализации государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений и дальнейшего развития дружественных связей с зарубежными странами, сохранение и развитие языка, культуры, традиций и обычаев представителей различных наций и народностей, проживающих в республике;

– дальнейшее укрепление чувства многонациональной большой семьи в обществе, дружбы и согласия между представителями различных наций и народностей, проживающих в республике, воспитание молодого поколения в духе любви и преданности Родине, обеспечение равноправия граждан, недопущение ущемления их конституционных прав и свобод; развитие международного сотрудничества и дружественных связей с зарубежными странами в целях укрепления межнациональных отношений, защиту прав, свобод и законных интересов граждан на территории страны и за ее пределами, поддержку соотечественников и осуществление тесного сотрудничества с узбекскими диаспорами за рубежом, повышение авторитета и имиджа Узбекистана на мировой арене;

– совершенствование организационно-правовых основ межнациональных отношений с учетом приоритетов государственного и общественного развития Республики Узбекистан, передового зарубежного опыта. [7]

Использованные источники и литература

1. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 21 декабря 1965 г. // Действующее международное право. Том 2. – М., 1999. – С.72.

2. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент, 2003; Закон Республики Узбекистан «О государственном языке». – Ташкент, 1996; Закон Республики Узбекистан «О гражданстве». – Ташкент, 1992 и т.д.

3. Указ Президента Республики Узбекистана Ш.Мирзиёева «Об утверждении Концепции государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений». Lex.uz №VII – 5876. 15.11.2019.

4. Всеобщая Декларация прав человека // Действующее международное право. Том 2. – М., 1999. – С.5.

5. Указ Президента Республики Узбекистана Ш.Мирзиёева «О мерах по дальнейшему совершенствованию межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами» // Народное слово, 2017 год, 23 мая.

6. Там же.

7. Указ Президента Республики Узбекистана Ш.Мирзиёева «Об утверждении Концепции государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений» Lex.uz №VII – 5876. 15.11.2019.

Коренные реформы в системе образования Узбекистана как фактор укрепления государственности

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев отметил, что «успех...реформ, обретение нами достойного места среди современных развитых государств мира, прежде всего, связаны с развитием в стране сфер науки, образования и воспитания, нашей конкурентоспособностью в данных областях» [1].

И действительно в век глобализации и информационных технологий, когда уровень развития страны определяется не только социально-экономическими, культурными показателями, оценкой силы и мощи, но опираются во многом и на ее интеллектуальный потенциал, внимание к сфере образования становится особенно актуальным во всем мире. Ведь именно научно-технический прогресс, основы которого закладываются в образовательной среде, является центральным звеном устойчивого развития и процветания страны. Как отмечается в различных исследованиях Азиатского банка развития (АБР), экономики будущего – это те экономики, которые оперируют на острие знаний, науки и технологических инноваций. Такие экономики станут наиболее конкурентоспособными и продуктивными, опираясь на достижения в области образования, технологическое превосходство и предпринимательскую энергию [2].

В условиях, когда за образованной, политически и общественно активной личностью с высоким уровнем правового сознания и культуры закрепляется роль центрального агента всех преобразований, все более значимыми становятся вопросы поступательного развития многоступенчатой системы образования.

А осуществляемые в стране за последние три года широкомасштабные реформы объясняются, в первую очередь, их полным соответствием чаяниям и устремлениям нашего народа, а именно желанием видеть своих детей всесторонне развитыми и образованными. Это желание подпитывается бытующей у нас издавна восточной мудростью, которая гласит: «Если хочешь процветания в течение года, то засевай пшеницей; если хочешь

процветания на несколько лет – посади дерево; а если ты хочешь процветания на сотни лет – вырасти человека и дай ему достойное образование».

Закономерным результатом этого является и то, что в совокупности с государственным содействием развитию образовательной системы в данный процесс в последнее время все более активно интегрируется широкая общественность страны, что можно наблюдать в количественных и качественных показателях.

Необходимо подчеркнуть, что проводимая Узбекистаном политика в сфере образования направлена на обеспечение последовательной и системной реализации принципов, провозглашенных Конституцией Республики Узбекистан, где гарантировано право на бесплатное общее образование [3].

За последние 3 года были приняты целый ряд указов, постановлений Президента и Кабинета Министров, поднимающих систему образования на новую, более высокую ступень. Среди них: Указы Президента «О дополнительных мерах по совершенствованию системы управления народным образованием» от 05 сентября 2018 г., «О мерах по коренному совершенствованию системы общего среднего, среднего специального и профессионального образования» от 25 января 2018 г., «О мерах по коренному совершенствованию управления системой дошкольного образования» от 30 сентября 2017 г.; Постановления Президента «О мерах по образованию Президентских школ» от 20 февраля 2019 г., «О дополнительных мерах по совершенствованию системы контроля за качеством образования» от 16 января 2019 г., «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» от 20 апреля 2017 г. и другие.

Начальным звеном системы непрерывного образования является дошкольное образование. Оно обеспечивает формирование здоровой, развитой личности ребенка, пробуждая тягу к получению знаний, подготавливая к систематическому обучению. В Узбекистане с 2017 года начата реализация программы мер по дальнейшему совершенствованию системы дошкольного образования на 2017-2021 годы [4]. Масштабы данной программы реформ можно проглядеть в количественных показателях, кото-

рые ставит перед собой государство на долгосрочную перспективу. В частности, если сегодня детские сады посещают 33% детей, то к 2031 году 85% детей должны обучаться в дошкольных образовательных учреждениях по принципам личностно-ориентированного обучения [5].

Предусмотрено расширение сети и укрепление материально-технической базы дошкольных образовательных учреждений, обеспечение их квалифицированными педагогическими кадрами. В сентябре 2017 года создано отдельное министерство дошкольного образования, со времени создания которого пересмотрены нормативно-правовые рамки сферы: утверждены новые государственные требования к развитию детей раннего и дошкольного возраста, разработана учебная программа дошкольного образования на основе компетентного подхода, запущена открытая информационная система управления образованием.

Важное место в образовательной системе занимает начальное образование, поскольку именно оно в своем качественном состоянии создает основу для развития человеческого капитала. Этот постулат подтверждается примером таких стран, как Сингапур и Южная Корея, сделавшие серьезный рывок в развитии, начав с создания системы национального образования, прежде всего школьного.

Узбекистан также остро и глубоко осознает необходимость модернизации начального и среднего образования, что сопровождается предпринимаемыми мерами по их поднятию на новый уровень качества. Реализация этих мер, в первую очередь, относится к вопросам повышения статуса педагогов в обществе, их социальной и правовой защите, увеличению заработной платы.

В частности, в стране осуществляется переход на 11-летнее полное среднее образование с учетом пожеланий самих учащихся и их родителей. Пересматриваются государственные образовательные стандарты и учебные планы исходя из того, какие навыки будет получать учащийся в каждом классе. Начата работа по созданию и изданию учебников на основе самых современных методик, усилению в школах таких направлений, как технологии, основы инженерии, математика, искусство, иностранные языки, а также по переоснащению предметных лабораторий [6].

Вместе с этим совершенствуется система академических лицеев и профессиональных колледжей. Проведен критический анализ деятельности лицеев с точки зрения перспективного развития регионов, с учетом территориальных, демографических, экономических и других социальных факторов. Приняты меры по оптимизации количества академических лицеев, резкому повышению качества и обновлению содержания образования, улучшению показателей поступления выпускников лицеев в вузы.

Организована специализированная школа по углубленному изучению предметов в области информационно-коммуникационных технологий имени аль-Хорезми – основателя алгебры и от имени которого происходит термин «Алгоритм» [7]. Создана также государственная специализированная школа-интернат имени Мирзо Улугбека, парк Астрономии и аэронавтики, что, несомненно, послужит повышению качества образования в стране в соответствии с мировыми стандартами, в частности в плане глубокой и специализированной подготовки кадров [8].

20 февраля 2019 года Президент Ш. Мирзиёев подписал постановление «О мерах по образованию президентских школ», процесс обучения в которых будет осуществляться на английском языке по программе «STEAM – образование» (Science – естественные науки, Technology – технологии, Engineering – техническое творчество, Art – искусство и Mathematics – математика). Основными задачами президентских школ определены:

- выявление, отбор и обучение одаренных детей, создание условий для их всестороннего развития и раскрытия интеллектуального, научного и творческого потенциала учащихся;

- организация углубленного изучения естественных и точных наук, освоения иностранных языков, инженерных и информационно-коммуникационных технологий;

- внедрение современных методов обучения и оценки знаний учащихся, а также междисциплинарного подхода преподавания на основе интеграции образовательных программ с последующим распространением положительного опыта в системе народного образования республики;

- осуществление профессиональной ориентации учащихся, развитие у них навыков лидерства и ораторского искусства, кри-

тического мышления, поиска, анализа и обработки информации, применения полученных знаний на практике;

- обеспечение достойного участия учащихся в международных олимпиадах, конкурсах и соревнованиях по общеобразовательным предметам;

- формирование у учащихся чувства патриотизма и любви к Родине, толерантности, уважительного отношения к законам, национальным и общечеловеческим ценностям, твердых убеждений и взглядов на жизнь;

- налаживание сотрудничества с отечественными и зарубежными аналогичными учреждениями общего среднего и высшего образования по вопросам обеспечения преемственности учебных программ, дальнейшего обучения выпускников в передовых зарубежных высших образовательных учреждениях и их филиалах в республике [9].

Следует отметить, что вслед за Ташкентом президентские школы открылись в Хиве, Намангане и Нукусе. В 2020-2021 годах они откроются в других регионах Узбекистана. Занятия в школах ведутся по учебным планам и программам, разработанным совместно с экспертами Кембриджского университета. Подбор учителей за рубежом осуществляли компании Teachaway и TIC Recruitment. В учебном процессе задействованы также отечественные педагоги. Учебники и пособия для школ предоставили Cambridge University Press, Oxford University Press, Collins и другие издательства [10].

При этом важно осознавать, что предпринимаемые практические меры по модернизации начального и средне специального образования сами по себе не могут гарантировать высокую результативность и качественное изменение, которое преследуется всеми этими реформами. Большое значение в этих условиях имеет наличие качественного педагогического потенциала и ресурса нашей страны. Иными словами, в стране многократно возрастают требования к профессии учителя и педагога, который является центральным звеном системы образования.

Многочисленные исследования показывают, что самый важный фактор, определяющий результаты обучения, – это качество профессиональной подготовки учителей. Например, в США по-

считали, что смена учителя низкой квалификации на учителя квалификации среднего уровня приведет к повышению будущих доходов учащегося на 250 тысяч долларов в течение его жизни [11].

Эксперты Всемирного банка отмечают, что в большинстве стран Центральной Азии существует проблема с педагогическими кадрами. Из-за низкой зарплаты и небольших перспектив профессионального роста преподавание не считается престижной профессией. Учителей готовят без учета их собственных потребностей, равно как и потребностей национальной экономики. В результате страдает качество преподавания и, следовательно, уровень подготовки учащихся [12].

В целях улучшения ситуации с преподавателями, повышения их качества, на данный момент в стране ведется работа по созданию нового квалификационного стандарта учителя и переобучение учителей, нацеленных на решение новых задач, проводится конкурсный отбор при принятии на работу, приглашаются иностранные специалисты, радикально и последовательно меняется деятельность института повышения квалификации, создается система мотивации и многое другое.

Одним словом, предпринимаемые сегодня меры направлены на построение системы образования таким образом, чтобы учитель чувствовал себя достойно и был востребованным.

Особое внимание за последние три года было уделено вопросам реформирования системы высшего образования с упором на повышение уровня научно-педагогического потенциала, соответствия современным требованиям учебно-методического и информационного обеспечения образовательного процесса.

Как показывают результаты социологических исследований Центра изучения общественного мнения, в системе жизненных ценностей молодого поколения одно из главных мест занимает образование. Например, в опросах 2010 и 2011 годов только треть молодежи хотела учиться в высшем учебном заведении, а в 2017 году уже 76,5 процента [13]. Для молодых людей учеба в университете ассоциируется, прежде всего, с залогом успеха в жизни, социальным статусом, перспективой хорошей заработка и возможностью трудоустройства.

В целом, в период с 2017 по 2021 годы на реализацию мер по совершенствованию системы высшего образования выделено более 1,7 триллиона сумов (более 203 млн. долл. США в эквиваленте), из них 1,2 триллиона сумов (около 144 млн. долл. США в эквиваленте) – на строительство, реконструкцию и капитальный ремонт учебно-лабораторных корпусов, спортивных залов и мест проживания студентов, свыше 500 миллиардов сумов (около 60 млн. долл. США в эквиваленте) – на оснащение учебно-лабораторным оборудованием, мебелью и инвентарем, создание межвузовских лабораторных комплексов совместного пользования, а также на развитие информационно-коммуникационных технологий [14].

Во исполнение Постановления Президента «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» каждое высшее образовательное учреждение устанавливает тесные партнерские отношения с ведущими зарубежными вузами и центрами. В частности, на сегодняшний день высшими образовательными учреждениями республики установлены партнерские отношения с ведущими профильными зарубежными научно-образовательными учреждениями США, Великобритании, Нидерландов, Германии, Франции, Италии, России, Японии, Южной Кореи, Китая и других стран.

На основе налаженных партнерских связей с иностранными университетами, предусматривается ежегодное привлечение в Узбекистан не менее 350 зарубежных высококвалифицированных преподавателей и ученых к образовательному процессу в вузах.

Вместе с этим ведется работа по широкому внедрению в учебный процесс передовых педагогических технологий, учебных программ и методических материалов, основанных на международных образовательных стандартах.

С учетом перспектив комплексного развития регионов и отраслей экономики, потребностей территориальных и отраслевых программ формируются целевые параметры подготовки кадров в соответствии с высшим образованием, оптимизируются направления и специальности обучения.

Последовательно осуществляется работа по решению проблемы создания и внедрения в систему высшего образования

учебных пособий нового поколения, обеспечения вузов современной учебной и научной литературой. Налажена работа по переводу новейшей зарубежной литературы на узбекский язык.

В сентябре 2018 года в Узбекистане был учрежден фонд «Эл-юрт умиди» [15], нацеленный на налаживание тесного взаимодействия с соотечественниками с большим научным потенциалом, учеными, специалистами и талантливой молодежью, проживающими и ведущими свою профессиональную деятельность за рубежом. Фонд также призван обеспечить Узбекистан высококвалифицированными и конкурентоспособными на мировом рынке труда специалистами, необходимыми для всестороннего и ускоренного развития нашей страны. Его деятельность направлена главным образом на широкий охват усердных, целеустремленных представителей науки, педагогов и оказание им содействия в повышении квалификации как в ведущих зарубежных образовательных учреждениях, так и в самом Узбекистане. При этом преследуется цель перенять самые прогрессивные мировые достижения, обогатиться последними изысканиями научной мысли, внедрять в Узбекистане все лучшее из мировой практики применения продвинутых технологий и инноваций.

На реализацию этих общегосударственных задач по подготовке специалистов за рубежом и диалогу с соотечественниками в 2019 году из государственного бюджета было выделено 45 млрд сумов (54 млн. долл. США в эквиваленте) фонду «Эл-юрт умиди» [16].

В 2020 году по линии фонда «Эл-юрт умиди» за рубеж будут направлены более 700 ученых, профессоров и преподавателей для проведения научных исследований и повышения квалификации.

В перспективе планируется увеличение количество грантов в 2 раза и расширение направления исследований [17].

Вместе с тем, по мнениям экспертов, в условиях быстроменяющегося мира и новых вызовов, возникает потребность в серьезном анализе актуального состояния сферы образования в Узбекистане и выработке новых подходов концептуального и прикладного характера. Указывая на серьезные проблемы, существующие в сфере образования, Президент Узбекистана отметил

следующее: «В условиях ускоренного развития экономики система высшего образования вместо того, чтобы быть «локомотивом» развития, не идет в ногу со временем. У нас нет системы, отвечающей изменениям на рынке труда, способной обучить молодежь профессиям, сформировать у нее предпринимательские навыки» [18].

Если учесть, что на сегодняшний день безотлагательная потребность только в научных и научно-педагогических кадрах составляет более 5000, эта цифра увеличится минимум в 50-100 раз, если также учесть острую нужду в научно-педагогических кадрах в производственных сферах.

Несоответствие системы образования потребностям экономики является на сегодняшний день серьезной проблемой. Согласно исследованию Всемирного банка, 35% Узбекистана сталкиваются с трудностями при поиске квалифицированных специалистов с высшим образованием [19].

Как отмечает Президент: «И это лишь потребность в кадрах на сегодня. А какие и для каких сфер будут необходимы специалисты в близкой и далекой перспективе экономического развития? Уже сейчас необходимо глубоко задуматься над этим вопросом, воспитать кадры, соответствующие требованиям времени и темпам реформ. От решения этого вопроса зависит наше будущее» [20].

Не прекращается работа по привлечению ведущих зарубежных университетов к открытию своих филиалов в Узбекистане. Если до 2017 года было организовано обучение в столичных филиалах 7 зарубежных университетов (Международного Вестминстерского университета, Сингапурского института развития менеджмента, Туринского политехнического университета, Московского Государственного университета, Российского государственного экономического университета имени В. Плеханова, Российского института нефти и газа имени Губкина, Южно-Корейского университета ИНХА), то по состоянию на январь 2020 года в Узбекистане функционирует 95 местных, 21 зарубежных, всего 116 ВУЗов [21], а также реализуется около 50 совместных образовательных программ. Планируется, что в перспективе организуемые факультеты поэтапно будут преобразованы в филиалы [22].

2020 год обещает стать прорывным в развитии высшего образования: планируется создать 18 новых высших учебных заведений и их филиалов. 10 вузов будут государственными, 3 – созданы с участием иностранных партнеров, 5 – организованы на основе государственно-частного партнерства. В результате создания новых университетов охват молодежи высшим образованием увеличится на 25% [23].

Такое увеличение числа вузов, включая филиалы зарубежных и местных вузов, а также появление негосударственных вузов будет способствовать ещё большему охвату молодёжи высшим образованием и повышению его качества.

Цель всех этих системных и последовательных преобразований, осуществляемых в системе образования – создать условия для формирования гармонично развитой личности. Это вызвано тем, что конечный успех реформ в стране во многом зависит от образования и воспитания молодежи, формирования ее мировоззрения на основе современных знаний, духовности и просвещения. В частности, в противодействии таким угрозам, как терроризм и экстремизм, сегодня уже не эффективно бороться лишь с их последствиями, главной задачей становятся искоренение первопричин этих угроз, воспитание молодежи в духе высоких идеалов гуманизма. Узбекистан выступает именно за такой подход к решению важнейших проблем современности. Большое значение в этом отношении имеет инициатива Президента Ш. Мирзиёева «Просвещение против невежества и насилия» [24], которая вызывает большой интерес и широкую поддержку в мировом сообществе.

В завершение выделим, что перед Узбекистаном стоят новые задачи в сфере образования, связанные, в первую очередь, с необходимостью обеспечения реализации Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года [25].

Документом предусмотрено:

– повышение уровня охвата высшим образованием более 50 процентов на основе организации в регионах деятельности государственных и негосударственных высших образовательных учреждений, создания в сфере здоровой конкурентной среды;

– обеспечение становления Национального университета Узбекистана и Самаркандского государственного университета в качестве флагманов высших образовательных учреждений страны;

– включение не менее 10 высших образовательных учреждений республики в первую 1000 позиций перечня высших образовательных учреждений в рейтинге международно признанных организаций (Quacquarelli Symonds World University Rankings, Times Higher Education или Academic Ranking of World Universities);

– поэтапный перевод учебного процесса высших образовательных учреждений на кредитно-модульную систему;

– поднятие содержания высшего образования на качественно новый уровень, налаживание системы подготовки высококвалифицированных кадров, способных найти свое место на рынке труда, внести достойный вклад в стабильное развитие социальной сферы и отраслей экономики;

– поэтапное внедрение концепции «Университет 3.0», предусматривающей взаимосвязь деятельности по коммерциализации результатов образования, науки, инноваций и научных исследований в высших образовательных учреждениях;

– создание в высших образовательных учреждениях технопарков, форсайт-центров, центров трансферных технологий, стартапов и акселераторов за счет широкого привлечения зарубежных инвестиций, расширения масштаба платных услуг и других внебюджетных средств, выведение их на уровень научно-практических учреждений по прогнозированию и исследованию социально-экономического развития соответствующих отраслей, сфер и регионов;

– обеспечение опубликования статей профессоров-преподавателей, научных соискателей, докторантов, студентов бакалавриата и магистратуры высших образовательных учреждений в авторитетных международных научных журналах с высоким импакт-фактором, увеличения показателей цитируемости статей, а также поэтапного включения республиканских научных журналов в международную базу научных технических данных;

– преобразование системы высшего образования Республики Узбекистан в хаб по реализации международных образовательных программ в Центральной Азии;

– повышение инвестиционной привлекательности высшего образования, привлечение зарубежных образовательных и научных технологий;

Дополнением к Концепции развития системы высшего образования явились предложения Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева. В частности, было отмечено, что в ближайшем будущем:

– будет увеличен охват высшим образованием молодёжи, за счёт увеличения в 2 раза доли государственных грантов на поступление в вузы;

– будут выделены отдельные бюджетные места для девушек;

– будут оптимизированы вступительные экзамены в высшие учебные заведения, при этом уделено особое внимание упрощению условий приема, предоставлению вузами реально востребованных знаний;

– на основе зарубежного опыта будут усовершенствованы стандарты высшего образования, пересмотрены его направления и структура изучаемых дисциплин. Вдвое сократится количество дисциплин, не имеющих отношения к приобретаемой специальности.

– с этого года для 6 направлений педагогического образования определен 3-летний срок обучения. Такие изменения будут осуществлены и в других направлениях;

– высшим учебным заведениям поэтапно будет предоставлена академическая и финансовая самостоятельность. На самофинансирование в этом году перейдут 10 вузов. Кроме того, на конкурсной основе будут определены не менее 5 вузов, совместно с ведущими зарубежными вузами начнется их трансформация [26].

В Узбекистане велико понимание того, что постоянные инвестиции в так называемый «человеческий капитал» и образование, являются залогом формирования развитого демократического государства, постоянным двигателем прогресса и неременным условием модернизационной направленности

общегосударственного развития. Как справедливо отметил по этому поводу Президент «...мы поставили перед собой цель войти в ряд развитых государств и сможем достичь ее, только проводя ускоренные реформы, опираясь на науку, просвещение и инновации.

Для этого нам прежде всего необходимо воспитать кадры новой формации, выступающие инициаторами реформ, обладающие стратегическим видением, глубокими знаниями и высокой квалификацией. Именно поэтому мы начали реформирование всех звеньев образования – от дошкольного до высшего.

Наука и просвещение имеют первостепенное значение для повышения интеллектуального и духовного потенциала не только молодежи, но и всего нашего общества. Там, где не развивается наука, наблюдаются регресс, отсталость общества во всех сферах» [27].

Данный постулат всегда получал должную поддержку и признание на государственном уровне, и более того он изо дня в день крепнет в сознании людей, что создает прочный пласт и основу для светлого и великого будущего Узбекистана.

Использованные источники и литература

1. Поздравление Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева учителям и наставникам Узбекистана // Инт.: <http://uza.uz/ru/politics/uchitelyam-i-nastavaavnikam-uzbekistana-29-09-2017>

2. Узбекистан вчера, сегодня, завтра // Народное слово. – 2015. – 25 июня. Ст.41 Конституции Республики Узбекистан. – г.Ташкент. – 2018 г.

3. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы дошкольного образования на 2017-2021 годы» от 29 декабря 2016 года № ПП-2707 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2017 г. – № 1, ст. 11.

4. «Дошкольное образование будет свободно от злоупотреблений, коррупции и насилия» // Инт.: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/07/27/preschool-education/> Вице-премьер Азиз Абдухакимов – о школах ближайшего будущего // Инт.: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/07/18/future-schools/>

5. Постановление Президента Республики Узбекистан «Об организации специализированной школы по углубленному изучению предметов направления информационно-коммуникационных технологий

имени Мухаммада ал-Хоразмий» от 14 сентября 2017 года №ПП-3274 // Народное слово. – 2017. – 15 сентября.

6. Постановление Президента Республики Узбекистан от 14 сентября 2017 года №ПП-3275 О создании государственной специализированной общеобразовательной школы-интерната имени Мирзо Улугбека и парка «Астрономии и аэронавтики» // Народное слово. – 2017. – 15 сентября.

7. Постановление Президента Республики Узбекистан от 20 февраля 2019 г. «О мерах по образованию президентских школ» // Инт.: <http://uza.uz/ru/documents/o-merakh-po-obrazovaniyu-prezidentskikh-shkol-21-02-2019>

8. Президентские школы открылись в Хиве, Намангане и Нукусе// Инт.: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/12/13/school/>

9. Каким быть школьному образованию //Инт.: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/07/26/school-education/>

10. Инвестиции в будущее // Инт.: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/09/04/education/>

11. Исследование среди 1.100 респондентов по всей стране в возрасте от 14 до 29 лет. Кубарева Ф. Чем живешь, молодежь? // Инт.: <http://www.ut.uz/ru/eshyo/analitika/chem-zhivesh-molodezh/>

12. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» от 20 апреля 2017 года № ПП-2909 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2017 г. – № 18, ст. 313, № 19, ст. 335, № 24, ст. 490, № 37, ст. 982.

13. Об организации деятельности фонда «Эл-юрт умиди» по подготовке специалистов за рубежом и диалогу с соотечественниками при Кабинете Министров Республики Узбекистан Указ Президента Республики Узбекистан от 25 сентября 2018 года №УП-5545 // Инт.: <http://www.lex.uz/ru/docs/3920035>

14. В подготовку кадров за рубежом вложат дополнительные средства // Инт.: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/12/19/specialists/>

15. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису // Инт.:http://uza.uz/ru/politics/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeev-25-01-2020?sphrase_id=5395464

16. «Высшее образование отстало от времени» – Президент // Инт.: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/10/24/education/>

17. Проблемы образования и пути решения – в проекте стратегии инновационного развития // Инт.: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/07/13/>

education-strategy/

18. Кадров не хватает: Шавкат Мирзиёев заявил, что страна нуждается в тысячах квалифицированных специалистов // Инт.: <https://nuz.uz/politika/37496-kadrov-ne-hvataet-shavkat-mirziyev-zayavil-chto-strana-nuzhdaetsya-v-tysyachah-kvalificirovannyh-specialistov.html>

19. Олий таълим ташкилотлари фаолияти билан боғлиқ айрим муаммолар очикланди // Инт.: <https://kun.uz/news/2019/12/30/oliy-talim-tashkilotlari-faoliyati-bilan-bogliq-ayrim-muammolar-ochiqlandi>

20. Высшее образование отстало от времени» – Президент // Инт.: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/10/24/education/>

21. Учиться и еще раз учиться... Планы и реальность // Инт.: <https://anhor.uz/columnists/uchitysya--i-eshe-raz-uchitysya-plani-i-realynosty>

22. Инициатива Президента Узбекистана единогласно поддержана мировым сообществом // Инт.: <https://www.un.int/uzbekistan/news/инициатива-президента-узбекистана-единогласно-поддержана-мировым-сообществом>

23. Шавкат Мирзиёев утвердил Концепцию развития системы высшего образования до 2030 года // Инт.: <https://kun.uz/ru/news/2019/10/09/shavkat-mirziyoyev-utverdil-konsepsiyu-razvitiya-sistemy-vysshego-obrazovaniya-do-2030-goda>

24. Что предложил Мирзиёев. ТОП главных изменений, который ждут вузы Узбекистана // Инт.: <https://podrobno.uz/cat/politic/chto-predlozhil-mirziyev-top-glavnykh-izmeneniy-kotoryy-zhdut-vuzy-uzbekistana/>

25. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису // Инт.: http://uza.uz/ru/politics/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyev-25-01-2020?sphrase_id=5395464

Государственная политика Республики Узбекистан в сфере науки в рамках реализации Стратегий действий

Наука и ее опережающее развитие в условиях глобализации современного мира остается одним из приоритетных факторов государственного строительства.

Однако, в последнее десятилетие в Узбекистане, из-за экономических трудностей переходного периода и социальных проблем в обществе, а в последующем недостаточного внимания к развитию науки и деятельности Академии Наук Республики развитие науки начала отставать от требований времени.

В результате, материально-техническая инфраструктура научно-исследовательских институтов не обновлялась и устарела, снизилась отдача от научных изысканий, понизился социальный статус ученых, национальная наука стала отставать от глобальных тенденций мировой науки.

После избрания Президентом Республики Шавката Мирзиёева ситуация в этой отрасли начала меняться кардинальным образом. Первая встреча Президента нашей страны в качестве главы государства состоялась в декабре 2016 года именно с научным сообществом – академиками, ведущими учеными страны. На встрече были подняты многие нерешенные проблемы, связанные с развитием науки и подготовки кадров, а также социальной защитой научных работников.

Впервые, с 1 января 2017 года по инициативе главы государства, было решено выплачивать ежегодный гонорар академикам в размере десяти минимальных заработанных плат, не облагаемый налогом на доходы юридических лиц, а также ежегодное бесплатное прохождение курса оздоровления в санитарно-оздоровительных учреждениях [1].

Была проведена значительная работа, направленная на укрепление материально-технического потенциала и повышение эффективности научно-исследовательской деятельности. Создан ряд новых научно-инновационных структур- Центр геномики и биоинформатики, Международный институт солнечной энергии,

Центр высоких технологий с участием Кембриджского университета.

С принятием Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах, где были намечены задачи дальнейшего развития Узбекистана, начался новый этап реформ всех сфер общественной жизни республики [2].

В основу Стратегии действий легли концептуальные вопросы общественно-политического, социально-экономического, культурно-гуманитарного развития страны, озвученные Президентом Республики Узбекистан Шавкатом Мирзиёевым в ходе предвыборной избирательной кампании, многочисленных встреч с общественностью, представителями деловых кругов, а также государственных органов.

Целью Стратегии действий являются коренное повышение эффективности проводимых реформ, создание условий для обеспечения всестороннего и ускоренного развития государства и общества, модернизация страны и либерализация всех сфер жизни.

В частности, определены 5 приоритетных направлений развития страны:

1. Совершенствование государственного и общественного строительства;
2. Обеспечение верховенства закона и дальнейшее реформирование судебной системы;
3. Развитие и либерализация экономики;
4. Развитие социальной сферы;
5. Обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики.

Каждое из этих направлений содержит конкретные разделы по дальнейшему углублению реформ и преобразований в стране.

В приоритетных направлениях развития социальной сферы в стратегии действий отдельным пунктом прописана задача развития сферы образования и науки, в которой в качестве важнейшего направления определено стимулирование научно-исследовательской и инновационной деятельности, создание эффективных

механизмов внедрения научных и инновационных достижений в практику, создание при высших образовательных учреждениях и научно-исследовательских институтах специализированных научно-экспериментальных лабораторий, центров высоких технологий и технопарков.

В целях решения накопившихся проблем в данной сфере было принято постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Академии наук, организации, управления и финансирования научно-исследовательской деятельности» [3].

В постановлении также уделено особое внимание стимулированию эффективной научной деятельности. С этой целью был создан Фонд материального стимулирования научных сотрудников Академии наук, достигших весомых результатов по итогам научных исследований, с формированием его средств за счет отчисления научно-исследовательских учреждений Академии наук в размере 10 процентов от чистой прибыли, поступившей от их хозяйственной и предпринимательской деятельности.

Также в соответствии с постановлением была создана Государственная комиссия по науке и технологиям во главе с Премьер-министром Республики Узбекистан, на которую возложены задачи по разработке и реализации единой государственной политики в области научно-технической деятельности, функции по определению приоритетных направлений инновационной политики.

Рабочим органа данным комиссии является Агентство по науке и технологиям Республики Узбекистан на базе упраздненного Комитета по координации развития науки и технологий при Кабинете Министров. На агентство возложены задачи по формированию государственных заданий на оказание научно-технических услуг, в частности, выполнения фундаментальных прикладных и инновационных исследований для отраслей экономики и социальной сферы. Еще одним важным вопросом, который будет решен благодаря данному постановлению, является создание при Государственной комиссии по науке и технологиям Фонда поддержки и развития научно-технической деятельности в форме юридического лица, средства которого будут направлены на следующие цели:

– создание в научно-исследовательских и высших образовательных учреждениях принципиально новых, оснащенных современным высокотехнологичным оборудованием научных лабораторий;

– покрытие расходов по регистрации за рубежом прав на интеллектуальную собственность (патентов), созданных отечественными учеными в рамках государственных научно-технических программ;

– бесперебойное обеспечение научных приборов и оборудования современных лабораторий необходимыми расходами материалами и комплектующими;

– покрытие расходов по обеспечению свободного доступа научно-исследовательских и высших образовательных учреждений к ведущим мировым электронным научным базам данных;

– финансирование краткосрочных научных стажировок молодых ученых в ведущих зарубежных научных центрах.

В Узбекистане действуют 93 научно-образовательных, 73 высших образовательных, 63 конструкторских, в целом почти 230 научно – образовательных учреждений, которые являются организациями-исполнителями государственных научно-технических программ. В этих учреждениях работает более 11 тысяч докторов наук и других сотрудников.

В 2017 году в рамках государственных научно-технических программ, было реализовано более 400 фундаментальных, почти тысяча прикладных, 370 инновационных научно-исследовательских проектов. В результате этого, в 2017 году экспорт научной продукции Академии Наук составил более 3 миллионов 200 тысяч долларов США [4].

В течение 2017-2019 годов был принят один Закон и 27 Постановлений и Указов Президента, а также более 40 Постановлений Правительства, направленных на упорядочение научно-исследовательской деятельности и дальнейшего развития деятельности Академии Наук [5].

На основе этих документов в системе Академии Наук была восстановлена деятельность больше десяти научно-исследовательских институтов, кардинально улучшилось качество работ, проводимых в существующих институтах. в частности, были

принято Постановление Президента Республики Узбекистан по дальнейшему развитию математики, ядерной физики и сейсмологии.

По Постановлению Кабинета Министров от 21.09.2019 «О коренном совершенствовании археологических исследований в системе Академии Наук создан Национальный Центр археологии [6].

Основными задачами Центра были определены:

– Научно-историческое руководство археологическими исследованиями, которые ведутся на территории Республики и широкое применение современных исследовательских методов естественных наук в археологических исследованиях;

– Организация комплексных археологических экспедиций с использованием инновационных технологий в тесной связи сферы образования с практикой;

– Подготовка научных обоснований для преобразования археологических памятников в музеи под открытым небом и другие.

Для повышения эффективности научно-исследовательских работ и оптимизации управленческого аппарата штат Академии Наук был увеличен в два раза, а также ощутимо повысилась зарплата.

Молодым ученым на основе льготных и ипотечных кредитов начали выдавать жилье, что послужило привлечению талантливой молодежи в академическую среду, резко сократился отток кадров из научно-исследовательских институтов.

В результате за последние годы были достигнуты определенные успехи в науке. Повысился научный потенциал в научно-исследовательских учреждениях. Только за 2019 год было защищено 138 докторских диссертаций, это на 15% больше, чем в прошлом году и на 50% больше по сравнению с 2017 годом. Количество защищенных работ в срок возросло существенно по сравнению с прошлым годом и составило 50% [7].

Кроме того, для обеспечения непрерывной смены поколений ученых и целью привлечения молодежи в научную деятельность, начиная с 2020 года в научно-исследовательских учреждениях вновь восстановлен институт стажеров-исследователей,

и 100 молодых исследователей приняты на работу на эти должности.

В условиях глобализации, важное значение имеет развитие международного сотрудничества по всем направлениям современной науки, когда наука играет решающую роль в формировании интеллектуального потенциала нации и инновационного развития государства.

За прошедшие годы существенно активизировались международные научные связи и были подписаны более 50 договоров о сотрудничестве с крупными научными центрами и технологическими гигантами. В частности, подписаны соглашения с Россией, Китаем, и Академией Наук Белоруссии, «Росатомом», а также с Объединенным институтом ядерных исследований. В течение 2019 года 113 сотрудников Академии Наук прошли стажировку в ведущих зарубежных центрах, свыше 500 ученых участвовали в международных конференциях и семинарах.

В ближайшем будущем в Узбекистане также начнутся работы по строительству Атомной электростанции. Быстрорастущая экономика Узбекистана нуждается в дешевой электроэнергии.

Учитывая сложность проблем и необходимость их комплексного и системного решения, необходимо привлечение в атомную отрасль молодых ученых и инженерных национальных кадров, способных обеспечить экономическое развитие Узбекистана. Поэтому было принято решение о создании в Ташкенте филиала Российского Национального исследовательского ядерного Университета «МИФИ»- в 2019 году 100 абитуриентов на основе государственного гранта.

В настоящее время узбекские ученые вносят достойный вклад в развитие мировой науки. Узбекские ученые впервые в мире разработали технологию получения наночастицы на основе кремния диоксида, которая позволяет получить новые инновационные материалы. Также были открыты 90 новых видов растений, которые были неизвестны на Азиатском континенте. Освоена технология улучшения качества полувцветных металлов, что позволит поднять ценность конечного продукта.

Археологи Узбекистана совершили открытие мирового значения в Самаркандской области при раскопке памятника Кафиркала.

Совместно с учеными Европы, Японии, России и Киргызстана составлен банк ДНК более 20 этносов Центральной Азии и Закавказья, что является большим успехом развития отечественной науки.

Успехи, достигнутые в области науки за последние годы, имеют большое практическое значение в экономической и общественной жизни.

Например, после создания импортозамещающего мобильного озонатора от вредителей повысилась эффективность при дезинфекции овощных баз и теплиц. После создания технологии производства изотопов (для медицинских целей) в циклотроне и ядерном реакторе для медикаментных целей эта сфера поднялась на новый уровень.

Кроме того, была подготовлена пятое издание «Красной книги» Узбекистана с участием зарубежных институтов и ученых.

С января 2020 года во всех государственных учебных и научно-исследовательских учреждениях, которые финансируются из бюджета всем ученым, имеющим ученую степень кандидата наук или доктора философии (PhD), до 30%, а также докторам наук до 60 % выплачивается надбавок к зарплате.

Ярким примером проводимых реформ, направленных на развитие науки, научного потенциала и укрепление связей отраслей экономики и науки, стал принятый 29 октября 2019 г., Закон Республики Узбекистан «О науке и научной деятельности».

Этот важнейший законодательный документ закрепляет основные положения в сфере науки и научной деятельности, полномочия Кабинета Министров РУз, Министерства инновационного развития, Академии наук, министерств и ведомств, научных учреждений, ВУЗов, а также других организаций, которые координируют и выполняют научные исследования.

Особое внимание в Законе уделено вопросам всесторонней государственной поддержки научной деятельности, организации и финансирования научных исследований. Данный Закон послужит дальнейшему повышению роли науки, активизации научной деятельности и результативности исследований ученых республики, направленных на устойчивое развитие экономики Узбекистана.

Список использованных источников и литературы:

1. Указ Президента Республики Узбекистан «о мерах по дальнейшему совершенствованию и стимулированию деятельности академиков академии наук Республики Узбекистан» от 29 декабря 2016 г., № уп-4907//инт.: <https://lex.uz/docs/3089612>, а также указ президента республики узбекистан «о мерах по дальнейшему стимулированию деятельности действительных членов академии наук республики узбекистан, а также действительных членов и членов-корреспондентов бывшей узбекской академии сельскохозяйственных наук» от г. ташкент, 29 декабря 2017 г., № уп-5292 //инт.: <https://lex.uz/docs/3480684>

2. Указ Президента Республики Узбекистан «о стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» г. Ташкент от 7 февраля 2017 г., № уп-4947

3. <http://uza.uz/ru/dokuments/o-merakh-po-dalneyshemu-sjvshenstvo-vaniyu-deyatelnosti-aka-17-02-2017>.

4. <http://uza/uz/science/novyy-etap-razvitiya-nauki-uzbekis-tana-09-11-2017>

5. Постановление Президента Республики Узбекистан «о мерах по дальнейшему укреплению инфраструктуры научно-исследовательских учреждений и развитию инновационной деятельности» г. Ташкент, от 1 ноября 2017 г., № пп-3365// инт.: <https://lex.uz/docs/3398526>, а также Постановление Президента Республики Узбекистан «Об организационных мерах по совершенствованию деятельности научно-исследовательских учреждений по вопросам социально-экономического развития» г. Ташкент, 15 февраля 2018 г., № ПП-3534 // Инт.: <https://www.lex.uz/ru/docs/3557443>, Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по повышению эффективности системы интеграции научной и инновационной деятельности» г. Ташкент, 6 августа 2018 г., № ПП-3899 //Инт.: <https://lex.uz/ru/docs/3853774>, Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019 — 2021 годы» Ташкент, от 21 сентября 2018 г., № УП-5544//Инт.: <https://lex.uz/ru/docs/3913186>, Закон Республики Узбекистан «О науке и научной деятельности» от 22 июля 2019 года // Инт.: <https://lex.uz/ru/docs/4571492>, Постановление Президента Республик Узбекистан «о мерах по поддержке научно-исследовательской деятельности института ядерной физики» от 21 ноября 2019г., №ПП-4526 // Инт.: <https://lex.uz/ru/docs/4604099>, Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об организации деятельности республиканского совета по науке и технологиям» от 9 июля 2019г.,

№пп-4387 //Инт.: <https://base/spinform.ru/showdoc.fwx?rgn=120793>

6. Постановление Кабинета Министров от 21.09.2019 «О коренном совершенствовании археологических исследований в системе Академии Наук.

7. Газета Янги Ўзбекистон 2020, 18 февраль, 17 – сон. Фан – жамият таракқиётини таракатлантирувчи кудратли кучдир

8. Там же

9. Там же

10. Там же

11. // Инт: <https://Lex.uz/docs/4664127> – Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О порядке выплаты доплат работникам, занимающимся научно-педагогической и трудовой деятельностью во всех государственных организациях в сфере образования и науки»

12. // Инт: <https://Lex.uz/ru/docs/4571492>

Инновации и их роль в построении новой государственности в Сингапуре

Процесс становления Сингапура, как нового, независимого государства проходил в самых сложных социально-экономических условиях. Правительство страны понимало, что для преодоления трудностей, связанных с ограниченным размером страны, нехваткой природных ресурсов, а также в обеспечении экономического роста города-государства необходимо развивать научно-технический потенциал.

После обретения независимости основными барьерами на пути развития государственности в Сингапуре являлись:

1. ограниченность, занимаемой территории и небольшое население;
2. отсутствие природных ресурсов;
3. базирование основной части экономики на торговле, а также финансовых и бизнес услугах;
4. незначительный сельскохозяйственный сектор и низкая доля промышленности;
5. заявление в 1967 году о предстоящем выводе британских вооруженных сил, что в свою очередь в 1970 году было ознаменовано потерей 20% рабочих мест и снижением ВВП на 18% [1];
6. последующий стремительный рост населения, на фоне увеличивающийся безработицы [2];
7. повсеместный недостаток квалифицированной рабочей силы, инженеров и технических кадров;
8. отсутствие собственных НИОКР и готовых технологий;
9. слабо развитая система образования: наличие всего 100 начальных, 11 средних и 1 политехнической школы;
10. внутреннее противостояние государственной власти, представленной элитой, обученной в Великобритании, а также национальным китайским бизнес – сообществом и, как следствие, нежелание государства поддерживать местный бизнес, представленной политической оппозицией;

11. маленький внутренний рынок, а также потеря доступа к рынкам Малайзии и Индонезии, возникший в результате ухудшения отношений с вышеперечисленными странами.

В этих крайне невыгодных для страны условиях основной целью развития Сингапура являлось создание «эффективного бизнес города» (efficient business city) и для реализации данной задачи правительство Сингапура поставило перед собой сложные цели, которые заключались в проведении индустриализации экономики, повышении качества образования, а также в уменьшении безработицы.

Основными задачами инновационной политики сингапурского правительства являлись:

- развитие национальной образовательной сферы, включая высшее образование, профессиональное обучение, а также обучение в процессе производственной деятельности;
- привлечение прямых иностранных инвестиций;
- заимствование и ускоренная адаптация зарубежных технологий;
- формирование условий и развитие своей научно-исследовательской инфраструктуры [3, С.8].

Объективное проведение анализа имеющихся по данной проблеме трудов [3, С.9], позволяет нам утверждать, что правительство Сингапура в достижении поставленных целей учитывало такие имеющиеся преимущества своего государства, как:

1. Стратегическое и географическое расположение в центре Малазийского архипелага и исторически укоренившуюся позицию международного логистического и торгового центра;
2. наличие английского оборудования и определенной промышленной инфраструктуры, оставшиеся от колониальных времен;
3. присутствие транснациональных корпораций с колониальных времен;
4. наличие дешевой рабочей силы.

Важно отметить, что для правительства Сингапура вышеперечисленные преимущества играли важную роль. Исходя из этого, для руководства страны приоритетным направлением развития внутренней политики стало образование. В частности, элита

Сингапура выбрала путь интеллектуальной модернизации, связанной с созданием рынка высококвалифицированных кадров для привлечения иностранных инвестиций [4].

В рассматриваемый период правительство Сингапура начало активно проводить политику по привлечению в страну иностранных инвестиций. В частности, была выработана и реализована стратегия привлечения прямых иностранных инвестиций, которая предполагала решение следующих мер:

- были открыты представительства Совета по экономическому развитию Сингапура (Economic Development Board of Singapore) в таких городах как Гонконг, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лондон и другие;

- в Международный консультативный совет (International Advisory Council) были включены представители зарубежных Транснациональных корпораций с целью получения своевременной информации напрямую от транснациональных корпораций об их предпочтениях, трудностях, пожеланиях и т.д;

- широко внедрялись различные налоговые стимулы, обеспечивалось предоставление грантов, в т.ч. по государственной линии, в отсутствие ограничений по созданию компании со 100% иностранным капиталом, найме персонала, выборе поставщиков и т.д;

- предпринимались меры по искусственному сдерживанию заработной платы рабочих и существенное увеличение зарплаты квалифицированных инженеров с согласия Национального Совета Сингапура по зарплате.

В результате реализации вышеупомянутой стратегии в период с 1965-1973 гг. только на развитие определенной отрасли в Сингапур поступили инвестиции на сумму более 1,6 млрд. долларов США [5], которые оказали существенное влияние на дальнейшее развитие экономики страны.

Кроме того, уже в этот период усилиями представителей высокой квалификации Инвестиционной корпорации правительства Сингапура (Government of Singapore Investment Corporation) [6] организация бизнеса была поставлена четко и в самой стране, и позднее за её пределами. В результате этого, уже за короткий промежуток своего независимого развития в стране удалось

создать достаточное количество рабочих мест.

Политика по привлечению крупных мировых корпораций к экономической деятельности Сингапура, которое проводило правительство страны, прежде всего, требовало строить современные технологии, которое привело к стабильному росту экономики страны. В частности, уже во второй половине 80-х годов XX века, не имея собственной нефти, Сингапур стал крупнейшим центром её переработки и торговли нефтепродуктами в Юго-Восточной Азии.

В результате проведения рациональной политики в период с 1965-1977 гг., доля рабочей силы, трудоустроенной в Транснациональных корпорациях, удвоилась с 26% до 52%, а их доля в производстве общей добавленной стоимости выросла с 44% до 63%.

В рассматриваемый период решение задач по формированию условий для проведения национальных научно-исследовательских и опытно-конструктивных работ правительство страны не относило к числу приоритетных задач, так как отсутствовал их конкретный план государственного развития.

Исходя из этого, можно отметить, что расходы на проведение национальных научно-исследовательских и опытно-конструктивных работ в 80-х гг. XX века составляли всего 0,86% ВВП, что было заметно ниже, по сравнению с другими Азиатскими странами [3, С.12].

Следует отметить о том, что национальные научно-исследовательские и опытно-конструктивные работы проводились в основном на базе Вузов, Агентства оборонной науки и технологии [7], а также Агентство по стандартам, производительности и инновациям.

Важно отметить, что самым значимым проектом по созданию инновационной инфраструктуры на данном этапе развития островного государства являлось строительство Сингапурского научного парка (Science Park), который был призван обеспечить стимулирование национальных научно-исследовательских и опытно-конструктивных работ Транснациональными корпорациями.

Необходимо подчеркнуть, что способность предоставлять транснациональным корпорациям качественные инфраструктур-

ные услуги позволила Сингапуру сформировать конкурентные преимущества для индустриализации и модернизации своей экономики, в первую очередь, производящего сектора.

Правительство Сингапура с пользой использовало свой внутренний потенциал. В частности, для своего дальнейшего развития ведущая политическая партия страны использовала все свои возможности, к которым мы можем отнести:

- выгодное географическое расположение, позволявшее развивать Сингапур как региональный, а затем и международный коммерческий логистический центр;

- наличие высокообразованной, квалифицированной, англоговорящей рабочей силы;

- практическое отсутствие коррупционной деятельности в системе государственных органов. Начиная с 80-гг. XX века правительство Сингапура начинает активно развивать рынок венчурного капитала¹.

Помимо привлечения в страну высокоразвитых технологий, Транснациональных корпораций руководство Сингапура в 60-х гг., XX века начало также внедрять инновационные идеи в банковскую систему города-государства.

В 1965 году на долю иностранных банков приходилось 60% всех банковских депозитов и около 40% операций [5, С.34].

Для улучшения банковской системы руководители Сингапура предприняли меры, оказавшие существенные значения на данную сферу.

В частности, еще в 1968 году в Сингапуре был учрежден Банк развития промышленности, функциями которого являлись предоставление кредитов, гарантий, участие в капитале предприятий. Начиная с 1971 года, по поручению правительства, Центральный банк страны, совместно с Банком развития взяли курс на превращение города-государства в Цюрих Востока [5, С.34], для дальнейшего улучшения социально-экономической

---

¹ Примечание: Венчурный капитал - (англ. venture — рискованный, авантюрный) — капитал вкладчиков, предназначенный для финансирования новых, растущих или борющихся за место на рынке предприятий и фирм (стартапов).

ситуации в стране.

Следует отметить, что еще в 1968 году представители банковской системы Сингапура провели консультации с рядом международных банков, после которых был образован рынок азиатских долларов. В итоге, уже к 70 г., XX века объем операций азиатских международных долларов составил 30 млрд. долларов США.

В 1981 году была учреждена Инвестиционная корпорация правительства Сингапура, председателем которой стал первый премьер-министр страны Ли Куан Ю. Учреждение Инвестиционной корпорации позволили сингапурским банкам покупать драгоценные металлы на мировых финансовых рынках, а также предоставили новые возможности для активизации предпринимательской деятельности.

В частности, уже в 1984 году в Сингапуре была создана международная валютная биржа «Симекс» [8], функции которой были схожи с Чикагской коммерческой биржей. Анализ зарубежной историографии позволяют нам утверждать, что в настоящее время ежегодный оборот операций на валютной бирже Сингапура превышает 100 млрд. долларов США, в то время как местный финансовый рынок оценивается в 420 млрд. долларов США [9].

В результате внедрения инновационных идей в банковскую систему Сингапур трансформировался в финансовый центр для многих

Транснациональных корпораций, которые в свою очередь создавали новые рабочие места и внесли свой вклад в дальнейшее улучшение социально-экономической обстановки в стране.

Необходимо отметить, что в период строительства государственности правительство страны ввела изменения в процесс подбора кадров. В частности, был введен принцип меритократии. Меритократией называют систему, при которой высокие посты и положение в обществе занимают наиболее талантливые и компетентные люди, независимо от происхождения, богатства или связей. Благодаря введению принципа меритократии в Сингапуре уже с первых начал назначать на высшие должности людей, которые являлись действительно достойными. В резуль-

тате этого были решены многие проблемы, связанные как с внутренними трудностями, так и с внешними угрозами.

Начиная с конца XX века правительство Сингапура особое внимание начало уделять развитию Интернет, телеком и медиа технологиям. В частности, Агентство по развитию информационно-коммуникационных технологий (Infocom Development Authority) [10] стало активно внедрять проект создания электронного правительства.

В частности, в 1980 году правительство Сингапура выделило пять стратегически важных целей, направленных на развитие электронного правительства страны, которые были направлены на перестройку правительства в цифровой экономике, доставку интегрированных электронных услуг, становление упреждающим и отзывчивым правительством, использование информационных и коммуникационных технологий для открытия новых возможностей, а также на становление Сингапура новаторами в сфере информационно-коммуникационных технологий[11].

Следует отметить, что руководство города-государства осознавало, что ввиду отсутствия природных ресурсов, агрессии со стороны соседних стран, а также социальных противоречий внутри страны являются единственным выходом на развитие являлся переход к наукоёмкой экономике, которая в свою очередь заключалась в активном использовании информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности и в первую очередь в государственном регулировании[12].

Отличительной особенностью внедрения системы электронного правительства в Сингапуре, являлось понимание правительством страны о необходимости развития наукоёмкой экономики, которая позволит стране быть привлекательным для иностранных компаний [13].

В 1980 году в Сингапуре были созданы Национальный совет по компьютерам и План Национальной компьютеризации [12], которые сыграли основную роль в развитии электронного правительства в стране.

Надо сказать, что План Национальной компьютеризации предусматривал, прежде всего, электронизацию основных задач каждого министерства, развитие локальной IT- индустрии и под-

готовку 850[11] соответствующих IT- специалистов в течение 5 лет, а Национальный совет по компьютерам был создан специально для реализации плана компьютеризации и косвенно подчинялся Кабинету Министров.

Следует отметить, что развитие электронного правительства проходило в несколько этапов. В частности, на первом этапе (1980-1999 «Civil Service Computerization») [14], где происходила автоматизация государственной службы, создавалась базовая IT инфраструктура, а также происходила консолидация систем в единый Центр данных.

На втором этапе (2000-2005 «E-Government Action plan I & II») [16] развития электронного правительства основное внимание было направлено на разработку доставки онлайн услуг, а также создавались комплексные услуги.

На третьем этапе (2006-2010 «eGov 2010») [22] была проведена полная интеграция обработки данных систем для государственных органов, а также было развернуто 300 мобильных государственных служб.

На четвертом этапе (2010-2015 «eGov 2015»)[16, С.136], приоритетным направлением являлись сосредоточение и сотрудничество внутри и за пределами правительства.

Особо следует отметить премьер-министров страны, которые внесли свой весомый вклад в развитие электронного правительства, которое в настоящее время является одной из самых лучших систем в мире.

В связи с этим, тогдашний премьер-министр страны Го Чок Тонг (1990-2004) в своем выступлении на Форуме по электронному правительству особо отметил прямую взаимосвязь между развитием программы электронного правительства и системой управления страной. Он особо подчеркнул, что опыт Сингапура свидетельствует о том, что «хорошая власть является фундаментом для развития проекта электронного правительства, который, в свою очередь, позволяет улучшить эффективность деятельности правительства» [17].

Подводя итоги, мы можем констатировать о том, что за небольшой исторический период (1965-2015) руководство страны сумела внедрить инновационные методы развития в Сингапуре,

которые положительным образом сыграли огромную роль в социально-экономической обстановке страны. В частности, введение инноваций во все сферы развития позволили правительству Сингапура решить такие социально-экономические трудности, как:

Были созданы новые рабочие места, которые позволили улучшить гражданам Сингапура свое социальное положение;

За короткий период удалось обеспечить всех граждан Сингапура собственным жильём;

1. Правительство страны начало активно инвестировать финансовые средства в систему образования, которые создали новые условия для проведения научно-исследовательских работ;

2. За короткий промежуток времени Сингапур стал т.н. полигоном для Транснациональных корпораций, большинство которых перевели свои головные офисы на территорию города-государства;

3. Была создана собственная инфраструктура по переработки нефти, что начало позитивным образом влиять на экономику страны;

Использованные источники и литература

1. Fred Emery. Singapore is afraid That time is Running out . New York Times. - April 28, 1968, section 6, p. 28.

2. Ли Куан Ю. История Сингапура: из третьего мира в первый. – Москва, МГИМО. 2005. – 476 С.

3. Обрезанов С. А. Основные этапы и ключевые инструменты инновационного развития (на примере Сингапура). – Москва, РГАИС. 2011.

4. Шакиров И.Р. История реформирования системы образования Сингапура: опыт и результаты /Общественное мнение. Права человека// – Ташкент, Илмий ахборот нашри. -№ 1(85), 2019.

5. Пахомова Л. Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). – Москва, 2007.

GIC Private Limited (GIC) [электронный ресурс] URL: <https://www.Swfstitute.Org/profile/598cdaa50124e9fd2d05b242> (Дата обращения 27.08.2019)

The DSTA – Transformation Journey [Электронный ресурс] URL: http://www.dsta.go.sg/images/stories/DSTA%20Internet/publications/A_

Learning_DSTA/ _Learning_DSTA. (Дата обращения 20.06.2019)

Международная денежная биржа Сингапура [электронный ресурс]
URL: <https://utmagazine.ru/posts/12476-mezhdunarodnaya-denezhnaaya-birzha-singapura> (Дата обращения 09.25.2019)

6. Handbook Singapore 2004. – Singapore, 2004. – p.140.

IMDA: Open your world to digital possibilities [Электронный ресурс]
- URL: <https://www2.imda.gov.sg/> (Дата обращения 03.08.2019)

Шахмуратова И.И. Развитие электронного правительства на основе использования технологических инноваций (на примере электронного правительства Сингапура): [Электронный ресурс] – URL:<https://research-journal.org/economical/razvitie-elektronnogo-pravitelstva-na-osnove-ispolzovaniya-technologicheskikh-innovacij-na-primere-elektronnogo-pravitelstva-singapura/>(Дата обращения 16.10.19)

7. Красный А. Электронное правительство Сингапура [Электронный ресурс] – URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ua/Documents/public-sector/egovernment/Electronic%20government%20of%20Singapore.pdf> (дата обращения 19.10.2019)

8. Афанасьева А. С. Возможности электронного правительства в Сингапуре/Теория и практика общественного развития/ - №20. 2015, – С.6.

9. Lee Kwok Cheong. Civil Service Computerization (The Singapore experience) [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01296612.1989.11726298> (Дата обращения 17.10.19)

10. From integrating SERVICES to integrating government/ Report by the igov2010 Project Steering Committee/ [Электронный ресурс] - URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UNPAN/UNPAN032991.pdf> (Дата обращения 17.10.2019)

11. Шаймиева Э.Ш. Теория и практика электронного правительства. - Казань, Познание - 2019.

12. Ong Boon Kiat. Good governance key to effective e-gov: SM// The Business Times, June 16, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адилов Аброр Анварович - к.и.н. доцент кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Атаджанова Сайёра Мэлисовна - к.и.н. доцент кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Ахмедшина Фания Абзаловна - доктор исторических наук, профессор Джизакского государственного педагогического института

Бобров Леонид Александрович - доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия)

Вайсова Нодирабегим Авазовна - преподаватель кафедры истории Узбекистана Ташкентского Государственного Технического университета имени И.А.Каримова

Валиев Акбар Халилович – преподаватель Джизакского Государственного педагогического института

Габриэльян Софья Ивановна - к.и.н. доцент кафедры Всемирной истории исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Гордеева Мария Александровна - младший научный сотрудник Института истории СО РАН, ассистент кафедры отечественной истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета, начальник научно-организационного отдела Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия)

Дмитриев Андрей Владимирович - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия)

Дорошенко Татьяна Ивановна - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Узбекистана исторического фа-

культета Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, директор Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия)

Ишанходжаева Замира Раимовна - д.и.н. и.о. проф. кафедры история Узбекистана исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Кадырбаев Александр Шайдатович – д.и.н., профессор Института Востоковедения РАН, Москва, (Россия)

Сыздыкова Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, (Россия)

Кобзева Ольга Петровна д.и.н., и.о. профессора кафедры истории Узбекистана Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Маматова Махфуза Бахриддиновна – докторантка Каршинского государственного университета

Мачин Гарим Вангарович - к.и.н. доцент кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Муминов Алишер Гаффарович - доктор политических наук, профессор, декан исторического факультета Национального Университета Узбекистана.

Муртазаева Рахбар Хамидовна - д.и.н., профессор кафедры истории Узбекистана Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Мухамедов Шухрат Бахронович – к.и.н., доцент, начальник научно-исследовательского отдела Института развития туризма при Госкомтуризме Республики Узбекистан

Палишева Наталья Витальевна - доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Россия)

Пиков Геннадий Геннадьевич - доктор исторических наук, заведующий кафедрой Всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия)

Раишев Тимур Туляганович - магистрант исторического факультета Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Рахманкулова Зумрат Бойхурозовна - к.и.н. доцент, зав. кафедры Источниковедения исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Речкалова Анастасия Александровна - ассистент кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия)

Розаков Абдурасул Абдурахмонович - старший преподаватель кафедры Всемирной истории исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Саипова Камола Давляталиевна – к.и.н., доцент кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Сидиков Равшан Бердимуратович - к.и.н. доцент кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Слугина Виктория Александровна - канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, заместитель директора Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия)

Тошбоев Фуркат Эшбоевич - доктор философии по историческим наукам (PhD), доцент, зав. каф. Методики преподавания истории исторического факультета Джизакского государственного педагогического института

Холикулов Ахмад Боймахаматович - к.и.н. доцент, зав. кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Шакиров Ильяс Сабирзянович - докторант (PhD) кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Шокиров Тохир Суннат углы – соискатель кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Эгамбердиева Гузал Акрамжановна - докторант исторического факультета НУУз им. Мирзо Улугбека

Юнусова Хуршида Эркиновна - д.и.н., профессор кафедры истории Узбекистана Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА

Ташкент – «TURON-IQBOL» – 2020

Редактор	<i>М. Алимов</i>
Корректор	<i>Х. Закирова</i>
Компьютерная верстка	<i>А. Мухаммадиев</i>

Издательская лицензия АІ № 223, 16.11.2012.
Подписано в печать 11.05.2020. Формат 60×84^{1/16}.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
Печатных листов 17,90. Издательских листов 17,8.
Тираж 100 экз. Заказ №25.

Отпечатано в типографии ООО «TURON-МАТБАА».
Ташкент, Алмазарский район, ул. Талабалар, дом 2.